

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ПРАВА
НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В XIII-XIX ВВ.**

Сборник научных статей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 94(4/5)(082)

ББК 63.3(051)я43

И 716

Рецензент — *Е.А. Куликов*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета

И 716 **Институты власти и права народов Евразии в XIII–XIX вв.** : сборник научных статей / под ред. доктора юридических наук, профессора А.А. Васильева ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. — 188 с.

ISBN 978-5-7904-2775-6.

Сборник научных статей подготовлен учеными Большого Алтая по итогам Международной научной конференции «Институты власти и права народов Евразии в XIII–XIX вв.», посвященной 30-летию образования КРСУ имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и 25-летию юридического факультета.

*Издание осуществлено в рамках госзадания
Министерства науки и высшего образования РФ
по проекту «Тюркский мир «Большого Алтая»:
единство и многообразие в истории и современности»
(реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)*

УДК 94(4/5)(082)

ББК 63.3(051)я43

ISBN 978-5-7904-2775-6

© Авторский коллектив, 2023

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Артыкбаев Ж.О.</i> Орда и ее функции в политической системе тюрков	5
<i>Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.</i> К вопросу о системе власти и суде в Золотой Орде.....	17
<i>Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.</i> Институты власти и права Золотой Орды: борьба за власть и упадок Улуг Улуса	25
<i>Борубашов Б.И.</i> Государство и право кыргызов в Центральной Азии.....	32
<i>Буляков И.И.</i> Золотоордынские государственные традиции в управлении Башкирией в XVI — первой трети XVIII в.	48
<i>Васильев А.А.</i> Государственность и обычное право тюркских каганатов.....	53
<i>Васильев А.А., Сорокин В.В.</i> Основы историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии	62
<i>Васильев А.А., Сорокин В.В.</i> Ценности и практики славяно-тюркского единства народов России и стран Центральной Азии	66
<i>Джумагулов А.М.</i> Политико-правовые аспекты распространения идей пантюркизма на территории Кыргызстана в конце XIX — нач. XX века.....	75
<i>Желтов П.В.</i> Титулатура и сословное разделение Казанского царства по письменным источникам, топонимике, антропонимике, лексике и фольклору языков народов Поволжья — татарского, чувашского, марийского и удмуртского	83
<i>Зеленин Ю.А.</i> Проблема идеологической идентификации политико-правовых взглядов Хисама Кятиба	94
<i>Ибрагимов Ж.И.</i> Общественно-политические образования тюрков после распада Золотой Орды	99
<i>Кравчук А.С.</i> В борьбе за власть в Новороссийской губернии: формальные и неформальные практики.....	112
<i>Кулдышева Г.К., Жусупов Б.А.</i> Актуальные вопросы исследования исторических правовых обычаев.....	119
<i>Матаева М.Х.</i> Своеобразие средневекового казахского обычного права	124

<i>Набиев Р.Ф.</i> Государственно-правовой статус Российской империи в евразийской ретроспективе	132
<i>Нурерке Ш.</i> Уголовно-процессуальный кодекс современной Монголии: опыт и практика принятия	146
<i>Нурматов Т.А.</i> Влияние источников права России на обычные нормы народов Центральной Азии XIX–XX вв.	151
<i>Почекаев Р.Ю.</i> К истории ханского правосудия в Золотой Орде: мозаика казусов — мозаика источников	155
<i>Токтобаев Б.Т., Айдарбекова Г.Б.</i> Феномен кочевой государственности в евразийской науке	162
<i>Турсунбаева Н.С.</i> Обычное право кыргызов в XIX в.: судебное устройство и процесс	168
<i>Чогулдуров С.Б.</i> Исследование источников мусульманского права в юридической науке Кыргызской Республики	178
Сведения об авторах.....	183

ОРДА И ЕЕ ФУНКЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТЮРКОВ

Ж.О. Артыкбаев

В системе управления средневековых государственных образований тюрко-монгольских народов значительное, а порою и решающее значение имеет «орда». У этого древнего слова очень широкий спектр значений. Оно понимается по-разному: во-первых, как ставка и дворец правителя; во-вторых, как территория, занятая ставкой правителя и войском; в-третьих, как часть кочевого населения со своим предводителем, кочевое сообщество; в-четвертых, в отрицательном значении, как шумная толпа, ватага, сброд и т.д. Эта разноголосица и противоречия требуют от историков определенности в первоначальном и классическом значении этого термина.

К этимологии и истории термина «орда». Есть мнение о происхождении данного понятия как половецкого, то есть оно датируется домонгольским периодом: «Возможно, русским языком заимствовано давно еще в половецкое время»¹. Тогда как часть исследователей этимологию этого слова выводили от более раннего, древнетюркского — *ordu*. Именно в таком формате это слово сохранилось у современных турков и азербайджанцев, то есть армия, армейский корпус, место сосредоточения войск. Но следует знать, что оно берет свое начало от древнетюркского *ordu*, которое означает ставка, резиденция хана, дворец. В Древнетюркском словаре есть следующие примеры употребления этого термина: «*qan oluquran ordu jarmis*» — хан, сев на престол, построил резиденции; в «*Irq Bitig*» (Гадательная книга) говорится: «*Kelip tegdi elig turur orduga*» — он дошел до ставки правителя². В первом случае речь идет о строительстве специальной резиденции правителя, то есть орды, а во втором, вероятно, речь идет о военном лагере, палатке хана. М. Кашгари называет город Кашгар Орду канд, поскольку в нем располагалась ставка и жили первые каганы Караханидского государства³. В этом источнике говорится также о городе *Kuz ordu* — город, который располагался недалеко от Баласагуна. В «Словаре» М. Кашгарского также

¹ Огниенко И.И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915. С. 33.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 370.

³ Қашқари М. Түрік тілінің сөздігі: («Диуани лұғат ит-түрік»): 1-3 томдар / Қазақ тіліне аударған, алғы сөзі мен ғылыми түсініктерін жазған А. Егеубай. Алматы, 1997. С. 154.

упоминается такая должность как *Ordu basi*, если перевести на русский — дворецкий, служащий двора, старший лакей. Это аналогично европейским понятиям: бутлер (Англия), мажордом (Франция) — заведующий домашним хозяйством, старший из прислуги.

Хотя орда, ее история и выполняемые ею функции в научной историографии и не рассматривалась в качестве отдельной темы, но в литературе упоминается о ней предостаточно. Первые попытки анализа термина проводились российскими учеными. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» обозначает это слово как кочующее племя, часть кочевого народа под управлением хана, султана. В то же время он считал, что в русском языке оно стало бранным, означающим толпу, араву, ватагу, скопище народа⁴.

Как отмечает Е.Н. Шипова в книге «Словарь тюркизмов в русском языке», в русской историографии орда «рассматривалась как союз нескольких кочевых племен, войско»⁵. Одновременно это слово употребляется для обозначения государства, например, Золотая Орда, в составе которой находились и восточнославянские княжества: «Золотая Орда татарское ханство, основанное Батыем на нижнем течении Волги». В самих же документах исходящих от верховной администрации Золотой Орды название государства обозначается как «Улуг улус»⁶.

О древности этого термина свидетельствуют имеющиеся в словарном запасе латинских и германских народов — хорд, ордер, орден — применяемые в значении порядок, государство, человеческое жилище.

К сожалению, по многим причинам, прежде всего из-за упадка государственных традиций у тюрко-монгольских народов термин «орда» приобрел отрицательные характеристики. В силу этого в соседних славянских государствах зачастую в последние столетия под словом «орда» подразумевают толпу, ватагу, сборище. В отрицательном значении оно употребляется и в наши дни, для чего достаточно послушать те или иные интерпретации журналистов и экспертов событий российско-украинской войны.

Барбаро о трех разновидностях орды. Немало интересных сведений о средневековом периоде Северного Причерноморья, Крыма, Приазовья мы черпаем из

---

⁴ Даль В.И. Толковом словаре живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1955. С. 690.

⁵ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 250.

⁶ Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Джамии ат-таварих. Сб. летописей / Жалаири // Собр. соч. в 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1984. С. 228-253.

трудов средневековых авторов. Например, один из них — Иосафат Барбаро, венецианский купец, некоторое время живший в городе Тана на Азове и оставивший интересные наблюдения. В своих записях Барбаро в первом случае поясняет, что орда — это население определенного политического сообщества: «В степях Татарии в 1438 году правил хан по имени Улу-Махмет хан, что значит великий Магомет император. Правил он много лет. Когда со своей ордой, то есть народом...»⁷. Об этом же говорится в другом фрагменте: «Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое... направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда... Затем они возвращаются в орду»⁸.

В другом месте своей книги Барбаро это слово применяет в смысле земля, кочевье, территория улуса: «Однажды, находясь в орде, я увидел на земле опрокинутую деревянную миску...». В данном случае речь идет о случае, когда он находился в кочевьях своих друзей — ногайских мурз. Здесь же он пишет: «Я уверен и твердо держусь, что их было триста тысяч душ во всей орде, когда она собрана воедино. Делаю такое замечание потому, что частью орды владел Улумахумет ...»⁹.

Далее Барбаро приводит рассказ генуэзского купца, который в те годы был консулом в г. Каффа, в юго-восточной части Крымского полуострова. Удельным правителем в тех краях был татарин по имени Эминакби, который брал с каффинцев определенную дань. Но горожане были недовольны таким положением дел и решили обратиться к хану. Генуэзец «отправился в орду, где находился хан»¹⁰. Речь идет о том, что генуэзский купец отправился в ставку хана Большой Орды, основной ее части, с жалобой на удельного владельца.

Орда в казахской устной традиции. «Орда» — это древнее понятие, известное нам из старых легенд и мифов тюрков Центральной Азии. У тюрко-монгольских народов этим словом обозначается ставка, юрта, даже зимник (кыстау), центральная часть города, в целом место обитания ханов и султанов.

---

⁷ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV веке / вступ. статья Е.Ч. Скржинского. Л., 1971. С.140.

⁸ Там же. С. 150.

⁹ Барбаро и Контарини о России. Указ. соч. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 155.

Факт 1. М.Ж. Көпейұлы, интерпретируя древнейший сказ об Огуз-кагане, пишет: «То, что они называли в те времена «Орда» — это жолым уй на деревянных жердях, покрытое войлоком» /Сондағы «Орда» деп жүргендері- керегесіз ағаш шаншып, кигіз жапқан жолым үй/¹¹. Это интересное замечание позволяет интерпретировать некоторые детали и хронологию легенд об Огуз-кагане. Нет сомнения, что речь идет о древних временах, когда еще не было классической юрты из трех компонентов — шаңырақ (верхний свод), кереге (стены), уық (жерди, которые соединяют шаңырақ с кереге). «Жолым үй» — эта одна из простых форм юртообразного жилища, обычно применяемая в хозяйственной жизни или же во время военных походов. Тюрко-монгольские народы Евразии применяют несколько разновидностей подобного легкого и временного жилища, называя его по-разному: жолым үй, алашық, қос и т.д. Например, алашық не имеет кереге, но уыки прикрепляются к небольшому шаңыраку напрямую. Следовательно, мы можем сделать вывод, что современные юрты казахов и других тюркских народов — результат многотысячелетней эволюции кочевого быта, квинт-эссенция кочевого жилища народов Евразии. Начало появления классической трехсоставной юрты, вероятно, — эпоха бронзы. Казахский историк начала XX в. Ш. Кудайбердыұлы, опираясь на материалы Абу-л-гази хана хивинского, пишет, что «годы правления Огуз хана по мусульманским книгам 3400 лет до пророка Мухаммада» /Мұның хан болғанын мұсылманша шежіре кітаптарда біздің пайғамбарымыздан 3400 жыл бұрын дейді/¹².

Свой расчет Абу-л-гази сделал исходя из нескольких соображений: «От Огуз хана до Кузы Йавы-хана все так и есть как мы рассказали... Сколько лет прошло между Кузы Йавы-ханом и Огуз-ханом, мы не можем определить... может быть, прошло четыре тысячи лет. Кроме того, мы знаем, что Огуз хан жил во время Каюмарса, а у Инал хана визиром был Коркут- ата...»¹³.

В сказании об Огуз-хане говорится о том, что «он велел построить юрту с уыками, шаныраком и кереге, обложить золотом верхушки всех деревьев, украсить их рубинами, яхонтами, изумрудами, бирюзой и жемчугом» /уық, шаңырақ, керегелі кигіз үй жасатты. Ағаш біткеннің басын алтынды қылып, аяғын

¹¹ Көпейұлы М.Ж. Шығармалары. 1-20 томдар. Павлодар, 2013. С. 10.

¹² Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі. Астана, 2008 (Факсимиле, аударма, түсініктемелер мен көрсеткіштерді жазған Ж.О. Артықбаев). С. 45.

¹³ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 55–56.

күмістен жасатты. Лағыл, жақұт, зумурат, фируза, дүр/¹⁴. В честь этого события Огуз-хан устроил грандиозный праздник и об этом доме поэты сочиняли хвалебные песни:

Дом воздвигнут из злата Великим Властителем,
Дом, красотой равный небесным чертогам.

Факт 2. Второй случай, когда орда в значении ставка, резиденция правителя употребляется в устной традиции, соответствует периоду Золотой Орды. Речь идет об Урус-хане, правителе Белой Орды, а затем и Золотой Орды в 60- 70-х гг. XIV в.

Урус-хана ряд казахских историков, в частности академик А.Х. Маргулан, отождествляли с Ормамбет-ханом в устной традиции казахов. В казахском шежере и в памяти аксакалов эта эпоха сохранилась в виде рассказов из цикла «Ормамбет хан әңгімесі»: «Ормамбет который упоминается в песне «Когда десять санов ногай разбрелись, когда умер Ормамбет хан» обитал в междуречье Есиль (Ишим) и Нура, в местах известных как «Тоғанастың тоқсан екі көлі». Однажды к нему явились три пеших путника». Так начинается интересное и трагическое повествование об одном из последних правителей Великой степи. Эти путники, как рассказывает легенда, искали трех беглецов: Вора, Насильника и Лжеца. Народы, которые по тем или иным причинам их укрывали, были обречены на неудачу и раздоры. Ормамбет-хан заявил путникам, что такие люди в его стране не могут найти убежище. Однако в самом деле оказалось, что они обитали среди его улусов. Это сообщение повергло хана в уныние. «Если мой народ сошел с праведного пути, если он укрывает Вора, Насильника и Лжеца, то какой резон оставаться мне среди них», — подумал хан, и в одну из ночей, оставив свою страну, исчез. Далее рассказывается, как он встретил по дороге молодых пастухов и одному из них, Монке бию, оставил завещание, чтобы на вершине сопки, где они встретились, построили мазар в его честь и прочитали намаз. Это место известно сейчас под названием «Ормамбет тамы»¹⁵. Оно представляет собой небольшое разрушенное степное городище на берегу р. Есиль (Ишим), в двадцати километрах на юг от г. Атбасар¹⁶. А.Х. Маргулан считал, что Ормамбет-хан из

¹⁴ Көпейұлы М.Ж. Шығармалары. 1-20 томдар. Павлодар, 2013. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 113-116.

¹⁶ Артыкбаев Ж.О. Есіл-Нұра екі су: Ақмола облысы жер-су атауларының құпиясы. Нұр-Сұлтан. Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2021. С. 54-59.

эпических сказаний казахов и Урус-хан (Орыс-хан) из исторических документов — одно и то же лицо. К сожалению, шежире не вносит ясность в эту проблему.

В цикле сказаний об Ормамбет-хане есть следующие строки: «В тот день, когда Ормамбет хан вышел из орды, Асан ата в скорби произнес стих» / Ормамбет хан ордадан шыққан күні, Асан ата қайғырып айтыпты жыр/. Вероятно, речь идет о том тяжелом периоде Золотой Орды, наступившем после смерти Аз Жантбек-хана (1352). Урус-хан был вынужден оставить трон Золотой Орды и удалиться в степь. Кадырали бек в своем повествовании о начале самостоятельного правления орусуидов в Казахском ханстве пишет следующее: «...После смерти Жанибека разбрелись кто куда. Вилаят Жанибека разрушил пришедши в это время Фетка Ноуакырат. В этот период разброда и шатания Урус хан со своим войском отправился в Алатау (вероятно, в Улытау. Ж.А.). В те времена после Жанибек хана над всеми улусами правил Шаркатлы сын Исатая из племени кият. Урус хан убил Шаркатлы (Жыр Кутлы. Ж.А.). Все признали Урус хана старшим и посадили его на трон царствования. После чего Урус хан поселился в окрестностях Алатау... Народонаселение очень многочисленное, основательное, сильное и героическое. Несколько лет Урус хан правил среди этого народа. В конце концов умер в местности Кыштым, севернее оттуда...»¹⁷. Смерть Ормамбет-хана и последовавший затем распад союза ногайлы — «Когда умер Ормамбет хан, когда разбрелись десять санов ногайцев» — запечатлелись в народной памяти как самые трагические по своим последствиям события.

Орда/урга Тауке хана. Термин «орда» встречается в письменных источниках периода правления Тауке хана (Тауекел бахардур хан) (1680-е-1715). Исходя из чего мы можем предположить, что в конце XVII–XVIII вв. система государственного управления Казахского ханства сохраняла классические устои. Более того, именно в этом периоде мы сталкиваемся с действующими институтами государственной власти — аталычество, ханский совет, официальные посольства. Мы знаем могущественных аталыков, управляющих делами государства в отсутствии верховного правителя-хана. Об этом говорит в своих показаниях от 15 марта 1735 г. в Уфе ташкентский сарт Нур-Мухамет-мулла Алимов: «Ханы

---

¹⁷ Кадыргали Жалаири. Шежірелер жинағы. Алматы, 1997. С. 114.

имеют особые дворцы в главных городах: Большой орды в Ташкенте, в Средней орде — в Туркестанте; а живут по своей воле, когда хотят, а больше в поле с ордою кочуют, а по выезде в домах живут иуправляют дядьки их»¹⁸.

Этот документ требует небольшого толкования. Здесь когда сарт Нур-Мухамет-мулла говорит о дворцах, речь идет об ордах ханов, а когда он говорит о джузах, как административно-территориальных единицах ханства, переводчик на свой лад переводит как «орда», поскольку к тому времени в российском делопроизводстве так сложилось.

Второй момент, требующий небольшой справки, касается слова «дядька», на самом деле речь идет об аталыке. Это вторая фигура после хана в политическом олимпе степных тюрков, в том числе казахов. Аталык прежде всего — воспитатель хана, поэтому обозначено правильно термином «дядька», а также это должность, которая позволяет ему решать государственные дела в отсутствие хана.

Однако их основная функция заключается в управлении центральным аппаратом, то есть ордою. Именно по решению орды собирается ханский совет, в котором обсуждаются самые насущные проблемы государства. Место заседания ханского совета находится недалеко от орды Тауке хана, на самой вершине сопки Культобе в Туркестане. На этот случай есть поговорка: «Күлтөбенің басында күнде кеңес», то есть на Культобе каждый день совет.

В дальнейшем мы видим еще большую путаницу, из-за которой в российском канцелярском языке появился монгольский аналог орды — ургу. В 1692 г. Сибирское руководство направило в г. Туркестан, в столицу Казахского ханства посольство во главе с боярским сыном Андреем Неприпасовым. Обратимся к отчетам этого посольства: «В прошлом в 200 году, июля в 14 день, по указу великих государей, и по грамоте из Сибирского Приказу, послал его Васку из Тобольска боярин Степан Иванович Салтыков с Тобольским сыном боярским с Андреем Неприпасовым; да с ними же Андреем послан Тобольский конный казак Алесашка Алемасов, да юртовский служивой Татарин Елючка Шеманаев для толмачества в Казачью орду (к) Тевкихану с выговором, что его люди ходят великого государя Тобольского уезду под слободы, и людей побивают и в полон емлют

---

¹⁸ Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Оренбург, т. 2. 1900. С. 55–57. Ташкент в прошлом и настоящем (Исторический очерк). Ташкент, 1912. С. 14–16.

и разоряют. И шли де они от Тобольска сухим путем прямо степью два месяца до первого городу Тургустану, где живет Казачьей Орды владелец Тевкихан. А шли де они от Тобольска степью, никаких людей не видали, и дорогою де в степи переплывали дважды реку Ишим, однажды переплывали на плотах, а в другой раз переехали в брод, а иных рек до Казачьей Орды никаких нет. И пришла де в Казачью Орду августа в 15 день 200 году, и ходили к Тевкихану с указом великого государя и с выговором в Ургу»¹⁹.

Как следует из текста, во главе задач посольства был вопрос о регулировании пограничных конфликтов между Россией и Казахским ханством, в ходе которых были убиты с обеих сторон люди, захвачено имущество, в одном из случаев задержан представитель казахского посольства Келдей мурза. В вышеприведенном тексте слово «орда»/«урга» применяется в как значении «государство» (Казахская Орда), так и в значении «ставка» — «ходили в Ургу». Но в последнем случае вместо орды употреблено монголо-калмыцкое слово «урга» (в оригинале — өргөө). Это слово в переводе с монгольского означает дворец, поэтому — «хааны өргөө» — это ханский дворец. В переносном смысле «өргөө/урга» — отцовский дом, «гэр өргөө» —юрта предков и их наследников, уважаемый и почитаемый дом²⁰.

Вероятно, параллельное употребление слов «орда»/«урга» объясняется, во-первых, необходимостью отличить понятие государства от ставки, во-вторых, в силу того, что в канцелярии Сибирской губернии благодаря русско-калмыцким контактам уже сформировались свои термины. В целом, как видно из следующих абзацев, урга употребляется больше в значении «резиденция»: «А писал де Тевкихан к воеводам в Тобольск об мурза Килдея, чтоб великий государь указал мурза Килдея отпустить; а великого государя посла задержал он Тевкихан у себя вместо мурза Килдея, и как де мурза Килдей из Тобольска к нему в Ургу отпущен будет, и он де великого государя посла от себя из Урги отпустит вместе с караваном, и караван де хотел отпускать в Тобольск со всякими товарами по вся годы по прежнему; а впредь де войною на государевы слободы ходить не будут... И как мурза Килдей приехал из Тобольска к Тевкихану в Ургу, а с ним было

---

¹⁹ Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. X. СПб., 1867. С. 202.

²⁰ Монгол-казах толь / Моңғолша-қазақша сөздік. Улаанбаатар – Өлгий, 1984. С. 394.

в провожатых Русских людей двое человек, конной казак Федка Скибин со товарищами, да юртовский Татар Таушко Мерген со товарищами.... И приехав, били челом они Тевкихану, что де привезли они мурза Килдея с честью к нему в Ургу»²¹.

Последнее упоминание термина «орда». Последний раз это сложное понятие в его классическом значении, то есть в качестве резиденции — органа государственного управления мы встречаем в устных рассказах казахов и в письменных источниках 70-х гг. XIX в.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Известно, что последним избранным в общенародном сейме ханом казахов был Кенесары хан, внук Абылай хана. Он был избран во время всенародных поминок в честь Касым торе в 1841 г., в сакральной для казахов местности Улутау в Центральном Казахстане. После его смерти в 1847 г. дело Кенесары продолжил его сын Сыздык султан. Когда началось завоевание юга русскими войсками в 1860-х годах Сыздык (Сыдык) султан был акимом крепости Шолаккорган, который к тому времени был уже пограничным пунктом Кокандского ханства в северном предгорье Каратау. Кокандские ханы в той или иной степени старались внушать казахскому населению себя преемниками Казахского ханства, для чего и поддерживали некоторых чингизидов. Во главе своего отряда из 120 сарбазов в белых кольчугах Сыздык прибыл на защиту Туркестана. Он принял участие в защите города, который был обложен русскими отрядами полковник Веревкин. 10–11 июня 1864 г. его сарбазы уничтожили русский отряд, который делал подкоп под городские стены. Сыздык предлагал акиму города Мирзадаулету выйти за стены крепости и отогнать русских от городских стен. Однако магистрат города и аксакалы уже вели переговоры с русскими и через несколько дней город открыл ворота. Сыздык султан отправился со своим отрядом в Чимкент, защищал Ташкент. 6 октября 1864 г. защитники Ташкента отогнали отряды Черняева от города, Сыздык султан со своими сторонниками вернулся в Туркестан. Вскоре случилось то, что в историографии получило название «Иканской битвы». Между Иканом и Туркестаном был уничтожен отряд сотника Серова из уральских казаков.

---

²¹ Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. X. СПб., 1867. С. 215–216.

После победы под Ташкентом и Туркестаном в стане кокандских войск начался разлад. Он был усилен также из-за смерти всемогущего аталыка Кокандского хана. Многим предводителям кокандских отрядов не понравилось возвышение Сыздык султана, назревал внутренний конфликт. В силу этих обстоятельств Сыздык султан с согласия городского магистрата Ташкента отправил посланников к Бухарскому эмиру. Из Бухары для разрешения этой ситуации и дальнейшего управления городом прибыл человек по имени Тойшыбек, с придворным чином токсаба. Ахмет Кенесарин, который описывал все эти события, со слов своего брата пишет: «После прибытия токсабы султан Садык (Сыздык) вручил ему власть над Ташкентом, и сам выехал из орды» /токсаба келгеннен кейін Садық сұлтан оған Тәшкенттің билігін беріп, өзі ордадан шықты/²². Стат-чиновник Туркестанской губернии и один из первых составителей жизнеописания Сыздык (Садык) султана Е.Т. Смирнов в своих комментариях пишет: «Занятие урды Ташкента, где были казенные кокандские здания, означало вступление в командование городом, выезд — отказ от власти. То же в Коканде, Ходженте и других городах»²³.

Заключение. Таким образом, рассмотренные нами письменные и устные источники свидетельствуют вполне определенно о полноценном функционировании у кочевых сообществ Евразии в прошлом института управления — орды. Расплывчатость этого термина объясняется сложной природой кочевых политических образований. Политико-правовые отношения внутри кочевых образований Евразии настолько специфичны, что обнаруживаются только при дистанцировании на значительное расстояние от обществ оседло-земледельческих. Самое главное — возникновение и функционирование ханской власти не было связано с формированием частной собственности и классового общества. Наличие частной собственности на скот при коллективном землевладении говорит только о том, что сущность государства может быть определена как ассоциация граждан для охраны собственности.

Кроме внешних черт, социальный строй кочевников отличался от оседлых и по другим, более существенным параметрам, что было замечено еще М. Красовским в середине XIX в.: «Но, что можно отнести ко всем окружающим

---

²² Кенесарин А. Кенесары и Садык / ред. Е. Смирнова // Хан Кенесары. Алматы, 1992. С. 139–141.

²³ Там же. С. 142.

степь... государствам, не может быть вполне применено к киргиз-кайсацкому народу... Покорив, положим для примера, Бухару, мы, можно быть уверенными в этом, нашли бы сочувствие в прежде угнетенном народе; но, завладев степью, не можем этого сказать уверенно даже теперь, именно потому, что здесь и прежде никогда не было гнета правителей, никогда не чувствовалась над собою нелюбимая власть...»²⁴.

Указанные особенности кочевого быта определили своеобразные формы управления и общественную структуру кочевых народов. На наш взгляд, наиболее перспективный путь изучения и поиска государственности у казахов — изучение институтов верховной власти и динамики ее сложения, эволюции и трансформации во взаимодействии с институтами потестарной структуры. Вместе с тем есть одно условие для объективного исследования: не увлечься исследовательскими характеристиками кочевых обществ XIX — начала XX в. Этот период позволяет говорить только о переходных формах хозяйства и социального устройства, но ни в коем случае не может отражать ту грандиозную конструкцию жизнедеятельности Великой степи, характерную для более ранних эпох.

Подводя итоги проведенного нами анализа источников, мы приходим к выводу о том, что в кочевых обществах сосуществуют два основных типа орд. Во-первых, летняя орда на территории Великой степи. Она обычно ставится в самом эпицентре летних пастбищ племен, укрепляется достаточно крепким валом со всех сторон, а иногда и рвом, на случай каких-либо внезапных нападений врагов. В центре ставится большая юрта правителя, окруженная несколькими небольшими хозяйственными помещениями и юртами для прислуги и стражи. Один из вариантов летней орды времен Тауке хана открыт и изучен нами в местности Куйгенжар, недалеко от Астаны.

Одно из ярких описаний летней орды сделано германским историком Иорданом со слов Приска. Это ставка предводителя западных гуннов Атилы, хотя историк по отношению к ставке Атилы употребляет слово «обиталище» (*habitacula*), в другом месте он пишет «селение» (*vicus*), (*curtis*), но по контексту понятно, что речь идет об орде: «Это селение, говорю я, было подобно обшир-

---

²⁴ Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. 1-3. СПб., 1868. С. 59.

нейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить... Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам»²⁵.

Следует обратить внимание на то, что в восточных письменных источниках и в устной традиции степняков словом «орда» в первую очередь обозначается центральная, самая великолпеная часть города. Здесь располагались дворец хана с садами, административные и судебные учреждения, то есть управленческие структуры. Эта центральная часть города, носящая название «орда» и обычно имеющая внутренние крепостные стены. В западной литературе для обозначения центра города применяется термин «цитадель». В нашем случае речь идет о зимней орде кочевых сообществ Евразии.

Таким образом, в обиходном значении под словом «орда» понимается как ставка правителя кочевого государства, его военно-административное подразделение, становище кочевников и, наконец, военный лагерь кочевников, так и многочисленное, не совсем организованное скопище людей. В теоретическом плане орда отождествляется с ранней формой организации первобытного общества. Но для нас, профессионалов историков, орда прежде всего — резиденция правителя тюрко-монгольских политических систем, где сосредоточены различные органы управления государством.

---

²⁵ Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вступ. статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скрижинской. М., 1960. С. 101.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ВЛАСТИ И СУДЕ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

З.К. Аюпова, Д.У. Кусаинов

Структура власти, созданная «Потрясателем Вселенной» Чингис-ханом, была практически полностью скопирована всеми его четырьмя сыновьями и многочисленными внуками.

В своем управлении дети Великого кагана руководствовались положениями Великой Ясы (Жасака) и Билика, которые дополнялись отдельными изречениями и постановлениями ханов²⁶. Этот своеобразный свод законов содержал в себе комплекс юридических постановлений и моральных норм, а также предписывал порядок сношений с другими державами, управление войсками, а также вопросы налогообложения и нормы наследственного права. В целом, Великая Яса содержала в себе многие традиционные положения кочевого быта жизни и обычая. И этот свод законов просуществовал более 300 лет, а отдельные нормы стали основой управления наследников Улуг Улуса — Крымского и Казанского ханств, Ногайской Орды, Улуса Узбеков и Казахского ханства. Монгольское слово «яса» (ясак, джасак) означает «поведение» или «декрет». До недавнего времени было обычным говорить о Великой Ясе как о собрании общепринятых монгольских правовых установлений. Это происходило, частично, потому, что статьи Ясы, относящиеся к уголовному законодательству и наказанию, привлекали большее внимание историков, нежели любая другая часть кодекса.

Необходимо отметить, что в мире немного подобных законов, которыми так долго пользовалось бы многонациональное население крупных государств. В Казахском ханстве эти нормы легли в основу обычного степного права «Жеты Жаргы», использовавшегося с XV по XIX в.

Сохранилось и дошло до современности изображение флага Улус Улуса, принятое при Бату и дополненное полумесяцем при Узбек-хане. Еще при Чингис-хане велись протоколы важных заседаний, выносимые решения вносились в резолюции. Особенно тщательно документировались решения ханского совета

---

²⁶ Великая Яса. Текст воспроизведен по изданию: Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 108.

или планы военных операций, на что указывал Т.И. Султанов в своей монографии «Поднятые на белой кошме». Но все эти бесценные документы, особенно XIII-XIV вв., на сегодня утеряны, хотя есть вероятность, что они могут храниться в китайских или европейских старинных архивах.

Сама процедура избрания хана в целом восходит к древним традициям военной кочевой демократии. Обязательным условием избрания хана (кагана) была открытость и прозрачность выборов. Правда, кандидатура самого претендента оговаривалась и решалась до самой процедуры выборов. В результате переговоров стороны сходились на конкретной кандидатуре. Джиовани дель Плано Карпини оказался как раз очевидцем таких событий.

Избрание Верховного хана проводилось в благоприятный астрологический день, при стечении огромного числа людей. В отличие от оседлых народов, процесс выборов проходил не в закрытом помещении, а на свежем воздухе.

Сам акт восшествия на престол проходил в официальной обстановке, где хан торжественно принимал присягу. Т.И. Султанов подчеркивает, что все присутствующие по обычаю обнажали головы, развязывали пояса и перекидывали их через плечо. Когда называлось имя избранного, то двое самых старших (аксакалов) брали за руки избранного и возводили на престол²⁷.

По сведениям монаха Бенедикта, сопровождавшего Плано Карпини, перед избранником клали меч и говорили: «Мы желаем, мы просим, мы приказываем, чтобы ты владычествовал над всеми нами». В ответном слове избираемый говорил о необходимости подчинения ему. Как правило, каждый претендент далее говорил в зависимости от обстановки и задач, которые он считал наиболее важными. Выборщики, как правило, выражали громкое согласие. Тогда избранный хан говорил: «Мой приказ будет мой меч!»²⁸.

После проведенной церемонии возведения на престол уже избранного правителя сажали на белый войлок и говорили ему: «Смотри вверх и познай бога (Тенгри, всевышнего), смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь». После чего следовали наставления, чтобы хан царствовал на славу и почитал окру-

---

²⁷ Султанов Т.И. Золотая Орда. Государство чингизов в Евразийской степи. Алматы: Мектеп, 2004. 176 с.

²⁸ Аяган Б.Г. История Улуг Улуса Золотой Орды. Курс лекций. Алматы: ТОО «Литера-М», 2020. 224 с.

жение. Но если поступишь, говорили ему, вопреки обычаям и наперекор обществу, то «увидишь войлок, на котором сидишь!». После чего знатные бии, эмиры и военачальники, выкрикивая имя нового хана, приносили ему клятву в верности.

Войлочный ковер после инаугурации разрывался на части и каждый, кто мог, забирал себе отрезок. Согласно древнему поверью, каждый отрезок ковра становился символом удачи и исполнения мечты. У казахов этот обряд получил название «Ханталапай». Т.И. Султанов, ссылаясь на И. Шильтбергера, отмечает, что хана «сажают на белый войлок и поднимают три раза. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и дают ему в руки золотой меч; после чего он должен присягать по их обыкновению»²⁹.

После завершения церемонии объявлялся народный праздник на несколько дней. Этот обряд продержался долго у казахов. Так, например, был возведен на престол хан Кенесары-чингизид, избранный правителем в 40-е гг. XIX в. В течение многих столетий избранный хан Орды обладал высшей административной властью. Как правило, ему принадлежала и высшая военная власть. Но в его окружении было много принцев крови и беклярбеки, которые занимались планированием войн и походов.

В. Бартольд сообщает, что в целом власть хана в Орде была обширной, но не деспотичной. В некоторых случаях его власть ограничивалась биями и знатными эмирами. Более деспотичной была власть в Мавераннахре, Иране, где правители сосредоточили в своих руках и административные, военные и даже судебные функции. Главной задачей управления была добыча богатств, главным образом, путем сбора налогов, поборов или же путем захвата³⁰.

Огромной была и сама территория Улуг Улуса. По вопросам территории государства имеются свидетельства арабских (Аль-Омари), персидских (Джувейни) и русских, в том числе советских авторов. По большому счету у исследователей, пишущих на данную тему, нет разночтений. Все они включают в состав Улуг Улуса — Золотой Орды следующие территории: Хорезм и всю территорию Мавераннахра, Сыгнак, Сайрам и всю территорию Дешти-Кипчака,

---

²⁹ Султанов Т.И. Золотая Орда. Государство чингизов в Евразийской степи. Алматы: Мектеп, 2004. 176 с.

³⁰ Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, часть 1. Общие работы по Истории Средней Азии. Работы по Истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963.

включая реку Иртыш и Алтайские горы, Хаджи — Тархан, Казань и все Поволжье, Крым и Северный Кавказ, Баку и северную часть Азербайджана, Сибирь и Алтай, земли башкир. Э. Хара-Даван кроме русских земель, бывших частью Орды, относит к ней даже Сербию и часть Болгарии.

Отдельным статусом обладали земли русских княжеств и Валахия (Молдова), Киев и Придонье. Налоги (ясак) платили генуэзские купцы и частично даже поляки и немецкие купцы. Каан Бату, Берке и их потомки, одерживая победы в открытом бою, дошли до границ Италии, Германии, Венгрии и Австрии. В XIII-XIV вв. не было силы в мире, которая могла бы противостоять мобильной армии Джучи или Бату. Весь Ближний Восток — Иран, Курдистан, арабский мир — был подчинен Чага таем и Хубилаем. Китай и целый ряд юго-восточных стран были покорены Хубилаем.

При Бату Яса стала обязательной к исполнению, а нарушение ее норм каралось смертной казнью. При хане Узбеке Яса была дополнена нормами шариата, например, они часто использовались при наказании провинившихся. В конце XIX в. подобный порядок наказания был применен сородичами Кунанбая, отца Абая, по отношению к отдельным нарушителям степных норм и традиций.

Кстати, нормы Ясы содержали положение о веротерпимости, чем пользовались христианские народы Кавказа при защите от мусульманских войск сельджуков, Ирана (Персии) и Египта. Войска Орды также принимали участие в защите русских земель от тевтонских рыцарей, когда они помогли князю Александру Невскому (апрель 1242 г.).

При Чингис-хане, а также при Бату и Берке была сформирована эффективная система управления, характерная для кочевых и полукочевых государств. Административный аппарат включал в себя должности беклярбека и целого списка военных полководцев. Некоторые европейские исследователи указывают на наличие везирей, но этот институт появился гораздо позже и в основном в южных областях. В целом управленческий аппарат был немногочисленным, за исключением хозяйственных дел.

В источниках упоминаются должности, в поле ответственности которых входили военные дела, финансы и даже богослужение. Огромную роль, на наш взгляд, играли предводители родов (рубасы), беки, тарханы и эмиры, на которых

возлагались административные и хозяйственные задачи. В персидских источниках их называют «накиб», но эта должность была наследственной. Несколько позже таких управленцев стали называть «акимами». Очень важную роль в иерархии властей играли «аталыки» или «атабеки» — воспитатели царевичей до достижения теми совершеннолетия.

По мере проникновения ислама появился институт «казна аскеров» — военных судей, которым надлежало решать военные дела. Их роль была особенно заметной в Туркестане и Моголистане. При Шейбанидах функционировала должность «диван беги» — начальник канцелярии. Им надлежало контролировать экономику и даже военные сферы. К высшим чиновникам относились култаши, кушбеги, инаки и даже старшие евнухи, о которых сообщается в «Бухарском трактате». За поступлением и расходом средств следили «казынашы», в русском языке «казначей».

В XIII–XIV вв. большую роль играли темники («туменбасы»), военные эмиры и руководители племен. Возможно, усилилась роль степных сказителей («жырау»), воспевающих мудрость ханов или же критикующих власть. На наличие людей, игравших «на гитаре», а это, скорее всего, была домбра, указывал Гильом де Рубрук. В кочевых империях роль подобных степных поэтов была огромной. Они могли поднять народ или же противопоставить его властителям. Они, кроме всего, были также прекрасными воинами, как Сыпыра жырау, Доспамбет или Казтуган. По мере исламизации свою роль в структуре власти прочно заняли сейиды или ходжи. Сейиды были прямыми потомками распространителей ислама из Аравии, Хорезма или Бухары.

Им принадлежало право толковать суры Корана, сейиды также владели арабской грамотой. О них упоминается в сообщениях Рашид ад-Дина, Джувейни, их особенно выделяет и Кухистани (XV в.). В преддверии военных столкновений или каких-либо катаклизмов ханы нередко стремились завоевать расположение сейидов путем раздачи подарков или иных знаков внимания.

Особую группу составляли также «бии» — степные судьи, толкователи степных уложений. Первым бием в империи Чингис-хана считается Майкы-би — представитель племени уйсунь. Имя Майкы бия прочно закрепилось в памяти казахов и овеяно подробными легендами. Кроме прочего, биям

надлежало исполнять и судебные процедуры. Одно время таким бием был даже эмир Едиге.

В ряде случаев и сами ханы были вынуждены обращаться к биям. Видимо, роль биев и эмиров усилилась уже после смерти Бату и Берке-хана, потому что крайне мало сообщений об их активной политической деятельности в период их правления.

Также в силу практического отсутствия письменных источников роль биев, батыров и сейидов освещена слабо, но предостаточно информации в устных сказаниях-дастанах ногайцев, казахов и татар. Например, их деятельность получила отражение в преданиях о Токтамысе и Едиге, крымских ханах, а также в былинах казахских батыров.

В Улуг Улусе действовала соответствующая реальностям того времени судебная система. В отличие от европейских судов она была довольно скорой. Известно, что в 1318 г. московским князем Юрием Даниловичем и татарским сановником Кавгадыем была подана жалоба на Тверского князя Михаила Ярославича. Причем у Михаила даже был свой защитник, вроде адвоката, и имелись свидетели. Обвинения против Михаила были такие: задержка выплаты дани, противодействие ордынским посланникам, а также истязание татарской царевны Кончаки. Вполне можно допустить, что кроме самих чингизидов во время слушаний и суда участвовали бии и эмиры. Перед казнью Михаилу дали возможность попрощаться с близкими и воспользоваться моральной поддержкой священника. Ч.Ч. Валиханов этого князя звал «Кари Михаил», то есть «старый».

Такие же судебные процессы происходили против самих султанов или приближенных. Несчастливая вдова Жаныбека — Тайдула тоже была признана неким судом виновной в преступлениях и казнена самым жестоким образом. Кстати, эта форма казни была типичной для степей. А роль судей, видимо, исполнили сами победители.

Но, конечно же, уголовные дела в большинстве случаев решались военачальниками. Гораздо сложнее были дела имущественно-правовые. В случае конфликтов в мирное время их решали бии (кадии в Крыму). Но в целом кочевники придерживались норм арабского или персидского права, вошедших в быт населения через шариат.

Власть в регионах осуществлялась с помощью выдачи ярлыков князьям (на Руси) или каким-то воеводам или султанам (в Молдове, Булгарии и на Кавказе). Этот же князь сам отчитывался в Орде, но Орда, как правило, держала своих казначеев — «ревизоров», которые считали не только объем поступлений в казну, но следили за благонадежностью подданных. В случае невыплаты дани в те районы для наказания направлялись войска, и эта практика просуществовала более 300 лет.

Во внутренних делах многие вопросы решались султанами, детьми хана и военачальниками. При крупных хозяйствах назначались казначеи, а темникам помогали батыры. Институт «батыров» хорошо исследован в казахстанской историографии. Роды и племена были скреплены родственными отношениями и поэтому они обладали особой спаянностью.

Уже позже, в XVIII-XIX вв. появились термины, указывающие на классовое деление — «аксуйек» (белая кость) и «карасуйек» (черная кость). Более подробную информацию по данной теме дают исследования ученых, предметно занимавшихся историей Орды.

Исследователи истории Улуг Улуса, рассматривавшие различные аспекты жизнедеятельности населения Орды, как-то упускали из виду правовую систему, она рассматривалась фрагментарно и без привлечения источников.

Возможно, одной из самых значительных работ стало исследование Р.Ю. Почекаева «Суд и правосудие в Золотой Орде». Он указывает, что высшей судебной инстанцией в течение всего функционирования в Золотой Орде была власть великого хана. Ханы концентрировали в своих руках и политическую, и судебную власть. Основателем подобной системы был Бату, в дальнейшем такой порядок изменялся под давлением обстоятельств. Но уже тогда кроме суда великого хана были такие суды, как «даругачи», в военных условиях эти обязанности на себя брали крупные военачальники и султаны. В частности, ими могли быть осуждены воины или их командиры за предательство или неповиновение приказам³¹.

Функционировали эти суды, основываясь на отдельных положениях Великой Ясы. Судебную власть, кроме административной, также исполняли эмиры

---

³¹ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн АН РТ, 2009. 260 с.

или карачи. Нередко таким правом наделяли Карачи-биев. Причем институт карачи, исполнявших порой совершенно разные функции, можно увидеть в Крыму, Поволжье, в Сибири или Ак Орде.

О наличии судебных инстанций в Улуг Улусе писали арабский путешественник Ибн-Батута, а также Кадыргали Жалаири. По мере укрепления ислама упрочилась связь права с мусульманством. Многие положения шариата плавно сплелись с нормами Ясы. В крупных центрах заводились канцелярии, которые вели «дафтары» — тетради, куда заносились дела. Были известны, например, такие прецеденты, как «Синие росписи», означавшие четко определенные процедуры.

Под влиянием Ирана в Орде стали издаваться фирманы, а судебные дела вели кади или аргучи. В степях Дешти-Кипчака, а позже и Казахстана и в Киргизии существовало обычное право, пережившее даже революции 1917 г. и времена «развитого» социализма. И оно было довольно эффективным и уважаемым в народе.

В заключение отметим, что сама жизнь заставляла создавать судебные органы и издавать соответствующие документы. Известна, например, «Грамота из Сыгнака», описанная В.В. Бартольдом. Было введено и право джихата, то есть свободного усмотрения дел судьей, в случае умолчания по данному вопросу. Практически все вопросы семейно-бытовых отношений решались на основе норм шариата, в том числе разводы и браки. Ради справедливости подчеркнем, что в степи оформление бумажных дел было на очень низком уровне. Многие традиции держались на устном слове и коллективных решениях.

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ПРАВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И УПАДОК УЛУГ УЛУСА

З.К. Аюпова, Д.У. Кусаинов

В числе многих причин, вызвавших распад Улуг Улуса, было немало факторов экономического и политического характера. В этом свою роль сыграла недальновидность правящего клана чингизидов — потомков Джучи, не сумевших создать эффективную модель управления для всех подданных: тюрков, славян, народностей Кавказа, а также развитую экономическую систему. Тем не менее система государственного правления Великого Улуса просуществовала очень долго³².

Огромные изменения происходили в это время и в Европе, и в Азии: рушились союзы, происходили кровавые столкновения и создавались новые государства. Мореплаватели и искатели приключений, а вслед за ними и армии колонистов европейских стран добрались до берегов современной Америки, Австралии и восточных островов, где принялись за новую перекройку мира.

В Улуг Улусе эти факторы были внутреннего порядка и проистекали больше из субъективных причин. Но существовала также очень серьезная внешняя причина, ускорившая гибель Улуг Улуса — Золотой Орды: походы потомка одного из знатных людей империи Чагатая — эмира Тарагая. В историю Тимур, сын Тарагая, вошел под разными именами — Амир Тимур, Тамерлан, Темурленг, Темурбек, Сахибкиран, Железный Хромой и т.д. Чаще используют его официальный сан «Амир Тимур». Тем более что его имя у одних вызывало благоговение и восхищение, у других — страх и ужас из-за жестоких казней и разрушений городов.

Основным источником по освещению роли Тимура в золотоордынских событиях стал труд Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-намэ» («Книга побед»), где сосредоточены наиболее важные сведения. Написанная по поручению внука Амира Тимура Ибрахим-султана «Зафар намэ», естественно, носит субъективный характер, всячески оправдывает и восхваляет деяния могущественного Эмира.

---

³² Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. С. 44.

А.Ю. Якубовский относительно обстоятельств восшествия на престол Монке (1251 г.) указывает, что после истребления членов дома Чагатая и Угедея местной верхушкой область Мавереннахра подпала под власть правителей Золотой Орды, сначала Бату, а потом Берке хана (1256-1266 гг.). В этот же период улус Чагатая разделился на Мавереннахр и Моголистан³³.

Брат Монке — Хулагу с сентября 1254 по 1258 г. захватил Самарканд, затем подчинил полностью Иран и, войдя в Багдад, полностью уничтожил аббасидский халифат. Вскоре в Иране, с центром в Тебризе, было положено начало монгольскому хулагуидскому государству. В 1270-е гг. из Жетысу, то есть юга современного Казахстана, в Мавераннахр переселились джалаиры и барласы, откуда происходят предки Тимура.

Рашид-ад-Дин в своих трудах писал, что «мунгулы» были тюрками, значит, джалаиры (жалаиры) и барласы изначально были тюрками. Эти племена позже стали частью казахского и узбекского населения.

Тимур родился в 1336 г. недалеко от города Шахрисябз, в селении Ходжа Ильгар, в семье бека Тарагая из рода барлас. Уже в детстве и в молодые годы он отличался склонностью к войне и сражениям. Он даже в юношестве имел своих нукеров и нередко занимался разбоем. Широко известно, что в юности в Сеистане Тимур в одной из стычек получил ранение в бедро, из-за чего начал сильно хромать. С тех пор Тимура стали называть Темурленг, то есть «Хромой Тимур»³⁴.

Сам регион в 1340-1360 гг. сотрясали междоусобицы, в которых в 1358 г. был убит правитель Казаган. Постепенно власть золотоордынских ханов в Мавераннахре слабела. Но также сдавала позиции власть и других чингизидов, чем воспользовался энергичный и амбициозный Тимурленг.

В 1370 г. окрепший Тимур приступил к созданию своей империи. Население региона (купцы, дехкане и ремесленники) охотно его поддержало, так как стали в тягость вечные междоусобицы, грабежи, отсутствие каких-либо определенных норм в управлении.

Талантливый от природы Тимур хорошо понимал, как необходима твердая власть для людей. Более того, он знал, как эту власть можно поддержать яркими

---

³³ Якубовский А.Ю. Тамерлан — покоритель Азии. М.: Ломоносов, 2014. С. 58.

³⁴ Аяган Б.Г. История Улуг Улуса Золотой Орды: курс лекций. Алматы: Литера-М, 2020. С. 64.

победами — нужны были успешные походы и с военной добычей. В 1372 г. Тимур захватил Ургенч, а в 1373-1374 гг. он вошел во главе победоносных войск в Хорезм, ранее были покорены Балх, Фергана и Шаш (Ташкент и его окрестности).

В целях упрочения своей власти Тимур стал возводить, подобно Мамаю и Едиге, «ручных ханов» — представителей дома Джучи или же Чагатаидов. Но роль этих «ханов» в новой империи Тимура была еще более узкой и незначительной. Вскоре Тимур принял титул «Амир Тимура», то есть «Владыка Тимур». Он женился на дочери дома Чингис-хана, что было немаловажно для тех времен. Этот брак, скорее всего, преследовал политические цели.

Амир Тимур рано проявил себя опытным стратегом, неспроста его звали «Гураганом», то есть «проницательным, далеко видящим». По другой версии, «гураган» как титул означал «зять ханского рода Чингизидов». Тимур также зорко следил за событиями в Алтын Орде и Ак Орде, двух частях Джучиева Улуса.

К 1370-м гг., несмотря на смуты при Бердибеке и его преемниках (Мамай), Улуг Улус все еще представлял собой грозную силу. Например, даже поход в пределы Ак Орды при Урус-хане, до его гибели в 1378 г., для Тимура завершился не совсем удачно.

В 1376 г. к нему перекочевали Токтамыс, а затем и сам Едиге. Не раздумывая долго, Амир-Тимур поставил их во главе войск. Как известно, Токтамыс уже в том же году пошел военным походом в Ак Орду, в Сыгнак и Сауран. В 1379 г. Токтамысу удалось с помощью Амира Тимура стать во главе Ак Орды и он стал часто уходить в пределы Едиля (Волги), где расположился город Сарай.

Разгромив в 1380 г. темника Мамаю, такого же эмира, как и Тимур, но в пределах Золотой Орды, Токтамыс подчинил себе обе части прежнего Улуса Джучи. Он стал ханом всей Орды и совершил успешные походы в Крым, на Москву и на Кавказ.

После успешных военных операций Токтамыс решил больше не подчиняться Амиру Тимуру. Он даже совершил нападение на территории, считавшийся вотчиной Амира Тимура. Йазди пишет, что Токтамыс, собрав войска Улуса Джучи из русов, кипчаков, черкесов и болгар, аланов из Азака в 1388 г.,

отправился против Сахибкирана. Амир Тимур вместе с сыном Умаршайхом выступили в поход. Токтамыс достиг реки Ходженд, но потерпев поражение, был вынужден отступить. Йазди постоянно пишет о «бегстве» противоборствующей стороны.

Токтамыс пытался взять Сауран, потом он со своими войсками вошел в Ясы. Но услышав о приближении войск Амира Тимура, был вынужден уйти в степи. Амир Тимур, отказавшись от преследования, повернул свои войска на Моголистан.

Дерзкая попытка войти в Моголистан и Мавераннахр «неблагодарного» Токтамыса сильно возмутила Тимура, о чем подробно повествуется в «Зафарнамэ». И эта первая битва между войсками Токтамыса и Тимура произошла в округе Саурана, Ясы и реки Арыс в 1388–1389 гг.

Возможно, усиление Токтамыса помешало планам Амира Тимура самому захватить золотоордынский престол и расширить границы его империи. Поэтому разгневанный Тимур совершил три похода на Токтамыса — в 1388–1389, 1391 и 1394–1395 гг. Сила Тимура была до того велика, что его войска в эти же годы одновременно совершали походы в Иран, на Кавказ, в Сирию, в Курдистан и Египет.

Походы Тимура 1391 г. проходили по территории современного Казахстана, и поэтому они для нас особенно интересны. Выступив из Самарканда в конце 1390 г. на Дешт-и-Кипчак, его войска, перейдя реку Ходжент, перезимовали в Ташкенте и Чиназе. Войска, как сообщает Йазди, составили около 200 000 тысяч человек.

В марте войска Тимура прошли полупустынные Кызыл-кумы и достигли Улытауских гор (современная Карагандинская область, Улытауский район). Стратегическое мышление и умение вводить резервы, поднимать дух бойцов помогли Тимуру одержать победу. Свою решающую роль, скорее всего, сыграл уход с боя части воинов Токтамыса, с которыми имел тайную договоренность Едиге. Эту битву Токтамыс проиграл и был вынужден отступить. Войска Тимура дошли до берегов Едиля.

Хан Токтамыс, оправившись от понесенных потерь, в 1393 г. продал московскому князю право на владение Мещерой, Муромом, Нижним Новгородом

и Тарусой. И в целом Токтамыс стал готовиться к дальнейшему противоборству с Амиром Тимуром.

Третья битва произошла 15 апреля 1395 г., когда войска «Темур Гаурагана Сахиб-Кирана-мирозавоевателя», по выражению Али Иазди, с армией Токтамыса сразились на Северном Кавказе, в местности Тарки. В настоящее время — это станция недалеко от города Махачкалы³⁵.

К сражению Тимур подготовился более основательно. Его конница перешла через реку и заняла удобные позиции, воины соорудили фортификационные сооружения. Битва длилась более трех суток, и инициатива в начале сражения принадлежала Токтамысу. Более того, был момент, когда отчаявшийся Тимур стал подтягивать войска к центру, то есть к себе, опасаясь за свою жизнь.

Войска Амира Тимура захватили Сарай-Берке и ряд других приволжских городов и полностью опустошили их. Возможно, тогда были сожжены библиотеки и иные культурные центры Великого Улуса. Был взят им и город Хаджи-Тархан (Астрахань). Затем войска переправились через Дон и вошли в Крым. Никогда ранее города и население Великой Орды не подвергались столь яростному разорению своих же соплеменников.

Разграбив захваченные регионы, армия Амира Тимура двинулась в сторону Москвы. Но дойдя до города Елец, Тимур вдруг остановился. Простояв 15 дней, он повернул обратно. До сих пор непонятно, почему он так поступил. Р.Ю. Почекаев считает, что Дмитрий Донской, победитель Мамаю, уже подготовился к защите, а лишний раз Тимур воевать не хотел³⁶. Другие источники сообщают, что великому завоевателю приснился зловещий сон, заставивший его отступить. В Москве по случаю ухода Амира Тимура состоялся многолюдный праздник.

Была разрушена, говоря современным языком, вся инфраструктура государства. Приостановилась экономическая жизнь, так как разграбили города, сгорели или конфискованы материальные ценности. Погибло почти все мужское население. Тысячи подданных — женщин, детей Орды были уведены в плен и разбивались семьи.

---

³⁵ Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, часть 1. Общие работы по Истории Средней Азии. Работы по Истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 207.

³⁶ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн АН РТ, 2009. С. 119.

В то же время поражение Токтамыса от войска «Железного хромца» вызвало чувство ликования в покоренных областях. После ухода Тимура в этой части Орды было совершено специальное богослужение, звенели колокола в русских городах.

Как известно, Орда в целом довольно быстро оправилась от тяжелого погрома, учиненного Амиром Тимуром. К власти вернулись выжившие правители. Скоро восстановились города и торговые центры. Во многом восстановление экономики края стало результатом энергичной деятельности Токтамыса и его окружения. Но сильно померкло величие Орды, теперь прежде подчиненные области переставали платить налоги, неохотно шли за ярлыком на княжение в Орду. И самое главное — в Орде окончательно исчезло то чувство объединения (единства) и солидарности, которое было характерно для времен Батыя и Узбека. И действительно, одним из могильщиков Орды, ускорившим ее падение, стал Амир Тимур.

Амир-Тимур, между тем, сыграв зловещую роль в истории Алтын Орды, вернулся в Самарканд. По пути он сменил ханов Ак Орды и вновь вернул во власть урусидов. В период с 1396 по 1404 г. он был занят завоеваниями на Кавказе, Иране. В 1400-х гг. Амир-Тимур вступил в войну с турецким султаном Баязитом и египетским султаном Фараджем. В 1402 г. в битве при Анкаре он разбил армию сельджуков и взял в плен самого Баязита.

Амир-Тимур, сын Тарагая, умер 18 февраля 1405 г. недалеко от Отырара (современная Туркестанская область Казахстана, в округе городища Отырар; там же сегодня есть станция Тимур). Он готовил в это время поход на Китай, где правили потомки Хубилая.

Потомки великого Тимура, еще не успев похоронить отца, начали братоубийственные войны за престол. Вскоре его империя из-за кровавых междоусобиц была разрушена. Сам Тимур был похоронен в Самарканде в специальной гробнице Гур-Эмир.

Анализируя деятельность знаменитого эмира Тимура, как важнейшего фактора, способствовавшего ослаблению государств после золотоордынского периода, известный историк А. Тойнби писал: «Его империя не просто не пережила его, но и лишилась каких бы то ни было позитивных последствий. Сметая все,

что было на его пути, в безудержном стремлении к своему собственному уничтожению, тимуровский империализм попросту образовал политический и социальный вакуум в Юго-Западной Азии. Этот вакуум в конечном итоге привел к столкновению Османов и Сефевидов, что нанесло раненому иранскому обществу смертельный удар... Деятельность Тимура подорвала основы не только Иранской державы, своими разрушениями Тимур значительно ослабил Золотую Орду и мусульманский мир Кавказа. Разграбление городов и разрушение системы жизнедеятельности Золотой Орды и прилегающих к ней государств дало передышку князьям Москвы и наглядно показало внутреннюю диспропорцию сюзерена. Походы Токтамыса на Москву были уже не системой, а единовременным актом»³⁷.

После распада Улуг Улуса, самой империи Тимура тюркский мир потерял свое единство и разделился на отдельные государства. Сохранил свою автономию не входивший в Орду только Османский султанат, просуществовавший с 1299 по 1918 г. Основали его тюркские племена, перекочевавшие в Малую Азию с территорий Средней Азии, с берегов Сырдарьи в XI-XII вв. Они называли себя тюрками-османами, сельджуками, впоследствии ставшими этническим ядром турецкой нации, населяющей современную Турцию и Балканские страны.

После смерти Амира Тимура междоусобицы его потомков разгорелись с новой силой. В 60-е–90-е гг. XV в. империя Тимуридов была разрушена войсками Шейбанидов, которых из Сибири привел хан Абулхаир. Сам Абулхаир — последний властитель Дешт-и-Кипчака, был похоронен вблизи Сыгнака. Останки внука Абулхаира — Мухамеда Шейбанида, убитого шахом Исмаилом Сефевидом, покоятся в Самарканде, недалеко от гробницы Амира Тимура.

В заключение отметим, что после смерти Токтамыса, Амира Тимура и Едиге началась очередная полоса смут и дворцовых переворотов на просторах Великой Орды. За престол продолжали бороться по-прежнему три основных ветви чингизидов — орда-эжены, шейбаниды, тука-тимуриды. Каждый из самопровозглашенных ханов создавал свои войска и улусы, чеканил свою монету и сражался с другими претендентами на власть. В конце XIV в. серьезно усилились центробежные силы во всем пространстве Орды.

---

³⁷ Аяган Б.Г. История Улуг Улуса Золотой Орды: курс лекций. Алматы: Литера-М, 2020. С. 90.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КЫРГЫЗОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Б.И. Борубашов

Актуальность изучаемой темы обусловлена глубокими системными преобразованиями, произошедшими за последние годы во всех сферах общественной жизни Кыргызской Республики. В свете глубоких социальных перемен, которые происходят в стране, остро встал вопрос о совершенствовании политико-правовой системы в обществе с учетом исторического опыта кыргызского народа. Народный Курултай как представительная форма народовластия служил политической основой кочевой цивилизации. В пункте 1 статьи 7 Конституции Кыргызской Республики написано, что Народный Курултай является общественно-представительным собранием³⁸. По статусу институт Народного Курултая является центральным собранием представителей гражданского общества, создает широкие условия для его развития и не является органом государственной власти.

Политико-правовые системы разделяются по способам принятия властных решений и пределам вмешательства органов власти в регулирование общественных отношений. В данной работе по этим двум признакам проводятся исследования политико-правовой системы кыргызского общества. Для достижения поставленной цели авторам было определено провести анализ политико-правовых явлений кыргызов в Центральной Азии.

В XVI — середине XIX в. кыргызы занимали всю современную территорию Кыргызстана, а также некоторые сопредельные районы Узбекистана, Таджикистана и Восточного Туркестана.

Кыргызы сохранили свою древнюю родоплеменную структуру, по-прежнему родоплеменные объединения входили в состав двух территориально-политических образований — он канат (правое крыло) и сол канат (левое крыло). Объединения правого крыла занимали в основном территорию Северного Кыргызстана и левое крыло, в которое входили подразделения населения, проживавшего в пределах Южного Кыргызстана.

---

³⁸ Конституция Кыргызской Республики. Бишкек, 2022.

Основными административно-политическими единицами кыргызского общества в этот период считались самостоятельные родоплеменные объединения. Наиболее крупные из них – адыгене, басыз, бугу, бостон, кыпчак, тоолос, кесек, чонбагыш, сары-багыш, кушчу, найман, саяк, солто, канглы, кытай, сару, нойгут, черик. Каждое из этих племен в свою очередь делилось на более мелкие подразделения.

Дуальная этнополитическая организация требовала создания действенной политической структуры управления. Во главе каждого крыла стоял верховный бий (чон бий). Он избирался ежегодно из числа старших биев — правителей родоплеменных объединений. Не располагая значительной и постоянной военной силой, он фактически не имел реальной власти над старшими биями — правителями родоплеменных объединений, и крупными феодалами племен. Следовательно, должность верховного бия носила формальный характер и служила символом единства всех племен конкретного крыла. В исторических преданиях народа и китайских источниках сохранились имена отдельных кыргызских деятелей, которые в преданиях называются то ханами, то биями, а в источниках — чон бий.

Во главе каждого родоплеменного объединения, представлявшего собой самостоятельную административно-политическую единицу, стоял старший бий (улук бий). Каждое такое объединение обязательно имело свою тамгу — печать, а также свой боевой клич — ураан.

В состав родоплеменного объединения входили связанные между собой не столько действительным, сколько мнимым родством многочисленные роды и родовые подразделения. Они управлялись акалакчын биями, которые находились в подчинении старшего бия.

В иерархии феодальной аристократии кыргызского общества самый привилегированный слой общества составляли бии. Верховные бии правого и левого крыла совмещали эту должность с функцией старшего бия своих родоплеменных объединений. Старшие бии осуществляли не только административную власть, но и ведали внешними, военными и судебными делами³⁹. Так, старший бий по

---

³⁹ Манас. Энциклопедия I. Бишкек, 1995. С. 146.

своему усмотрению мог совершать набеги на соседние народы, оказывать военную поддержку другим государствам, выносить решения по важным судебным делам.

Ступенью ниже стояли акалакчын бии — правители более мелких родовых подразделений внутри родоплеменных объединений. Основу их власти составляла дружина, численность которой доходила обычно до 40 и более человек. В случае необходимости собиралось народное ополчение.

Тагай-бий (Мухаммед-Кыргыз), по разным сведениям, родился примерно в 1470 г. на пастбище Сары-Бел Алайской долины. В 1508 г. на берегах Иссык-Куля в местности Барскоон всеми кыргызскими племенами Тагай был поднят на белой кошме как кыргызский правитель. Таким образом, в самый критический период истории в целях консолидации всех кыргызских родов и племен Тагай-бий избран первым кыргызским верховным правителем. Вся его деятельность была посвящена консолидации, объединению кыргызских родов и племен. Он активно способствовал усилению процесса консолидации кыргызских родов и племен, росту этнического самосознания среди кыргызов, укрепил объединение «правого» и «левого» крыльев кыргызских племен. От шести сыновей Тагай-бия произошли крупные племена кыргызского народа; бугу, солто, саяк, доолос, жедигер и кара чоро⁴⁰.

Государство официально звали кыргызским улусом. В качестве главного атрибута власти был принят флаг («золотистый флаг»), отдельная резиденция (белая юрта) для единого бия и т.д.

В 1517 г. Мухаммед-Кыргыз стал властителем кыргызов и остатков могольских и тюркских племен Семиречья, Иссык-Кульской котловины и Кочкорской долины. Он укрепил подразделения «правого» и «левого» крыла кыргызов и определил основные направления их внешнеполитической ориентации.

В условиях противостояния с моголами Мухаммед-Кыргыз вступил в союз с Казахским ханством как наиболее надежным союзником в борьбе против мо-

---

⁴⁰ Маджму ат-таварих. Сайф ад-Дин Ахсикенти, Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана: Бишкек, 2002. С. 226.

гольской экспансии. В 1524 г. в Кочкоре казахский хан Тахир встретился с Мухаммедом-Кыргызом⁴¹. Главным предметом переговоров стал вопрос совместных действий за свободу братских народов от могольских завоевателей. Кыргызско-казахский союз сохранялся и в следующие два века. Кыргызско-казахский союз 1524 г. вызвал настороженность Султан-Саид-хана, а тайный союз с шейбанидами и казахами против моголов послужил поводом начать войну против кыргызов. В 1526 г. Султан-Саид-хан вновь взял в плен Мухаммеда-Кыргыза и вновь отправил в Кашгар, где его держали до самой смерти.

XVI — первая половина XVIII в. — важнейший этап самостоятельного политического, социального и этнического развития кыргызской народности. Этот период истории кыргызского народа был насыщен событиями, связанными с постоянной борьбой против иноземных захватчиков за свою независимость, что требовало создания эффективной военной системы с учетом особенностей политического строя, экономических и социальных отношений общества, а также географического расположения Тянь-Шаня.

Насколько известно из материалов эпоса «Манас», боевой строй кыргызского войска предполагал расположение основных военных подразделений в центре, а также на правом и левом флангах. Это было связано с делением кыргызских родоплеменных объединений на два крыла и соответствовало политической организации общества.

Подобное деление можно связать с подразделением кыргызских родоплеменных объединений на два крыла. Военные отряды этих трех подразделений строились по принципу родоплеменного деления. Это подтверждают и сведения эпоса «Манас»: кыргызское войско распределялось по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч (туменам)⁴². В походе соблюдался строгий порядок. Впереди войска шла разведка (чалгын), в которую отбирались наиболее храбрые, бесстрашные воины. Немаловажную роль играли проводники (жолбашчы), которые определяли пути движения и места стоянок войска. Командующие всех военных подразделений подчинялись приказам и указаниям жолбашчы, главной обязанностью которого была организация разведки в лагере противника в мирное и военное время. Кроме того, жолбашчы исполняли в походах обязанности

---

⁴¹ Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана: Бишкек; Шам, 1996. С. 221.

⁴² Манас. Энциклопедия I. Бишкек, 1995. С. 101–102.

колонновожатых, определяющих пути движения и места стоянок войск. Функции жолбашчы можно приравнять к обязанностям кара-дугуана — начальника штаба войска. Авангардом служила сторожевая охрана (кароол). Затем шло основное войско, походную колонну замыкал арьергард (оорук), где кроме обоза, находились больные и слуги. В оборонительном бою важная роль отводилась организации засады (буктурма).

Кыргызское войско носило характер народного ополчения и собиралось только при чрезвычайных ситуациях, а также комплектовалось по традиционной «десятичной» системе военной организации кочевников Центральной Азии. Количество стрелков доходило до 100 тыс. человек. Но такое войско можно было собрать только в случае острой необходимости путем мобилизации народного ополчения.

Таким образом, войско кыргызов формировалось в соответствии с принципами иерархической системы, где военачальники всех подразделений подчинялись приказам главнокомандующего армией. Приказания передавались нижестоящим командирам специальными посыльными, которые назывались сопи.

Эпос «Манас» — сияющая вершина древнекыргызского духа, источник государственно-правовой мысли кыргызского народа⁴³, историческая память народа и часть государственной идеологии, ставшей объектом тщательного изучения со стороны и юридической науки Кыргызстана.

«Манас» воплотил в себе прогрессивную идею объединения племен перед лицом внешней опасности и в XVII — первой половине XVIII в. произошла государственно-политическая консолидация кыргызских племен. Племенная структура тесно переплеталась в то время с развитой военно-демократической организацией. «Общественный строй исторической эпохи, отраженный в эпосе «Манас», С.М. Абрамзон охарактеризовал как «военную демократию»⁴⁴.

Следы раннего государственного аппарата у кыргызов можно обнаружить в эпосе, например, при избрании курултаем Манаса, его ровесник, юный богатырь казахов Көкчө просит о титуле «төрө» и народный курултай соглашается на его просьбу, провозглашают Манаса ханом, а Көкчө получает титул «төрө».

---

⁴³ Айтматов Ч.Т. Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек, 1995. С. 14.

⁴⁴ Абрамзон С.М. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер. Бишкек, 1999. С. 111.

По идее эпоса, власть должна принадлежать тому, кто реально может воплотить ее в жизнь — народу. И эту идею Манас стремится реализовать, показывая, что старейшины, управители, ханы выступают лишь как полномочные представители власти народа. А вся полнота власти принадлежит такому народному органу, воплощающему в своей сущности демократические традиции, как курултай.

Государственно-политическая консолидация кыргызских племен в XVII — первой половине XVIII в. Во второй половине XVII в. некоторая часть кыргызского народа была вытеснена джунгарскими феодалами с этих территорий в Ферганскую долину. Правителей называли биями. Некоторые из них управляли 10–20 аулами, другие — 30–40. В аулах проживало податное население. Каждый бий управлял своей землей и своими подданными. По своему могуществу и власти бии были равны и друг другу не подчинялись.

В начале второй половины XVIII в., когда было уничтожено Джунгарское ханство, те кыргызские племена, которые в период могущества этой кочевой империи были вынуждены уйти в сторону Андижана, вновь возвратились на старые кочевья. Кыргызов насчитывалось 5000 кибиток, и они могли выставить около 3000 человек войска⁴⁵. Приблизительная численность кыргызов во второй половине XVIII в. составляла около 500–600 тыс. человек.

Кыргызские родоплеменные группы, своеобразные кочевые общины, являлись не строго родственными, а территориальными образованиями. Община формально и фактически представляла как бы «самостоятельно существующий государственный организм, напоминающий в некотором отношении карликовое греческое государство — полис»⁴⁶. Каждое из них представляло собой самостоятельную административно-политическую единицу, имело государственно-правовой символ формирования легитимного образа власти. Имели свою мету для скота (эн, тамга), общий боевой клич (ураан), нередко собственное знамя (туу), а у вождей — биев, были личные печати (моор) и дружина (кырк джигит — сорок молодцов).

---

⁴⁵ Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана: Бишкек; Шам, 1996. С. 235.

⁴⁶ Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в 17 — первой пол. 19 в. М., 1979. С. 22.

Ежегодно кыргызы выбирали одного главу (чжан), занимавшегося общим управлением и которому все было подчинено. Во главе каждого из двух крыльев стояли выборные верховные бии с титулом чон бий. Выборный верховный правитель кыргызов, не располагавший значительной и постоянной военной силой (кроме личной дружины), фактически не имел реальной власти над главными биями родоплеменных групп. Поэтому он довольствовался формальным признанием его роли как верховного правителя кыргызов. В его обязанности входила координация военных сил во время военных походов с помощью совета старейшин.

Правитель осуществлял официальный прием и отправление дипломатических миссий к соседним государствам. Также он следил за сохранением порядка и стабильности в обществе на основе древних народных традиций и обычаев. Выступал главным арбитром в различных межродоплеменных спорах, осуществлял надзор за соблюдением границ кочевых племен. Для этого созывались ежегодные всенародные курултай.

В управлении кыргызским обществом важную роль сыграли народные курултай, где обсуждались и принимались наиболее важные вопросы, затрагивающие интересы всего народа, принимались решения управленческого характера и население обязано было их исполнять. Курултай в основном играли роль судебного, совещательного органа на местном уровне. Систематизация обычного права кыргызов осуществлялась на чрезвычайных съездах, которые были судом высшей инстанции и рассматривали жалобы на решения волостных судов, разбирали огромное количество уголовных и гражданских дел и судебный прецедент (бийлердин бутуму), становились источниками обычного права. Курултай, как правило, собирался в случаях, когда возникали земельные и имущественные споры.

Курултай существовали в двух видах: 1) для всего населения, где представители народа и власти принимали решения по следующим основным вопросам: избрание хана, решение спорных вопросов, связанных с имуществом, территориальных споров, а также межнациональных и межгосударственных проблем; 2) курултай кыргызских биев — на них принимался свод основных норм обычного права кыргызов — эреже. Одной из форм правотворческой деятельности биев были разрабатываемые ими положения — эреже. Прежде чем созвать дуван,

съезд биев, родовых начальников и других влиятельных лиц всех споривших родов и племен, вырабатывали проект соглашения — эреже, превращаясь в один из источников права. Также рассматривались вопросы судопроизводства. В целом, в народных курултаях имели полномочие рассматривать следующие вопросы:

- 1) принятие норм обычного права в виде эреже;
- 2) вопросы судопроизводства;
- 3) регулирование имущественных и неимущественных отношений;
- 4) решение межгосударственных и межнациональных проблем.

Таким образом, курултай кыргызских биев выполнял две основные функции: правотворческую и правоприменительную.

В первой четверти XIX в. в Кыргызстане преобладала политическая раздробленность. Крупные племенные объединения попытались консолидировать кыргызские племена. Летом 1842 г. на западе Иссык-Куля в местности Орто-Токкой состоялся курултай кыргызов.

На курултае обсуждались актуальные для кыргызского народа вопросы: о притеснениях Коканда, о тяжелом налоговом бремени, вопрос об объединении кыргызского народа и создании самостоятельного кыргызского государства (ханства), а также предложение избрать хана всех кыргызов. Ханом кыргызов провозглашен Ормон Ниязбек уулу. На курултае были определены символы ханства «туу» (знамя), «меер» (печать), «бийлик курамы» (структура власти), «айып» (штраф), ««жаза олчомдору» (меры наказания и взыскания за преступления и повинности). Государственное устройство ханства по форме было монархическим, а по содержанию включало элементы республиканского правления.

Одновременно формировались центральные органы государственной власти: большой совет и малый совет. Судебная система, военное управление, таможня, дипломатическая служба, а также традиции, обычаи получили статус законов.

Высшим органом государственной власти являлся большой совет — совещательный орган при хане. Большой совет по инициативе хана созывался временами. На нем рассматривались вопросы внутренней и внешней политики ханства, а также все крупные спорные вопросы решались в рамках закона. Прежде

чем принять важное решение, он должен был согласовывать его с членами большого совета. Решения большого совета легли в основу каждодневной политической деятельности хана, так как только в этом случае он мог получить поддержку со стороны руководителей племен. Таким образом, ханская власть была ограничена.

Малый совет был постоянно действующим государственным органом, и хан регулярно советовался с ними. Состав малого совета состоял из шести-семи человек, между которыми были распределены обязанности.

Стабильность и политический вес власти Ормон-хана были неодинаковы на территории ханства. Часть племенных объединений находилась от него в вассальной зависимости, некоторые племена (солто и бугу) подчинялись хану номинально. Опору ханской власти составляла военная организация. Ормон-хан имел личную охрану, состоявшую из 30 самых метких стрелков, вооруженных фитильными ружьями («чампан»). Ханская власть прежде всего была направлена на охрану общественного порядка. За скотокрадство наказывали строго, вор за каждую голову платил девять голов (тогуз айып).

Для контроля за соблюдением законов в ханстве существовал судебный аппарат. Советники исполняли обязанности биев — судей, решение которых считалось окончательным.

По вопросам внутренней политики при Ормон-хане служили несколько советников. Наиболее известный из них — Калыгул, пользовавшийся большой популярностью среди народа за свой ум и справедливость. Особенность внутренней политики Ормон-хана связана с тем, что при объединении кыргызских племен он не применял силовых методов.

Ормон-хану, окруженному со всех сторон довольно сильными государствами, пришлось вести осторожную внешнюю политику. Для совершенствования межгосударственных и международных отношений Ормон-ханом была создана служба по вопросам регулирования внешних связей, свой «дипломатический корпус». Особенно следует отметить то, что послы регулярно посещали Омск, где решались наиболее важные вопросы между кыргызским ханством и Российской империей.

Для обеспечения государственной безопасности, охраны государственной границы, охраны общественного порядка и спокойствия населения была сформирована постоянно действующая армия, а также личная гвардия хана.

Все население ханства платило налоги, а иностранные купцы — особый налог туяк пул. Только после этого разрешалось торговать внутри страны. Кашкарские, кульжинские, ташкентские, ферганские купцы платили таможенные пошлины за ввоз и вывоз товаров.

Ормон-хан, приглашая из Андижана, Намангана, Маргелана образованных людей (молдо), занялся обучением детей. По его поручению была написана историческая книга «Жооп наама» по вопросам канонов шариата и культуре мусульманства.

Кыргызское государство в середине XIX в. было недолговечным по следующим причинам. Во-первых, статус и функции центральных и местных государственных органов не были определены до конца. Во-вторых, между регионами государства отсутствовали тесные и неразрывные экономические отношения. В-третьих, наблюдались элементы сепаратизма и междоусобной борьбы. В-четвертых, в центральных органах власти обосновались родственники и близкие люди Ормон-хана, что вызвало недовольство руководителей племенных союзов. В-пятых, внешние силы действовали по принципу «разделяй и властвуй», что усилило центробежные настроения отдельных политиков. Несмотря на это, кыргызское государство сыграло положительную роль, способствуя развитию этнического сознания кыргызского народа и сохранению территориальной целостности и государственной независимости в борьбе с иноземными захватчиками.

Правовая система кыргызов в XVI — середине XIX в. состояла из таких основных элементов, как нормативный, социологический и институциональный.

Основу нормативных элементов составляют источники обычного права. Эреже, судебный прецедент — решение биев, пословицы являются источниками обычного права. Обычное право (адат) — это результат юридизации человеческого бытия, так как обычное право разрабатывалось и принималось всенародно, в ходе общественных слушаний. Адат принимался исходя из человеческого измерения, которое определяется прогрессом общественного развития, правами и свободами человека, и он принимался, исходя из интересов общества и лично-

сти. Человеческое измерение — это вполне конкретное направление в определении прогресса государственности, измеряемое набором и качеством прав и свобод, а также условиями жизни человека. Нормы адата являются результатом юридизации человеческого бытия, который обусловлен конкретным историческим типом цивилизации, отвечающий правовой культуре и правовому менталитету народа. Нормы адата на протяжении столетий выступали в качестве социальных регуляторов в кочевом обществе, они хранят в себе потенциал в регулировании многих социальных сфер жизни современного Евразийского пространства. Нормы адата являются отражением правового бытия человека.

Социологическими элементами являются правовая культура, правосознание народа, которые относятся к органической части культуры, способной обеспечить стабильность и правопорядок в обществе без принуждения властных органов.

К институциональным элементам относятся органы народного представительства — курултай, суд биев, волостные управители и верховные власти. По нормам обычного права женщины имели право принимать участие на выборах. В курултае принимались нормы обычного права, рассматривались судебные дела, спорные вопросы, а также решались вопросы местного и международного характера. Таким образом, основу сегодняшнего парламентаризма мы видим в народных курултаях.

Основным источником кыргызского права в рассматриваемый период считалось обычное право (адат) — совокупность юридических обычаев, передававшихся в устной форме из поколения в поколение. Адат более всего соответствовал особенностям экономического и культурного развития кыргызского общества, в течение многих веков ведущего кочевой образ жизни при почти сплошной неграмотности населения. Обычное право отличалось консерватизмом, поэтому на протяжении нескольких веков существенных изменений в отдельных правовых институтах не наблюдалось.

Характерными для обычного права можно считать следующие черты:

- 1) консерватизм, выразившийся в закреплении многих патриархальных, родовых обычаев (обязательства о взаимопомощи сородичей);
- 2) наличие множества пережиточных институтов (кровная месть, самосуд, узаконение барымты);

- 3) слабое разграничение уголовного преступления от гражданского правонарушения;
- 4) отсутствие института политических преступлений (измена стране, дезертирство с поля боя, неподчинение военачальникам);
- 5) отсутствие юридического права частной собственности на землю (пастбища), фактически же правом распоряжения пастбищами обладали общины;
- 6) сравнительная гуманность мер наказания за нарушения прав частной собственности и преступления против органов управления.

Нормы обычного права постоянно пополнялись и совершенствовались в процессе судебной деятельности биев различного ранга. Судебные приговоры — решения (бийдин бутуму) наиболее авторитетных и знаменитых биев приобретали значение обязательного для решения аналогичных дел — судебного прецедента и включались в состав действующих норм обычного права. Другая форма правотворческой деятельности судей-биев — так называемые эреже — положения, принимаемые съездами биев о том, какими именно нормами обычного права они будут руководствоваться при рассмотрении определенных судебных дел. Эти руководящие постановления-эреже сами затем становились источником права. Посредством судебных прецедентов и эреже кыргызские бии вносили в обычное право некоторые нормы шариата, жестоко карающие за отступление от требований ислама.

Право частной собственности на основное средство производства — землю, по юридическим представлениям кыргызов, вплоть до XIX в. отсутствовало. Пастбища формально-юридически считались в обычном праве кыргызов общей собственностью родов и общин. Русский путешественник хорунжий Г.Н. Потанин отметил, что кыргызы «не допускают пользоваться богатствами земли даже за плату» — указание, свидетельствующее о ревностной охране киргизами своей родины⁴⁷.

В обычном праве отсутствовали нормы купли-продажи, дарения, наследования земель и т.д. Для кочующих скотоводов важным было лишь два вида юридического отношения к земле: право распоряжения кочевьями-пастбищами и право захвата свободных или незанятых кочевий-пастбищ, водопоев. Оба эти

---

⁴⁷ Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1997. С. 443.

права принадлежали биям, старшинам крупных родовых отделений и аксакалам аулов. Право выбора лучшего пастбища по обычаю принадлежало родоправителю.

На остальные средства производства и на средства потребления существовала частная собственность. В праве собственности все вещи делились на два рода: мал — скот и мульк — остальное имущество. Этим делением выделялось особое значение скота в хозяйстве кочевника. Скот подвергался особой маркировке: на него ставился знак собственности — тамга. Кража скота считалась более опасным преступлением, чем кража прочих вещей.

По кыргызскому обычному праву большинство договорных и деликтных обязательств было тесно связано с обязанностями членов родовой или аульной общины друг перед другом и перед самой общиной.

Обычай «родовой взаимопомощи» когда-то действительно носил характер подлинной поддержки и выручки членами родовой общины друг друга. Известны следующие сборы и обязательства в пользу кыргызских биев: 1) союш — обычай, когда член рода при острой необходимости брал займы у соплеменников скот на зарез с обязательством возратить его с приплодом; 2) чыгым (расход) — подати биям для покрытия их расходов по угощению во время съездов и сборов; 3) журтчулук — обычай, когда разорившиеся кыргызы, например, в результате набегов или падежа скота, могли обратиться к сородичам за помощью (со временем знать стала использовать этот обычай в своих корыстных целях); 4) кошумча — добровольное приношение тем, кто устраивал аш, той, при уплате калыма, айыпа и т.д.; 5) саан — обычай, когда бедняки могли пользоваться дойным скотом (корова, кобыла, коза) богатых родственников с целью получения молока (такая помощь была не бескорыстной, за это необходимо было отработать в хозяйстве этого родственника); 6) конок алуу — обязательство принятия гостей несколько дней подряд с ночлегом и угощением во время тоя (празднества) или аша (поминок). Согласно обычному праву облагались штрафом все отказывавшиеся от уплаты податей, связанных с обязательным угощением гостей, например, биев, приехавших на той или аш. Существовал даже штраф, который доходил до девяти голов скота. Кроме перечисленных существовали и другие обязательства.

У кыргызов до XIX в. сохранились большие патриархальные семьи, достигавшие нескольких десятков человек. Главой такой семьи считался мужчина. Жена и дети должны были беспрекословно ему подчиняться. Он мог бесконтрольно распоряжаться всем семейным имуществом. Если женщине приходилось хозяйствовать самостоятельно из-за малолетства своих сыновей, то она считалась опекуной.

Следует отметить, что в адате существовали некоторые ограничения власти главы семьи:

- обычное право не разрешало отцу продавать юрту, ценный скот без согласия взрослых сыновей;
- адат устанавливал определенную долю каждого сына в семейном хозяйстве при выделе;
- адат запрещал отцу лишать своих сыновей наследства или отказывать в выделе, если на то не было веских причин. В случае нарушения адата в дело вмешивался айильный аксакал.

В наследовании существовали свои правила. Если женатый сын умирал, не оставив наследника, то наследником становился отец. Один из родственников назначался опекуном детей, не достигших совершеннолетия, после смерти их отца. Если не находилось близких родственников, то опекуном мог стать чужой человек.

Завещание составляли в присутствии родственников и бия. Скот умершего, который он давал кому-нибудь в долг, отбирали в увеличенном количестве (то есть вместе с родившимся скотом). Но скот, полученный в результате налета, не возвращался.

Существует несколько положений по поводу наказания за правонарушения. Наказание у кыргызов равносильно преступлению. Согласно законам, родственники убитого имели право лишить жизни убийцу⁴⁸.

Однако судья мог облегчить наказание, если пострадавший или родственник убитого согласился на это. В таком случае виновный должен был материально удовлетворить пострадавшую сторону. Материальная вещь в данном случае называется кун (выкуп). Размер выкупа для мужчин составлял 1000 овец, для

---

⁴⁸ Борубашов Б.И. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана. Т. 1. Бишкек, 2019. С. 170.

женщин — 500. Например, если кто-то покалечил большой палец, то должен был отдать 100 овец, а если мизинец — 30 овец. Если человек убил своего господина, то обязан был выплатить кун в семикратном размере ($1000 \times 7 = 7000$). Если господин пострадал от своего подчиненного, тот должен был отдать 27 голов скота, а за оскорбление — девять голов.

Жена, убившая своего мужа, обязательно подвергалась смертной казни. Она не могла спасти себя с помощью выкупа, если родственники мужа не простят ее. Беременная жена, убившая мужа, не подвергалась смертной казни, но считалась бесчестной и на протяжении всей жизни подвергалась оскорбительному отношению со стороны окружающих.

В свою очередь, муж, убивший жену, мог спасти себе жизнь, если ее родственники были согласны на «кун». Родители, убившие своих детей, никак не наказывались, но мать, убившая своего незаконнорожденного ребенка, подвергалась смертной казни. Покончивших жизнь самоубийством хоронили в отдельном месте.

Человек, сбивший беременную женщину с лошади и причинивший тем самым вред ее здоровью и ребенку, платил «кун» в следующем размере: если плод пятимесячный, он отдавал лошадь, если от пяти до девяти месяцев — одного верблюда.

Покушение на честь девушки или женщины наказывалось смертной казнью, то есть такое же наказание, как и для убийцы. Покушавшийся на честь девушки мог спасти себе жизнь, если женится на ней и заплатит калым, но только с согласия девушки.

Если мужчина похищал чью-нибудь жену без ее согласия, то похитивший приговаривался к смертной казни или мог выплатить «кун» в размере, равном, как и для убийцы. Если похищение происходило с разрешения женщины, она оставалась с этим мужчиной. Похитивший платил калым мужу женщины, обеспечив его женой.

Оскорбившего свою мать или отца или осмелившегося их побить сажали на черную корову, водили по всей деревне и били кнутом. Если дочь оскорбляла родителей, ей связывали руки и ноги и отдавали в распоряжение матери. Мать поступала с ней по своему желанию.

Вор должен был возместить ущерб в три раза больше, чем украл (уч тогуз). 27 голов скота за каждую украденную⁴⁹. Если он украл верблюда, то должен отдать 27 верблюдов. Если украл лошадь, то к 27 лошадям должен был прибавить одного верблюда. Если украл овцу, то к нужному количеству прибавлял одну лошадь (100 верблюдов равнялось 300 лошадям и 100 овцам).

Если человек совершал и убийство, и воровство, то он осуждался за оба преступления по отдельности. Жена и дети, узнавшие о совершении воровства отцом, но не осведомившие об этом власть, не привлекались к ответственности (потому что жене и детям запрещено было идти против главы семейства)⁵⁰.

Каких-либо обязательных налогов в пользу своего верховного правителя кыргызы не платили, в знак уважения и преданности к власти правителя подданные добровольно приносили подношения (тартуу) в виде подарков (обычно иноходцы, воинские доспехи и др.), а также согум — угощение для стола покровителю.

Нередко с населения Кыргызстана производился религиозный сбор (закят) — добровольное ежегодное пожертвование мусульман в пользу бедных как очищение верующих от грехов. Военные сборы (ырагат-чыгым) под религиозным лозунгом «газавата» очень отрицательно отразились на хозяйственно-экономическом положении местного населения.

В 1855 г. после вхождения в состав Российской империи все основные общественные отношения кыргызов регулировались органами государственной власти России, то есть они занимались правотворческой деятельностью и реализацией правовых норм.

---

⁴⁹ Борубашов Б.И. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана. Т. 1. Бишкек, 2019. С. 176.

⁵⁰ Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов. Бишкек, 2000. С. 99–108.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В УПРАВЛЕНИИ БАШКИРИЕЙ В XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

И.И. Буляков

Под государственной традицией сегодня принято подразумевать историко-генетическую преемственность общих, основных и существенных признаков, принципов и компонентов государственного устройства, передающихся от одних государств к другим. Согласно источникам, при принятии башкир в свое подданство царская власть использовала золотоордынские методы и приемы государственного управления, принципы отношения центра с регионами, что предопределило уникальный статус башкир в составе Русского государства с сохранением вотчинного права на родовые земли и с широким внутренним самоуправлением.

Впервые проблема преемственности традиций в сфере управления, права от одного общества к другому получила теоретическое обоснование в постсоветской историографии в работах В.В. Трепавлова, Р.Ю. Почекаева.

Изучению традиционных элементов монгольской государственности XIII в., т. е. компонентов социально-политического устройства, перешедших в нее из административных структур раннего средневековья, посвящена одна из монографий В.В. Трепавлова. Предметом исследования стал государственный строй Монгольской империи, внимание в работе сконцентрировано на государственных традициях. В заключительной части труда автор затронул вопросы эволюции государственных традиций в конце XIII–XIV в., обосновав необходимость дальнейшего изучения проблемы преемственности в сфере управления и права в кочевых обществах постордынского периода⁵¹.

В других своих монографиях и статьях В.В. Трепавлов показал постепенное приспособление башкир к другим условиям существования в составе России, их

---

⁵¹ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М., 1993.

адаптацию к ее политическому строю и законодательству. По его мнению, решающее значение в этом сыграло использование Русским государством золотоордынских методов и приемов государственного управления над башкирами⁵².

Работы Р.Ю. Почекаева посвящены проблемам формирования и развития права в Улусе Джучи (Золотой Орде), их эволюции в постордынских государственных образованиях, Казахском ханстве в частности. Автор в качестве источников чингизидского права на территории Улуса Джучи называет древнее право торе, Великую Ясу Чингисхана и ярлыки ханов как независимых верховных правителей. Он обосновал преемственность некоторых его элементов в казахских жузах от Золотой Орды⁵³.

С критикой работ, посвященных концепции трактовки московской государственности как исторического преемника Золотой Орды, выступил Ч. Гальперин. Историк приходит к выводу, что Московия не была политическим наследником государственности Золотой Орды, и ее правитель никогда не считал себя «новым татарским ханом»⁵⁴.

Проблемам адаптации существующих традиционных институтов башкирского общества к структуре Российского государства во второй половине XVI — первой трети XVIII в. посвящена монография Б.А. Азнабаева. Автору удалось выявить и тщательно проанализировать методы и аппарат интеграции Башкирии в административную структуру России. При этом им впервые были затронуты вопросы государственно-правовых отношений, существовавших в башкирском обществе в золотоордынский период⁵⁵.

Р.Н. Рахимов в ряде своих монографий и статей непосредственно обратился к вопросу традиций Золотой Орды в военном деле башкир в XVI–XVII вв.⁵⁶

---

⁵² Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.; Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2001.; Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв. Уфа, 1997.

⁵³ Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). С. 51–58; Почекаев Р.Ю. Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 301–322; Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

⁵⁴ Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина. 2003. № 12.

⁵⁵ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). Уфа, 2005.

⁵⁶ Кортунов А.И., Рахимов Р.Н. Аннотированная хроника военной службы народов Урала в XVI–XIX вв. Уфа, 2009; Рахимов Р.Н. Участие военно-служилых сословий Южного Урала в походах Российской армии в 90-е годы XVIII века: по материалам РГАДА и РГВИА // Археография Южного Урала: Исторические источники и современные методы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2001. С. 135–139; Рахимов Р.Н. Традиции Золотой Орды в военном деле

Таким образом, обзор имеющейся литературы свидетельствует о практической неразработанности темы золотоордынских традиций государственного управления башкирским краем, применяемых впоследствии Русским государством.

Государственные традиции Золотой Орды в области управления башкирами в период времени после их присоединения к Русскому государству и до второй трети XVIII в. восходят своими корнями к системе управления, сложившейся в Монгольской империи в начале XIII в. Широкие завоевательные мероприятия Чингисхана требовали консолидации всех слоев монгольского общества, строжайшей дисциплины как внутри войск, так и в обществе. Благодаря этому была создана стройная система управления, которая отвечала всем поставленным целям. С идеологической точки зрения сложившуюся в монгольском государстве форму административного управления подкрепляла система, условно называемая современными исследователями общественно-политической системой чингизизма. Ее политико-правовая основа распространилась на вновь завоеванные и вошедшие в состав Монгольской империи Чингисхана земли и народы. Различная степень ее проявления зависела от многих факторов, в числе которых характер признания монгольского подданства (завоевание, добровольное признание власти монголов, оформление вассальных отношений и пр.), географические условия (малопригодные для круглогодичного ведения скотоводства земли не интересовали монголов, они довольствовались номинальным подчинением данных земель своей власти, получением регулярного ясака и воинов).

Установление дружественных дипломатических отношений некоторых башкирских родов с завоевателями, начало которым положили Майкы-бий и Муйтен-бий; вероятное окончание войны западных башкир с монголами оформлением договора в 1236 г.; нахождение территории башкир на отдаленной северной периферии Улуса Джучи, которая была малопригодной для круглогодичного ведения традиционного для монголов кочевого скотоводства, позволяют нам утверждать об оформлении договорных, вассальных отношений между башкирами и монгольскими правителями. Благодаря этому, как свидетельствуют источники, государственная политика биев оставалась суверенной с некоторыми ограничениями в плане контроля над их внешними связями, обязательного при-

---

башкир XVII–XVIII вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 170–174.

зыва воинов из башкир в случае войны монголов с третьей стороной и исполнения юридических функций представителями монголов. В экономическом же отношении подчинение башкир ограничивалось своевременной выплатой установленного ясака. Все остальные стороны внутренней жизни и быта башкирской общины развивались самостоятельно, независимо от золотоордынского влияния. Башкиры оставались собственниками своей земли.

Государственная система управления Монгольской империи воспроизводилась и на уровне отдельных ее улусов. Позднее с их распадом государственные традиции монголов были восприняты различными ханствами и ордами, возникших на развалинах улусов монгольского государства. Так, они сохранялись в системе управления Казахского ханства вплоть до второй четверти XIX в.

Условия и характер присоединения башкир к Русскому государству учитывали предшествующий статус башкирского края в структуре Золотой Орды и Ногайской державы. Были сохранены государственные традиции Золотой Орды в области управления Башкирией на протяжении второй половины XVI — первой трети XVIII в. Среди факторов, приведших к заимствованию подобных традиций в управлении из золотоордынской практики, были следующие: 1) восприятие башкирами взятие Казани Иваном IV лишь как очередную смену хана; 2) непосредственное знакомство русских властей и башкир с системой отношений между правителями Золотой Орды и его подданными; 3) притязания русского царя на земли и население государств, возникших после распада Золотой Орды; 4) демонстрация готовности царского правительства идти на уступки, что гарантировало прежний статус башкир в составе нового государства.

Государственные традиции Золотой Орды в области управления башкирским краем во второй половине XVI — первой трети XVIII в. сводились к следующим моментам:

1. Схожее оформление подданства: добровольный характер, обмен дарами, принятие подданства на определенных условиях, жалование государем земель в вотчину, оформление вассально-сеньориальных отношений.

2. Отношение к верховной власти: признание башкирами преемственности власти московского царя от золотоордынских ханов («Только взяв Казань, Белый бий Иван Грозный стал падишахом»); непосредственное обращение к верховному правителю по наиболее важным вопросам.

3. Вотчинное право на занимаемые земли с обязанностью уплаты ясака; верховное право на владение и распоряжение башкирскими землями принадлежит царю.

4. Самоуправление: сохранена прежняя аристократическая верхушка в лице биев (новое наименование должностей — староста и сотник), старейшин (аксакалы), тарханов (в т. ч. и право жалования тарханства перешло от золотоордынских ханов к русскому царю) и других институтов власти (йыйыны, совет аксакалов) с сохранением прежних прав и функций.

5. Суд: шариатский суд рассматривает все дела, кроме преступлений с убийством и серьезные земельные тяжбы.

6. Повинности и службы: уплата ясака, различные повинности, воинская служба за свой счет в народном ополчении (к тому же воинские формирования строились по монгольскому принципу).

Какие-либо нарушения условий башкирского подданства, привычных, традиционных (со времен подчинения башкир монгольским государям) для башкирского населения форм зависимости от центральной власти со стороны русских властей встречали ожесточенное сопротивление башкир на протяжении всего XVII в.

Коренные преобразования в области управления башкирским краем в 30–40-е гг. XVIII в. привели к пересмотру традиционных форм подчинения башкир центральным властям. Серьезным ограничениям подверглись все институты общинного самоуправления. Прежние старосты, являвшиеся предводителями рода, чья власть передавалась по наследству, уступили место выборным старшинам. Под запретом оказались самовольные всенародные собрания — йыйыны. Отныне башкиры имели право съезжаться на съезды лишь в определенное время и только после согласования с центральными властями. Были сужены prerogatives шариатского (третейского) суда. В этот же промежуток времени было положено начало смене военных традиций башкир времен Золотой Орды военными традициями российской императорской армии.

В целом, реформы 30–40-х гг. XVIII в. значительно видоизменили основные положения башкирского подданства, которое основывалось на прежних золотоордынских традициях государственного управления. Именно в этот период было положено начало интеграции башкирского общества в общеимперскую структуру.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

А.А. Васильев

В тюркологической литературе государственность тюрков рассматривается в рамках общей дискуссии о цивилизации кочевников Евразии и специфики кочевой политической организации⁵⁷. Заметное своеобразие степных империй в сфере политической и юридической антропологии поставило уместный вопрос об идентификации политических и правовых структур тюрков с точки зрения современных исторических концепций. Упрощенное понимание тюркских каганатов в контексте формационного подхода вело к двум трактовкам: первобытное общество с зачатками феодализма или раннефеодальное государство⁵⁸. Кризис и распад тюркских каганатов с легкой руки умещался в концепцию государства феодальной раздробленности⁵⁹.

Традиционная для марксистской методологии характеристика тюркских каганатов в качестве разновидности феодальных государств была подвергнута пересмотру и существенным дополнениям в современной литературе о цивилизации кочевников. Тюркская цивилизация, как и другие степные общества, была основана на подчинении власти не территории с людьми, а людей с территорией. С учетом подвижности скотоводов и отсутствия четких границ власть в тюркских каганатах была направлена в отношении людей, а не земли, как это было характерно для западных феодальных обществ. К концу XX в. окончательно сформировалась концепция интерпретации кочевой цивилизации в качестве особой общественно-экономической формации, в основе которой лежал внешнеэкс-

---

⁵⁶ См. подр.: Тишин В.В. Историография социальной истории тюркского Каганата VI–VIII вв.: автореф. дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. М., 2015. 28 с.; Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала XII в.: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2016; Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI — первой половине VIII вв.: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2006. 219 с.

⁵⁸ См.: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 27–40.

⁵⁹ См. напр.: Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 128, 133.

плуатационный тип экономики — принуждения другого народа к изъятию необходимых ресурсов (прибавочного продукта). При этом учеными подчеркивался тупиковый путь тюркской империи с точки зрения социальной эволюции⁶⁰.

Долгое время барьером для верной трактовки кочевых политических структур была идеологема о деспотии степных империй, обусловленная внешним взглядом наблюдателя. Для Китая и западной цивилизации тюркский каганат выглядел как военная организация для нападения и изъятия ресурсов оседлых земледельческих народов. На самом деле во внутренней своей организации тюркская империя представляла собой слабоцентрализованную организацию отдельных племен. В тюркских каганатах отсутствовали эксплуатация скотоводов, налогообложение, ораны публичной власти и господствовали родоплеменные отношения⁶¹.

Наряду с отмеченным историки тюркской цивилизации отрицают наличие государства как такового в период первого и второго тюркских каганатов⁶². Более уместным исследователи полагают относить тюркские политические объединения к особо рода протогосударственным образованиям: потестарным обществам в форме вождества и особых политий (конфедерация племен). Н.Н. Крадин предложил называть такие степные организации власти супервождествами, не отождествляя их с государствами с бюрократическим аппаратом⁶³.

Тюркская организация власти лишена обязательных атрибутов государственной власти.

Во-первых, военная организация тюркских номадов была начисто лишена гражданского бюрократического аппарата на имперском уровне. В тюркских каганатах функции власти ограничивались организацией войны и распределения военной добычи и подарков от китайских императоров. Сколько-нибудь значимых гражданских функций власть кагана и его служилой элиты не выполняла. Есть серьезные основания полагать, что даже правосудие отправлялось не кага-

---

⁶⁰ См. подр.: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 191.

⁶¹ Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2015. С. 108.

⁶² Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алма-Аты, 2007. С. 29.

⁶³ Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

ном и им уполномоченными лицами, а на низовом уровне в вождествах локальных племен. Так, по мнению Ю.А. Зуева, за каганами «закреплялась только исполнительная военная функция»⁶⁴.

Во-вторых, тюркским каганатам не было свойственно налогообложение населения. Добыча от военных набегов и подарков китайских императоров выступала внешним источником прибавочного продукта, средством выживания номадов в условиях рисков скотоводства и основой власти кагана и его дружины⁶⁵.

В-третьих, в тюркском каганате не сформировалось общее для всех тюрков право, а сам каган не был источником единого государственного права для своих соплеменников. Отсутствуют в источниках сведения даже о попытках разработки единых законов для тюркской империи⁶⁶.

Все это наряду со спецификой организации власти в тюркских каганатах расценивается историками как основание утверждать, что тюркские политические образования не могут быть квалифицированы в качестве полноценных государств и скорее могут пониматься в качестве особых кочевых вождеств или своеобразных конфедераций тюркских племен (тюркское «эль») временного характера, построенных на престижной экономике и отличающихся крайней нестабильностью⁶⁷.

Тюркская политическая организация характеризовалась следующими чертами:

1) тюркские каганаты представляли собой объединение множества тюркских племен для ведения войны и дистанционного управления оседлыми народами других цивилизаций с целью получения необходимых ресурсов⁶⁸;

2) тюркские каганаты контролировали Шелковый путь, обеспечивали торговлю народов Евразии и тем самым выступали проводниками межкультурной коммуникации, передачи различного, в том числе политико-правового опыта

---

⁶⁴ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии: монография. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 88.

⁶⁵ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 385.

⁶⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. М., 1950. С.230.

⁶⁷ Васютин С.А. Концепты «Вождество» и «Государство» в оценке политических институтов ранне-средневековых империй Центральной Азии // Вестник КемГУ. 2016. № 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-vozhdestvo-i-gosudarstvo-v-otsenke-politicheskikh-institutov-rannesrednevekovykh-imperiy-tsentralnoy-azii>

⁶⁸ Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 398–400.

между народами. Исследователи назвали такую политическую традицию «порядком ради торговли»⁶⁹;

3) тюркские каганаты держались только на военных успехах каганов, способности получать подарки от Поднебесной. Соответственно, власть каганов была весьма неустойчивой и зависела от его личных качеств⁷⁰;

4) тюркские каганаты отличались слабой централизацией и сильным развитием низовых социальных и родовых связей⁷¹. Как следствие, политическая слабость и нестабильность тюркской верховной власти угрожала кризисом и распадом каганата, что и произошло с Первым и Вторым тюркским каганатом;

5) центральная власть в каганатах была представлена каганом и военной элитой. На местах широкой автономией пользовались локальные князья и региональные элиты.

Особый евразийский по географическому положению и социокультурному общению мир тюркской цивилизации вбирал в себя господствующие политико-правовые сюжеты и практики. Так, имперские идеалы, иерархическое строение, титулатура, сакрализация власти кагана были восприняты тюрками от жуаньжуней. Отдельные формы внешнего богатства и церемониала тюркские правители переняли от Китая⁷².

Политическое устройство тюркской империи включало в себя следующие компоненты.

Во-первых, на вершине тюркских каганатов возвышалась фигура кагана. Каган как военный вождь тюрков отличался следующими признаками:

1) сакрализация власти кагана. Каган воспринимался как сын неба — Тенгри, посредник высшей силы и народа. Не случайны в этом отношении ритуалы участия кагана в общении тюрков с Тенгри во время праздников и раздачи подарков;

---

⁶⁹ Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI – XVII вв. // Идея и идеалы. 2018. № 4. С. 139.

⁷⁰ Жумаганбетов Т.С. Власть кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник ЧелГУ. 2008. № 34. С. 15.

⁷¹ Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идея и идеалы. 2018. № 4. С. 142.

⁷² Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 188.

2) значительная роль харизмы кагана, его личных качеств как полководца и организатора военных походов и принуждения оседлых земледельцев Китая и покоренных народов к подаркам под угрозой набегов;

3) несмотря на сакральность власти кагана, его статус зависел от успехов военных походов и получения добычи для раздачи знати и простым воинам, а также от благосостояния скотоводов в условиях засухи, джупов, болезней и падежа скота. Отсутствие военных успехов и потеря прибавочного продукта за счет оседлого народа приводили к краху власти кагана и избранию нового лидера. Природные катаклизмы и неспособность к добыче ресурсов могли приводить к насильственной смене кагана или даже его убийству воинами;

4) вся власть кагана держалась в рамках престижной экономики на раздаче подарков и поддержании лояльности знати и простых воинов. Для кагана было жизненно необходимым быть щедрым, чтобы поддержать свой статус среди соплеменников. По сути наиважнейшей функцией кагана была редистрибутивно-репродукционная роль: распределение добычи и подарки воинам. В то время как для Китая каганы считались скупыми и жадными, на самом деле его власть была прямо пропорциональна щедрости. По подсчетам историков, 40% военной добычи или подарков (выгод от контроля торгового пути) распределялись между воинами в тюркских каганатах. С.А. Васютин весьма точно указывает: «Щедрость правителя, выполнение им функций редистрибутора-распределителя. Данная сфера была тесно связана с другими сакральными сферами (божественным благословением и военными успехами, в результате которых каган получал добычу и дары), однако выполняла вполне самостоятельную роль и опять же зависела от реальных практик конкретного правителя. Поддержание престижа на внутреннем уровне с помощью раздач шелка, зерна, других продуктов и изделий, пиров в кочевых империях стало частью повседневного быта правителя. Однако такая деятельность в основном была направлена на военно-аристократическое окружение кагана и наиболее влиятельных бегов⁷³;

---

⁷³ Васютин С.А. Тюркский каганат // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / под ред. Б.В. Базарова и Н.Н. Крадина. М., 2019. С. 188–190.

5) каган мог разрешать споры между своими приближенными и представителями региональных элит, но функция правосудия и выработка общего государственного права для него не были характерны. Правосудие большей частью осуществлялось региональными элитами на основе обычного права⁷⁴.

Во-вторых, на общеимперском уровне выполнение ряда организационно-управленческих функций было вверено отдельным приближенным и родственникам кагана, а также назначенным им лицам. Следует подчеркнуть, что обособление данной категории управленцев невозможно признать аппаратом чиновников, характерным для государства. Функционал данного круга лиц предопределялся военно-политическими задачами и функциями распределения ресурсов. По мере роста тюркской империи рос круг задач и соответствующих лиц.

Прежде всего, Первый тюркский каганат был поделен каганом Таспаром на центр и крылья. Центром управлял сам каган, а крылья находились в ведении его ближайших родственников. Вторым лицом после кагана был ябгу, который не мог быть преемником кагана. Компетенция ябгу не была четко определенной и лишь после некоего обособления западной части тюркского каганата он стал трансформироваться в правителя западной части империи.

Особое место в управлении Тюркским каганатом занимали малые каганы, или эв-каганы, чьи функции менялись на протяжении истории тюркской империи. По данным С.А. Васютина, малыми каганами могли быть: ябгу и шад; удельные князья; старшие сыновья кагана; претенденты на власть, оказавшиеся вне лестничной системы; реальный управленец и военачальник при кагане — духовном отце. На первом этапе развития тюркской империи малые каганы были правителями отдельных крыльев, а позднее — имперскими князьями (наследниками), которым выделялся удел в управление. В любом случае малые каганы были руководителями в территориальном аспекте⁷⁵.

Наследники престола назывались титулом тегин. Правители уделов империи — шады, в руках которых находились военные и административные функции. Отдельно стоит упомянуть круг придворных чиновников. Китайские источники упоминают такие придворные должности, как виночерпий (им мог быть только один из сыновей кагана), конюший, личная гвардия или охрана кагана

---

⁷⁴ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 320.

⁷⁵ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 192–193.

(волк в китайской версии), лицо, надзирающее за соблюдением закона⁷⁶. Высокопоставленные вельможи носили имя тарханов. Отдельно выделялся суни, который заведовал армией. На низовом уровне действовали тутуки — представители центральной власти в племенах. Всего насчитывают 28 классов в управленческой иерархии, а сами должности носили наследственный характер⁷⁷.

Несмотря на достаточно разветвленную иерархию в военно-административном аппарате тюркских каганатов, указанные лица не относились к чиновникам в традиционном смысле слова. Деятельность этих лиц была ограничена задачи военного управления и обеспечения подчинения отдельных племен и консолидации тюрков в единый каганат. Каких-либо гражданских и специализированных функций круг этих лиц не выполнял.

Подытоживая в части политического устройства тюрков, можно отметить неизбежность распада тюркской империи. Принципы построения тюркских каганатов (слабая централизация, опора на личные качества кагана и военные успехи, сильная децентрализация на местах вкупе с территориальным разобщенностью и зависимостью от природных условий кочевников, перепроизводство элиты из правящего рода каганов) не могли обеспечивать длительное политическое существование империи. Существующая политическая организация тюрков закономерно приводила к кризису власти и децентрализации империи, выходу на историческую сцену отдельных племен (теле, уйгуров) и борьбе родов за власть.

Интересную позицию в трактовке политического устройства кочевых обществ Центральной Азии и в том числе тюркских каганатов занимает С.А. Васютин. По мнению историка, в тюркских каганатах еще не сложилось государственности, но при этом наблюдается многокомпонентность и сочетание трех форм потестарно-политической организации:

- 1) архаичная (клановая) форма управления, характеризующаяся преобладанием кланово-родовых принципов организации власти, доминированием кагана как главы линиджа, престижной экономикой, ролью кагана в качестве реципрокатора и редистрибутора, регуляцией отношений в каганате с помощью обычного права;

---

⁷⁶ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 194–195.

⁷⁷ Там же. С. 196.

2) вождество (надплеменное объединение), включающее в себя военно-иерархическую систему управления в центре и территориальное представительство в племенах на местах, появление надплеменного лидера, сочетание имперской и клановой сакрализации;

3) раннегосударственные элементы управления: кодификация обычного права, расширение полномочий кагана, вертикальное подчинение и жесткая дисциплина, монополия на распределение ресурсов класса служилых и родственных кагану лиц, появление письменности в политической практике, формирование идеологических конструкций и национальных образов общего народа империи «эль» и др.⁷⁸

В полемике право Тюркских каганатов, вероятно, самая сложная и масштабная проблема, так как принято делить историю тюркского права на следующие периоды: центральноазиатский, исламский, сельджукский, османский.⁷⁹

Сведения о праве тюрок крайне скудны и отрывочны. В основном описание обычаев тюрок встречается в китайских летописях и зачастую историки пытаются реконструировать древнее обычное право по более современным обычаям тюркских народов. Тем не менее ясно то, что в тюркских каганатах отсутствовало единое писаное право, а быт племен подчинялся обычному праву. Сведений о кодификации и переходе тюрок к писаному праву история не оставила и судя по всему для этого не было необходимых предпосылок: слабая политическая централизация, отсутствие административного права, медленное развитие торгово-экономических отношений среди тюрок-скотоводов.

Обычное право тюрок в период каганатов характеризовалось следующими чертами:

1. Устная традиция права, когда обычаи представляли собой фактически повторяющиеся действия членов рода и передавались из уст в уста (письменная фиксация правил поведения отсутствовала).

2. Обычное право основано на авторитете предков и силе традиции⁸⁰.

3. Обычное право проистекало из родоплеменной организации тюрок и, соответственно, регулировало семейные, имущественные, земельные отноше-

---

⁷⁸ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 188.

⁷⁹ См. подробнее: Садри Максуди Ареал. Тюркская история и право / пер. с турецкого языка Р. Мухамметдинова. Казань: Фэн, 2002. 412 с.

⁸⁰ Правовые обычаи Горного Алтая, Китая и Монголии. Коллективная монография. Барнаул, 2013. 231 с.

ния внутри племени (правила в сфере половозрастной организации племени, отношения собственности в отношении скота и лошадей, пастбищ и иного имущества). По сути дела, обычное право затрагивало частно-правовую сферу и не касалось публичных аспектов. Отчасти обычное право затрагивало порядок перехода власти кагана (лествичная система: по старшинству в роде) и церемонию возложения власти на кагана⁸¹. Сфера принципов и норм организации верховной власти тюрков называлась *торе*⁸².

4. Обычное право было формой сохранения опыта и традиций, преемственного и циклического развития тюркского мира⁸³.

5. Исполнение обычного права держалось на механизмах общественного принуждения и сама тюркская община была законодателем норм обычного права. В этом и состояла сила обычного права, поскольку субъект и объект правотворчества совпадали и политическое отчуждение отсутствовало (народный, демократический характер обычного права).

6. Для обычного права был характерен синкретизм, единство норм морали, религии, ритуалов и правовых норм (мононормы по концепции А.И. Першица), которые на этой стадии эволюции кочевых обществ еще не дифференцировались на отдельные правила поведения⁸⁴.

7. Обычное право обеспечивало сплоченность, консолидацию общества кочевников, выступало средством самоорганизации и выживания племени.

Таким образом, неписаное право древних тюрков можно разделить на две подсистемы:

- *торе*, которое регулировало вопросы организации верховной власти;
- совокупность правил организации родоплеменной жизни (право личного статуса), которые сочетали в себе правила морали, религии и права (наследование, семейные отношения, режим земли и оборота вещей).

---

⁸¹ Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань, 2012. С. 211.

⁸² Трепавлов В.В. Төрү у древних тюрков и монголов // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: информ. бюлл. 1991. Вып. 18. С. 19–30.

⁸³ Ковлер А.И. Антропология права. М., 2019.

⁸⁴ История первобытного общества. Общие вопросы, проблемы антропосоциогенеза. М., 1983; Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210–240.

ОСНОВЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.А. Васильев, В.В. Сорокин

В настоящее время сложилась необходимость системного взаимодействия с тюркскими государствами Центральной Азии. России необходимо укрепить свое геополитическое положение в этом регионе.

Для достижения этой цели следует представить научно обоснованную систему социально-культурных, мировоззренческих ценностей и практик, основанных на историко-цивилизационном наследии славянских и тюркских народов России и государств Центральной Азии и подтверждающих их историко-культурное единство.

В основе системы социально-культурных, мировоззренческих и других ценностей и практик представлены обобщающие и объясняющие идеи славяно-тюркского единства в их возникновении, развитии и дальнейшем применении. Важно сделать акцент на общую историю взаимодействия славянских и тюркских народов с учетом их опыта совместного проживания, межэтнического взаимодействия и нахождения в составе тюркских, монгольских и славянских государственных образований — Тюркских каганатов, Золотой Орды, Российской империи, СССР. Важно учитывать, что славяно-тюркские отношения не исчерпываются рамками современных отдельных государств, а охватывают период 1000-летней истории и в силу этого имеют прочный фундамент для дальнейшей интеграции.

Тысячелетняя история взаимоотношений славян и тюрков — цивилизационное наследие и геополитическая ценность. Тюрко-славянская тысячелетняя общность — это цивилизационное основание и фундамент интеграции России и Центральной Азии, базирующейся на генетической, исторической, территориальной, государственно-правовой, культурной основе и позволяющей добиться более масштабных результатов, но с меньшими социальными издержками. Основным смысловым ядром интеграции, проектом ее будущего развития и укрепления яв-

ляется славяно-тюркское единство. Это двуединый славяно-тюркский, христианско-мусульманский и социально-объединительный геополитический проект Евразийского союза.

Концепция славяно-тюркского единства основывается на общей территории проживания, на которой происходили процессы возрождения, переселения, ассимиляции и объединения многих народов, преимущественно тюрко-монголо-славянских. Развитие и продвижение тюркских народов с VI в. шло с востока на запад и включало в свое влияние и славянские народы. Становление России с XIV в., ее расширение до границ Российской империи в XIX в. и до СССР происходило преимущественно за счет включения неславянских народов, преимущественно тюркских⁸⁵.

Необходимо давать своевременный ответ на современные вызовы, которые возникают в России и Центральной Азии. В первую очередь — это турецкое влияние — пантюркизм; создание «Союза тюркских государств» и принятие в 2021 г. декларации «Видение тюркского мира 2040», направленной в том числе на продвижение общей тюркской идентичности, основанной на исторической общности. Выступая в качестве альтернативы пантюркскому проекту, представленная концепция наделяет российский Алтай историко-цивилизационным статусом прародины тюркских народов, а Россию — гарантом сохранения их национальной и культурной самобытности, а также обосновывает естественный и взаимовыгодный характер славяно-тюркской интеграции на евразийском пространстве.

В настоящее время необходимость интеграции с тюркскими государствами Центральной Азии значительно усилилась вследствие реакции Запада на специальную военную операцию на Украине, обострение китайско-американских отношений, решения ОДКБ по вводу в Казахстан контингента миротворческих сил. Данная концепция является платформой, которая содержит набор инструментов для выработки практических решений (программ, документов и т.д.), углубления интеграции и усиления российского влияния в Центральной Азии.

---

⁸⁵ Ибрагимов Ж. Институты монгольского права периода Золотой Орды // Российско-Азиатский правовой журнал. 2022. № 3. С. 45.

Укрепление российской государственности подразумевает славяно-тюркское единство в рамках российского государства. Трансграничные регионы России получают дополнительные гарантии безопасности от налаживания добрососедских связей со странами Центральной Азии.

Мы исходим из закономерности, что только Россия всегда справлялась с миссией умиротворения региона Центральной Азии, предотвращения между народами национальных и религиозных конфликтов и сбережения их культурной идентичности. В периоды, когда влияние России в этом регионе ослаблялось, там начиналась резня, нашествие терроризма и обнищание основной массы местного населения.

Сохранение и развитие объединяющей системы ценностей составляет предназначение Концепции славяно-тюркского единства России и стран Центральной Азии. Она разработана научным коллективом ученых России и стран Центральной Азии на базе НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета.

Отдельные положения концепции нашли закрепление в законодательной сфере России и стран Центральной Азии в виде законов и государственных программ. В Российской Федерации приняты Стратегия национальной безопасности России (июль 2021 г.), Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации», Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», реализована Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». Администрацией Президента Республики Казахстан в 2010 г. одобрена Доктрина национального единства Казахстана. В Кыргызстане реализуется Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике (2013 г.) и др.

Реализация Концепции в рамках культурно-гуманитарного сотрудничества предполагает работу с университетами и научными организациями стран Большого Алтая и Центральной Азии, между молодежными организациями, медиа-изданиями. Требуется продвижения проект «Алтай — территория этногенеза тюркских народов».

Разработка и реализация программ поддержки славянского населения в странах Центральной Азии должно происходить через развитие русского языка и культуры в странах Центральной Азии как средства гуманитарного и межнационального общения.

Основываясь на представлениях об Алтае как сакральном центре, необходимо развивать и популяризировать общие для тюркских и славянских народов сакральные природные и историко-культурные объекты на этой территории.

«Алтайская» гипотеза происхождения тюрков находит подтверждение как в письменных памятниках, так и в археологических материалах⁸⁶. Согласно одной из легенд, представленной в китайских летописях, в 460 г. на Алтай переселилось племя Ашина. На новом месте предкам тюрков пришлось взаимодействовать с местным населением. В результате именно на Алтае с течением времени сложился союз племен, получивший название «Тюрк». Сведения письменных источников подтверждаются результатами раскопок археологических памятников в горной части Алтая. К настоящему времени только на этой территории известны наиболее ранние объекты (2-я пол. V — сер. VI в. н.э.), демонстрирующие процессы формирования тюркской общности. Это памятники Кок-Паш, Кудырге, Усть-Карасу и др., расположенные в горах Республики Алтай в Российской Федерации.

Современные данные показывают, что 2-я пол. I тыс. — период, имеющий огромное значение для целостного понимания истории Центральной Азии и сопредельных территорий. В это время произошло формирование новой общности кочевников, ставшей ядром одной из крупнейшей империи раннего средневековья — Первого тюркского каганата. В последующее время масштабы данного политического образования, выходявшего далеко за пределы Центрально-Азиатского региона, определили влияния тюрков на исторические судьбы многих народов Евразии. Тюркские каганаты в период раннего средневековья простирались на огромные территории Евразии.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о значительных перспективах дальнейшего комплексного изучения археологических памятников тюркского периода на Алтае. Актуальной представляется реализация программы междисциплинарного исследования, в том числе проведение серии гуманитарных и естественно-научных анализов антропологических и остеологических материалов из археологических комплексов.

---

⁸⁶ Аюпова З.К. О социо-культурных особенностях формирования мировоззрения тюрков // Евразийский союз. 2021. № 6. С. 112.

ЦЕННОСТИ И ПРАКТИКИ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.А. Васильев, В.В. Сорокин

Многовековой опыт межэтнического взаимодействия славянских и тюркских народов, специфичность географии пространства, в пределах которого они существовали, соответствующий экономический уклад, особый социальный строй заложили общие цивилизационные ценности евразийской цивилизации. Пройдя длительный процесс формирования и нивелировки, данные цивилизационные ценности не изменялись легко и быстро в связи с политической и иной конъюнктурой, они приобретали долговременный и (подчас тысячелетний) и устойчивый характер, выступая в роли матрицы славяно-тюркского цивилизационного наследия и придавая ему уникальность, своеобразие и историческую перспективу. Претерпев длительную эволюцию, данные цивилизационные ценности не менялись вслед за политической конъюнктурой, а сохраняли на протяжении многих столетий устойчивость и даже выступали в качестве гарантии уникального славяно-тюркского культурного наследия.

Во многом цивилизационные ценности славяно-тюркского историко-культурного единства выстраивались на основе преобладания позитивных практик межэтнического взаимодействия.

1. Общность политико-правовых ценностей и практик славянских и тюркских народов России и Центральной Азии.

Важным аспектом славяно-тюркского взаимодействия являлось поэтапное расширение контактов тюркских племен со славянскими народами. Длительное по времени вхождение славянских и тюркских народов в состав политических образований Евразии привело к формированию общих цивилизационных ценностей и признаков традиционной политической культуры, восприятия власти, участия в политическом процессе и т.д.

➤ **Преимственность государственности**, опирающаяся на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия

славянских и тюркских народов. Начиная с середины VI в. происходило поэтапное, политическое объединение Евразии: Тюркская империя — Монгольская империя — Русское государство — Российская империя — СССР — СНГ. Каждое новое государство впитывало политико-правовые практики предшественника, способные обеспечить интеграцию и стабильность.

➤ **Регионализм как объективная необходимость государственного устройства** большинства евразийских политических образований. Имперский регионализм позволял и тюркским каганам, и монгольским ханам, и российским императорам, и советским руководителям учитывать все особенности развития империи и интересы населявших ее народов.

Имперский регионализм евразийского государства проявился в создании политико-территориальной системы управления, сочетающей жесткий централизм с широкой автономией региональных социально-политических образований, входящих в ее состав. Регионализм в имперский период России/СССР обеспечил развитие национальных окраин/национальных республик. Сегодня федерализм выступает основой государственного устройства в России, регионализм — основой современных государств Центральной Азии.

➤ **Особый характер отношений центральной и региональной власти государств, центральной власти и региональных этноэлит.** В условиях Российского государства регионы Центральной Азии всегда пользовались благоприятным правовым режимом, льготами и преференциями. Особый характер взаимоотношений центра и региональных элит выражался в пропорциональном представительстве в органах государственной власти различных национальностей и народностей.

➤ **Общая судьба стала основой славяно-тюркского мира.** Славяно-тюркское единство проявляется в сфере уважения роли государства в решении вопросов публичной и частной жизни людей, которые обеспечивают осуществление некоторых постоянных целей и задач и в этом смысле противостоят либеральному/западному государству, ограничивающему свою деятельность защитой прав граждан. Славяно-тюркское единство способствовало воспроизводству

тех историко-культурных ценностей, которые как раз и можно относить к общечеловеческим: почтение к роду, большая крепкая семья, почитание старших, забота старших о младших, любовь к детям⁸⁷.

➤ **В основе славяно-тюркских государственных образований была единая государственная идея,** стабилизирующая общественное мнение, формирующая господствующую идеологию общества и основу для подлинной межнациональной дружбы и партнерства. В эту идею включается как религиозное, так и социальное начало. Синтез религиозного и светского начал пронизывал развитие славяно-тюркских государств. Эта государственная идея позволяла выживать соседствующим народам и воспроизводить свою культурную идентичность, не уничтожая друг друга. Мы имеем дело с уникальным опытом диалога культур, национальностей и религиозных конфессий.

➤ **Объективная предрасположенность славянских и тюркских народов к различным формам интеграции, межэтническому диалогу, культурно-цивилизационному единству.** У славянских и тюркских народов вырабатывались единые представления, не свойственные другим культурам: массовость, коллективизм (родовая община, соседская община), довольно часто иррациональность политических движений, взгляд на любые формы политической жизни как на нечто относительное. Представления о морально-нравственных основаниях власти и права также являются достижением рассматриваемого историко-культурного наследия.

➤ **Народная демократия как элемент развития славянских и тюркских государств** проявлялось в форме народного вече у русских, народных собраний у кочевых тюркских и монгольских народов, курултаях — всенародных собраниях и в современной практике тюркских государств.

➤ **Патриотизм и гражданственность славянских и тюркских народов формировались на протяжении истории.**

Именно принадлежность к общей государственности на ранних этапах славяно-тюркского взаимодействия формировала чувство гражданственности и обязанностей по отношению к обществу и государству. Гражданственность способствовала формированию чувства патриотизма, с которым было связано

---

⁸⁷ Ибрагимов Ж. Институты монгольского права периода Золотой Орды // Российско-Азиатский правовой журнал, 2022, № 3. С. 45-46.

осознание как славянскими, так и тюркскими народами необходимости защиты своего государства, готовности добровольно следовать предписаниям его морали и закона. Многовековой опыт славяно-тюркских народов по защите своего государства от внешнего агрессора как в период Российской империи, так во время существования СССР, основанный на патриотизме, укреплял и интернационализм — идеологию, провозглашающую равноправие и общность интересов социальных групп, принадлежащих к различным этносам.

2. Общность территории, уникальных природных объектов и условий проживания населения как цивилизационная ценность славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии.

Природные условия, ландшафт и климат Центральной Азии формировали в течение многих веков соответствующий хозяйственный уклад славянских и тюркских народов, который на основе проникновения лучших практик ведения хозяйства обеспечил их развитие. Фактор общности территории предопределен природно-географическим расположением Центральной Азии как отдельного макрорегиона.

➤ **Общая территория межэтнических контактов славянских и тюркских народов.** Взаимодействия славянского и тюркского населения в степной и лесостепной зоне Евразии на протяжении более чем 1000 лет было определено совместным проживанием, соприкосновением естественных ареалов развития этносов, взаимодействием лесных и степных культурных систем, земледельческих и скотоводческих жизнеобеспечивающих экономик. Итоги такого взаимодействия нашли отражение во многих сферах жизни этносов, сформировав определенный синтез славянских и тюркских экономических и политических явлений.

➤ **Физико-географический фактор оказал значительное влияние на миграционные потоки, расселение и формирование современной этнической карты Евразии.** Результаты переписей населения показывают, что доля тюркских народов в населении Российской империи и Советского Союза с 1897 до 1959 г. почти не менялась, оставаясь в пределах 11–12%. В 60-70-е гг. XX в. численность и доля тюркских народов стали быстро расти и к 1989 г. достигла 17,3%, или 49,5 млн человек в СССР. Сегодня в странах Центральной Азии проживает 49,5 млн человек. В то же время в странах Центральной Азии

происходит снижение численности славянского этноса, государства становятся моноэтническими и моноконфессиональными. В данной ситуации идея тюрко-славянского взаимодействия должна сопровождаться поддержкой русского и русскоязычного населения со стороны России во всех странах Центральной Азии.

➤ **Совместное использование уникальных природных объектов и экосистем**, таких как степные территории (Кулундинская степь), горные территории (Алтайские горы), ключевые водные артерии (реки Иртыш, Сырдарья, Амударья и др.), экологическое состояние которых играет важное народохозяйственное значение для народов России и стран Центральной Азии.

➤ **Социально-экономическое развитие как результат взаимодействия славянских и тюркских народов.** Экономическое развитие Центрально-Азиатского региона нашло отражение в реализации крупных стратегических инфраструктурных объектов — ямские и почтовые тракты, Оренбургско-Ташкентская железная дорога, Транссиб, Турксиб и т.д. При этом центральные власти проводили политику развития национальных окраин не только путем сохранения местных обычаев, но и придавая социальным отношениям цивилизованный характер.

Общность территории, народонаселения и хозяйственных связей славянских и тюркских народов, идентичные природные условия, схожий хозяйственный уклад, традиционное добрососедство способствуют усилению интеграционных процессов между Россией и странами Центральной Азии, создают условия для всестороннего развития торгово-экономического сотрудничества, а в перспективе — обуславливают создание самодостаточного и защищенного общего рынка, сохранения природных богатств, биоразнообразия, решение вопросов по комплексному использованию водных ресурсов.

3. Общность духовных и мировоззренческих ценностей и практик славянских и тюркских народов России и государств Центральной Азии.

Многовековой опыт органического ненасильственного взаимодействия славянских и тюркских народов России и Центральной Азии сопровождался взаимным культурным обогащением, формированием общих признаков ментальности, мышления и мировоззрения. Их основа была обусловлена географическим ме-

сторасположением, особым образом жизни тюркских племен, длительным проживанием на этой территории, способностью ассимилировать существовавшие мировоззренческие универсалии других народов. В состав традиционного кочевого мировоззрения входят родовое начало, сложившиеся на протяжении длительного этно- и культурогенеза фундаментальные нравственные, моральные ценности, неповторимый оригинальный менталитет этноса.

➤ **Единение с природой как ценность тюркского и славянского менталитета.** Господство мифологических, религиозных воззрений придало качественное своеобразие мировоззрению как тюрко-монгольских, так и славянских народов⁸⁸. Характерными общими чертами ментальности этих групп выступают единение с природой, восприятие природной среды в качестве абсолютной, самодостаточной реальности, осмысление мира как неразрывной целостности. И славянская, и тюркская мировоззренческие системы описывают рождение порядка из первоначального космического хаоса; формирование религиозно-мировоззренческой упорядоченности, а также связанной с ней упорядоченности социального и природного бытия.

➤ **Высокие гуманистические идеалы священного почитания родного очага, дома как ценность тюркского и славянского менталитета.** Религиозный фактор на протяжении столетий выступал консолидирующей силой, объединяющей культуры, народы, государства Евразии. Религия тюрков, ставшая базой мировоззрения тюрко-монгольских народов, опирается на гуманистические ценности и идеалы. Это отражается, например, в почитании духовных ценностей, символизирующих родной край, Родину. Высокие гуманистические идеалы священного почитания родного очага, дома, мира женской стихии составляют общую базу тюркского и славянского менталитета.

➤ **Религиозный синкретизм мировых религий как ценность межэтнического межконфессионального взаимодействия.**

Новый важный этап развития мировоззрения тюркских и славянских народов, протекавший в сходных социально-исторических условиях и имевший общие предпосылки, был связан с распространением мировых религий. Народы Евразии испытали фундаментальное воздействие всех трех мировых религий —

---

⁸⁸ Аюпова З.К. Указ. соч. С. 112.

христианства, ислама, буддизма. Объединяет мировоззренческие системы славян и тюрков их ярко выраженный синкретизм. В среде как славянских, так и тюркских народов сложился принципиально сходный, базирующийся на общих концептуальных принципах феномен — народные формы мировых религий: народное православие, народный ислам, народный буддизм (ламаизм). Общность традиционного мировоззрения мусульманского и православного населения Центральной Азии и сопредельных территорий в наибольшей степени проявляется в культе локальных святых, а также в организации и осуществлении культовых действий, связанных со святыми местами.

➤ **Алтай как сакральный центр в тюркских и славянских верованиях.** Объединяющим фактором также выступает и то обстоятельство, что Алтай с древности рассматривался как место концентрации особой идеальной духовности и нравственного совершенства. На Алтае, Саянах и прилегающих регионах Центральной Азии старообрядцы искали мифическое Беловодье, сюда они бежали от греховности мира и религиозных притеснений официальных властей.

➤ **Синтез религиозного и светского начал как ценность развития евразийских государств.** Все политические образования на евразийском пространстве являлись поликонфессиональными по своему составу. Традиции веротерпимости и толерантности были характерны для славянского и тюркского населения, включая политические элиты в вопросах государственно-конфессиональной политики. Современный пестрый в религиозном и национальном планах мир Центральной Азии продолжает демонстрировать свою цельность и стабильность. Яркое проявление такого соседства наблюдается в отдельных субъектах Российской Федерации, Казахстана и др., где происходит наиболее активное взаимодействие исламского тюркоязычного и православного славянского населения.

4. Общность эпоса, обычаев, ремесел и других элементов культуры как цивилизационная ценность славянских и тюркских народов России и Центральной Азии.

Культура славянских и тюркских народов России и Центральной Азии является неотъемлемой частью всемирного наследия, важным фактором формиро-

вания национальной идентичности и гражданского единства. Более чем тысячелетний опыт взаимодействия и взаимовлияния традиций славянских и тюркских народов сформировал единый цивилизационный код, духовные ценности которого отражаются в эпосе, обычаях, ремеслах и других формах культуры.

Единое культурное пространство славяно-тюркского мира представляет собой средоточие универсальных общечеловеческих ценностей и практик, «культурных смыслов» жизнедеятельности славянских и тюркских народов.

Общие этапы этнической истории тюркских и славянских народов, их этногенетическая связь и этнокультурные контакты сформировали сходные черты в материальной (орнаментальное убранство жилища и одежды, традиционные ремесла и промыслы, традиции верховой езды и средств передвижения, мясомолочная пища), духовной культуре (эпические традиции, религиозно-мифологическая картина мира, художественное наследие). Это привело к взаимному обогащению культур и языков, например, появлению в русском языке более полутора тысяч тюркизмов и фразеологизмов, тюркских языках — большой группы заимствованных русских слов. Толерантное отношение к традициям у славянских и тюркских народов стало основой культурной интеграции двух цивилизационных моделей — кочевой скотоводческой и оседлой земледельческой.

➤ **Сакрализация природных ландшафтов (степи, горы, реки).** Типологически единое сакрально-эстетическое отношение к явлениям культуры, входящих в сферу основных универсалий (сакрализация небесных тел — солнца, луны, звезд, одухотворение природного мира, дома, сакрализация очага и печи, всего комплекса традиционных обрядовых практик).

➤ **Общие подходы к правовому регулированию общественных отношений.** За годы тесного взаимодействия в России и странах Центральной Азии в сфере юриспруденции сформировался общий понятийный аппарат, методы и способы правовой регламентации, положения правовых доктрин.

➤ **Сакрализация образов и символов в практиках изобразительного и декоративно-прикладного искусства** как источник формирования национального художественного стиля.

➤ **Параллели и сходства в славянских и тюркских эпических произведениях** (идеализация воинских подвигов богатырей, сюжетные мотивы чудесного рождения героя, сватовства и женитьбы богатыря, а также добывания помощников, борьба ради освобождения народа от врагов⁸⁹) воплощают исторические представления народа, определяют грани национального характера и народного опыта.

➤ **Общие представления о стратификации жилища** (избы, юрты), которое выполняло утилитарные и сакральные функции упорядочения пространства, социальных и половых отношений, защиты и т.д.

➤ **Подходы к традиционным ценностям семьи.** Общие практики духовно-нравственного и хозяйственного-бытового воспитания для формирования основ национальной идентичности и гражданского единства.

➤ **Традиции уважения, почитание старшего поколения** не только в семейных, но и в социальных и политических отношениях, выполнение старшим поколением социально-регулятивных функций.

5. Алтай — территория этногенезиса тюркских народов.

В данном регионе сконцентрированы сотни памятников археологии, связанных со всеми этапами истории общности тюрков (вторая половина V — XI в. н.э.). Они представлены погребальными и поминальными объектами, наскальными изображениями, каменными изваяниями, предметами материальной и духовной культуры, образцами письменности.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о значительных перспективах дальнейшего комплексного изучения археологических памятников тюркского периода на Алтае. Актуальной представляется реализация программы междисциплинарного исследования, в том числе проведение серии гуманитарных и естественно-научных анализов антропологических и остеологических материалов из археологических комплексов.

---

⁸⁹ Кусаинов Д.У. Об историко-культурных основах народов Средней Азии и их влиянии на развитие монументально-декоративного искусства // Евразийский союз. 2021. № 6. С. 18.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ ПАНТЮРКИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА В КОНЦЕ XIX — НАЧ. XX ВЕКА

А.М. Джумагулов

Как отмечал Б.Т. Токтобаев, «с середины XIX-го века территория Кыргызстана оказалась в составе России на положении колонии, в связи с чем резко усилились процессы слома многовековых традиционных патриархальных отношений кыргызов и синтеза феодально-кочевых, религиозных и капиталистических общественных отношений, а также начала национально-освободительного и революционного движения»⁹⁰. Со второй половины XIX в. до революции 1917 г. на территории Кыргызстана действовали законы Российской империи в совокупности с адатным правом применительно к кыргызскому этносу, а после Октябрьской революции правовая политика формировалась в условиях становления и развития так называемой «социалистической» правовой системы Советского Союза. В настоящее время Кыргызская Республика является страной, в большей мере относящейся к романо-германской правовой системе, объединяющей правовые системы всех государств континентальной Европы и СНГ.

В октябре 1917 г. в результате революции рухнула Российская империя, на обломках которой была создана РСФСР. 2(15) ноября 1917 г. В.И. Лениным и И.В. Сталиным была подписана «Декларация прав народов России»⁹¹. В ней основными в национальном вопросе провозглашались следующие принципы: «1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»⁹². Как отмечалось в Дипломатическом словаре 1948 года, «хотя эта декларация непосредственно

---

⁹⁰ Токтобаев Б.Т. Историко-правовые и цивилизационные аспекты исследования генезиса кыргызско-китайских отношений до XIX-го века // Новая наука: проблемы и перспективы. 2015. № 4 (4). С. 222.

⁹¹ Декларация прав народов России 1917 года, 15 ноября (Вышинский, 1948). Документы 20-го века. URL: <http://doc20vek.ru/node/3505>.

⁹² Там же.

относилась к народам России, однако положенные в основу ее принципы сыграли решающую роль при определении путей советской внешней политики»⁹³.

Названная Декларация, вероятно, отразила политико-правовые концепции народного суверенитета, права народа на восстание и право народов на равенство с целью приобретения независимости, получившие ранее развитие в ходе Нидерландской, Английской и Американской революций и особенно Французской революции XVI–XVIII вв., претворивших в жизнь идеи просветителей о самоопределении народов как магистрального пути для всего человечества, а также обоснования и реализации так называемого «принципа национальности» в европейской политико-правовой мысли в XIX в.⁹⁴

Понятно, что Декларация прав народов России в начальный период создания советской государственности сыграла значительную роль и была с воодушевлением воспринята народами России. Так или иначе, но независимость обрели Финляндия, Польша, государства Прибалтики, образованы независимые от РСФСР Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская СФСР, созданы автономии татар, башкир, чувашей, немцев Поволжья и других народов. Позднее, осознав опасность потери контроля над огромными пространствами и ресурсами, большевистское руководство в корне изменило национально-территориальную политику. Нарком по делам национальностей (на тот момент) РСФСР И.В. Сталин считал, что окраины должны беспрекословно подчиняться Центру; «если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»⁹⁵.

В Средней Азии в начальный период формирования национально-территориальных государственных образований, полагаем, определенную роль играли идеология пантюркизма, возникшая наряду с панарабизмом, а также исламский фактор.

---

⁹³ Дипломатический словарь / гл. ред. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. М., 1948. URL: <http://doc20vek.ru/node/3505>.

⁹⁴ Мартыненко А.П. Права народов в современном международном праве. Киев: Наукова думка, 1993. 162 с.

⁹⁵ Чеботарева В.Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры. URL: <http://historystudies.org/2012/06/chebotareva-v-g-stalin-i-partijno-sovetskie-nacionalnye-kadry/#1>; <http://elibrary.ru/item.asp?id=11517516>.

Развитие концепции национальности как объективного права наций на самоопределение было характерно для арабской общественно-политической и политико-правовой мысли последней четверти XIX — начала XX столетий. В 1875 г. в Бейруте возникло первое известное в новое время арабское политическое общество, выражавшее национальные интересы арабов Османской империи и призывавшее к предоставлению независимости (в форме национальных автономий) Сирии и Ливану⁹⁶.

Вместе с тем идея национальности, истоком которой явилось движение арабов Османской империи за национальное освобождение и независимость, под воздействием принципов ислама постепенно трансформируется в концепцию арабского национализма, а впоследствии — в концепцию панисламизма. Наиболее существенные отличия концепции национальности от идеи арабского национализма заключались не только в различных источниках (в первом случае это идеи просветителей и идеологов национально-освободительных движений, а во втором — принципы шариата), но, главным образом, в противоположных целях этих теорий. Так, если принцип национальности означал право на самоопределение нации и образование суверенного государства, то идея арабского национализма, напротив, не признавала разделения мира на отдельные государства, стремясь все арабские страны объединить под эгидой шариата. С другой стороны, в идею арабского национализма включается (в отличие от принципа национальности) принцип равенства всех народов независимо от расовых, социальных, экономических и других признаков на том основании, что принцип равенства между людьми, группами, обществами и государствами заложен в шариате.

Помимо панарабизма на национальной идее базируется и пантюркизм, который предусматривал в качестве основы национальной политики необходимость объединения тюркоязычных народов в рамках единого государства при одновременной ликвидации в империи всех нацменьшинств.

Таким образом, концепции арабского и тюрского национализма второй половины XIX — начала XX в., базирующиеся на национальной идее, содержат характеристики, с одной стороны, объединяющие их с принципом национальности, а с другой — противоположные ему. Так, в принципе национальности, а также в указанных концепциях субъектом права на самоопределение являются

---

⁹⁶ История стран Азии и Африки в новое время. М.: Изд.-во МГУ, 1991. Ч. 2. С. 273.

не государства, а нации. Вместе с тем понятие нации в панарабизме и пантюркизме трактуется настолько широко, что реализация права на самостоятельную государственность была в то время трудно осуществимой, так как тенденции к объединению наций противостояла тенденция национального отделения⁹⁷.

Многие активные участники революции и представители формировавшейся в начале 1920-х гг. национальной советско-партийной номенклатуры в Средней Азии были знакомы с идеологией пантюркизма. Как отмечает российский исследователь И. Полонский, «формирование которой было положено в конце XIX-го века среди тюркских народов Российской империи. Этот процесс был связан с проникновением в традиционные исламские общества Поволжья, Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии европейских философских и политических идей, которые формировали у местной интеллигенции ориентацию не на религиозную, а на национальную идентичность»⁹⁸. Идеология пантюркизма тесно связана с понятием огромного пространства под «названием «Туран» к северу от Ирана и Кавказа до Саян, которое рассматривалось как прародина «туранских народностей», к которым причислялись все этносы урало-алтайской языковой семьи. При этом тюркский мир мыслился как ось «Турана», т.е. пантюркизм выступал как концентрированное выражение более широкого и более расплывчатого понятия «пантуранизм»⁹⁹. В 1883 г. «в России появилось первое печатное издание «Терджиман» («Переводчик»), издававшееся на русском и тюркском (на арабском шрифте) языках. Издание выпускал основной идеолог пантюркизма в Российской империи Исмаил Гаспринский (1851–1914) — крымско-татарский общественный деятель, сын российского офицера»¹⁰⁰. Как пишет И. Полонский, «И. Гаспринский считал, что Россия должна представлять собой христианско-исламскую державу, в составе которой тюрки-мусульмане имеют гораздо больше шансов развиваться. ... То есть, взгляды Гаспринского представляли собой своеобразный прототип евразийства. Гаспринский призывал Россию

---

⁹⁷ Саид Б.А. Абуфара. Право народа на самоопределение и практика его осуществления в современный период: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. Киев, 2004.

⁹⁸ Полонский И. Турция и пантюркизм на постсоветском пространстве. URL: <https://e-news.pro/in-world/print:page,1,87341-turciya-i-pantyurkizm-na-postsovetskom-prostranstve.html>.

⁹⁹ Эмиров Р.М. Этнонациональный фактор во взаимоотношениях Кавказа и стран Ближнего Востока // Власть. 2014. № 12. С. 207–212.

¹⁰⁰ Полонский И. Указ. соч.

и Турцию к взаимной дружбе, подчеркивая, что войны между двумя государствами идут им только во вред» и «способствуют укреплению позиций западных держав — Великобритании, Франции, Австро-Венгрии»¹⁰¹.

Идеи пантюркизма получили распространение в Средней Азии среди грамотного коренного населения благодаря татарским и башкирским просветителям, религиозным деятелям, педагогам и др.¹⁰²

Наряду с этим руководство Коммунистического Интернационала (Коминтерна) и партии большевиков (РКП(б)) в первые годы революции делали ставку на исламский фактор в целях победы в Гражданской войне, деколонизации и разжиганию так называемой «мировой революции». В январе 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей, который, как известно, возглавлял в тот период И.В. Сталин, был создан «Центральный мусульманский комиссариат (Муском)». Первоначально Муском именовался Комиссариат по делам мусульман Внутренней России.

В ноябре 1918 г. по решению 1-го Всероссийского съезда коммунистов-мусульман для координации работы мусульманских секций и бюро при местных комитетах РКП(б) было создано Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б) (на правах отдела ЦК РКП(б), также возглавляемое И. Сталиным, в состав которого входили секции — татарская, башкирская, киргизская, азербайджанская и др. Для ведения пропагандистской работы среди населения и красноармейцев-мусульман, проведения мобилизации в Красную Армию были образованы отделения по краевым национальным регионам — Поволжье, Кавказ, Туркестан.

При этом, как справедливо отмечает башкирский исследователь Г.Б. Фаизов, «Советская власть, возглавляемая Коммунистической партией, ... в результате кровопролитной гражданской войны, отдав жизни и многих рядовых мусульман, вышла победительницей и установила невиданную диктатуру государства не только над духовенством, но и над всеми верующими»¹⁰³.

Вероятно, определенную роль тогда сыграла и деятельность турецких панисламистов и пантюркистов, возглавляемых Энвер-пашой и оказавшихся в Средней Азии в результате Октябрьской революции и поражения Германской

---

¹⁰¹ Полонский И. Указ. соч.

¹⁰² Бадретдин С. Влияние татар на Кыргызстан в начале XX-го века. URL: <http://www.peoples.org.ru/tatar>.

¹⁰³ Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010.

и Османской империй в Первой мировой войне. Энвер-паша, бывший военный министр Османской империи, идеолог и практик пантюркизма и панисламизма, будучи одним из главных организаторов геноцида нетурецкого населения на территории Османской империи, после поражения Турции бежал в 1918 г. в Германию, где в 1919 г. встретился с командированным из Москвы членом ЦК РКП (б) Карлом Радеком. В результате этой встречи в начале 1920 г. Энвер прибыл со своими соратниками в Москву и работал в Обществе Единства Революции с Исламом¹⁰⁴. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин посчитал, что популярность идей пантюркизма Энвера поможет Советской власти в Туркестане в борьбе с басмачеством и противодействию англичанам. В 1921 г. он прибыл в Бухару «официально вместе с советскими представителями, где проводил сложную политику, представляя интересы Советской России, беседуя с членами правительства Бухарской Народной Советской Республики (БНСР), при этом наводя контакты с басмачами и бухарским эмиром. Он предложил советским властям себя в качестве советника по формированию национальных частей в составе РККА и взаимодействию с басмачами против эмира. После консультаций с местными властями Бухары и с правительством БНСР, он написал в Москву письмо с требованиями уважения независимости БНСР и вывода войск Красной Армии с территории Бухары»¹⁰⁵. Затем Энвер начал продвигать идею единого тюркского среднеазиатского мусульманского государства и вместо того, «чтобы склонить басмачей на сторону Красной Армии, объединил разрозненные отряды басмачей в единую армию и выступил против Советской власти»¹⁰⁶. В 1921–1922 гг. создал подпольный антисоветский Комитет национального объединения, координировал и возглавлял басмаческое движение в ряде регионов современных Таджикистана и Узбекистана, захватил Душанбе, бухарским эмиром был признан «главнокомандующим всеми басмаческими отрядами Бухары, Хивы и части Туркестана»¹⁰⁷. В августе 1922 г. был убит в бою против Красной Армии в Таджикистане. В период гражданской войны в Таджикистане 4 августа 1996 г. «прах Энвер-паши был торжественно передан президенту Турции Сулейману Демирелю таджикским полевым командиром Изатулло Хаёевым»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁴ Энвер-паша. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/44405>

¹⁰⁵ Вдовиченко Д.И. Энвер-паша // Вопросы истории. 1997. № 8.

¹⁰⁶ Энвер-паша. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/44405>

¹⁰⁷ Бухарская Народная Советская республика. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бухарская_народная_советская_республика.

¹⁰⁸ Энвер-паша. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/44405>

В это же время в ходе процессов образования Союза ССР происходят события, связанные с инициативой создания тюркского государственного образования со стороны М. Султан-Галиева, в 1919–1921 гг. председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б), члена Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, основателя и руководителя Российской мусульманской коммунистической партии. М. Султан-Галиев вступил в спор с И. Сталиным по принципиальным вопросам советского национально-государственного строительства, что в дальнейшем привело его к гибели и фабрикации уголовных дел в отношении тюркоязычных революционных деятелей по обвинению в так называемой «султангалиевщине» и попытках создания «контрреволюционной» пантюркистской организации. Полагаем, что многие инициативы и идеи М. Султан-Галиева поддерживались и были восприняты в той или иной форме и будущей государственно-партийной элитой в Туркестане, в том числе и основателями кыргызской государственности (Ж. Абдрахманов, И. Айдарбеков, А. Сыдыков и др.).

В.Г. Чеботарёва отмечала: «ЦК РКП(б) отклонил проект создания независимой от РСФСР Тюркской республики, однако взгляды Султан-Галиева и Рыскулова в республиках с мусульманским населением разделяли многие. Дальнейшее усиление централизации в управлении союзным государством, нежелание высшего руководства считаться с историческими и религиозными традициями народов бывших колониальных окраин, вызывали в автономиях недовольство в среде не только национальной интеллигенции, но и партийно-советской номенклатуры»¹⁰⁹.

К примеру, летом 1931 г. во Фрунзе небольшой группой нарождающейся национальной интеллигенции и партийных деятелей «была основана альтернативная коммунистическим партструктурам неофициальная организация под названием «Социалистическая Туранская партия»¹¹⁰. Главной причиной, побудившей к созданию партии, послужило недовольство ее основателей фактической реализацией социалистического строительства в Кыргызстане: перегибами в проведении аграрной коллективизации, неграмотностью в решении вопросов национальной политики. Идеологическая база организации представляла собой

---

¹⁰⁹ Чеботарева В.Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры. URL: <http://historystudies.org/2012/06/chebotareva-v-g-stalin-i-partijno-sovetskie-nacionalnye-kadry/#1>; <http://elibrary.ru/item.asp?id=11517516>.

¹¹⁰ Плоских С.В. Сыдыков: героическая и трагическая судьба переводчика периода восстания 1916 г. // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 10. С. 206–207.

синтез марксистско-ленинского учения и идей пантюркистского движения Алаш-орда, существовавшего в первые годы после распада Российской империи и ставившего целью создание «Туранского государства» на территории Средней Азии. В конечной перспективе планировалось создание единого тюркского государства на социалистических началах. Спустя год, в мае 1933 г. все участники СТП были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности. В целом же обвинения носили фиктивный характер, иначе исход судебного процесса не был бы сравнительно мягким: из 23 человек, проходивших по делу Социал-Туранской партии, один был приговорен к расстрелу, один освобожден, остальным дали различные сроки лагерного заключения от 3 до 10 лет. Так, не успев проявить себя какими-либо практическими акциями, Социалистическая Туранская партия прекратила свое существование¹¹¹. Однако впоследствии, в годы так называемой «активной фазы» репрессий, по обвинениям в принадлежности к Социал-Туранской партии и связям с руководством вымышленного «пантюркистского центра», репрессиям подверглись многие тысячи коммунистов и беспартийных, расстреляны А. Сыдыков, Ж. Абдрахманов, Б. Исакеев, Х. Джиенбаев, Т. Айтматов и др.¹¹²

Подводя итоги, отметим, что становление государственности в Кыргызстане в первые годы Советской власти в виде автономий в составе РСФСР явилось результатом борьбы самых разных теорий и доктрин, идеологий и мнений и отражает весь накал политических страстей, сопровождавших революционные потрясения на огромной территории планеты. И даже если создателям кыргызской государственности не удалось реализовать свои замыслы в полной мере, что в те времена априори было невозможно, нельзя отрицать их величайшего и неопенимого вклада в создание и становление Кыргызской Республики как независимого и суверенного государства.

---

¹¹¹ Плоских С.В. Репрессированная культура Кыргызстана (малоизученные страницы истории). Бишкек: Илим, 2002. С. 189–205.

¹¹² Протокол № 11 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг., с приложениями 29.05.1990. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org>.

ТИТУЛАТУРА И СОСЛОВНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ, ТОПОНИМИКЕ, АНТРОПОНИМИКЕ, ЛЕКСИКЕ И ФОЛЬКЛОРУ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ — ТАТАРСКОГО, ЧУВАШСКОГО, МАРИЙСКОГО И УДМУРТСКОГО

П.В. Желтов

Введение. Несмотря на то, что государственное устройство Казанского «ханства» следовало в целом золотоордынскому, имелаась и региональная специфика в области названий низших сословий, различных видов повинностей и налогов, ряда социальных институтов.

Это было обусловлено наличием у местного населения древних административных традиций, восходящих к булгарской и золотоордынской эпохе. Во время золотоордынской эпохи на территории Волго-Камской Булгарии наблюдался синтез культуры собственно булгарской и пришлой, привнесенной несшими службу в пользу Чингизидов образованными мусульманами главным образом среднеазиатского происхождения, говорившими на хорезмийско-тюркском (огузском), карлукском и кыпчакском языках.

Несмотря на большое количество научной литературы, в которой представлены исследования по истории Казанского ханства, до сих пор нет более или менее четко реконструированной культурной лексики этого периода в языках народов Поволжья. Дело в том, что все данные о Казанском, Касимовском и Крымском ханствах дошли до нас по письменным татарским источникам, написанным на старотатарском языке высокого стиля, в котором для обозначения титулатуры и наименований различных должностей и сословий использовались османско-тюрецкие, арабо-персидские слова и в меньшей степени собственно кыпчакская лексика. Все это связано с крайней стилистической (они написаны языком высокого стиля) и жанровой их ограниченностью — письменно-деловые документы. Однако простой народ не говорил высоким языком придворной знати. Единичные народные татарские и чувашские наименования должностных лиц и сосло-

вий, представленные в основном только русскими летописями, а также писцовыми книгами, относящимися уже к эпохе русского владычества и отстоящими от той эпохи на как минимум на 100 лет (например, *абыз/обуз, осламчеи 'купцы'*), отличаются от письменных (*хафиз, кубчин*). Нет собственно казанских источников, равно как и крымских или османско-турецких, которые бы освещали мирную жизнь на территории ханства, притом написанных народным языком и в литературно-историческом, а не письменно-деловом жанре. Единственный надежный татарский источник того времени, который мы имеем — это найденная в Турции татарским ученым З.В. Тоганом *Зафер-наме-и вилайет-и Казан* «Книга победы Казанской области», написанная Шерифом Хаджи-Тархани — очевидцем одного из штурмов Казани русскими войсками в феврале 1550 г. Однако несмотря на ряд ценных исторических данных об административном управлении, имен должностных и других лиц, в составе которых выделяется единичная культурная лексика (*бей/би* в составе имени Бейбарс-бик/Бибарс-бик в составе имени, которая говорит о крымско-татарском — *бей-*, а не *бай-*, и скорее, всего ногайском *-бик* происхождении), как составная часть имен участников обороны города, которые имеют подтверждение в русских источниках, — это все же сочинение высокого литературного стиля. Другой литературный источник — русское литературное произведение «Казанская история», хотя и использует адаптированные к народному русскому языку татарские имена, изобилует больше вымыслами и мифологизированным описанием жизни титулованных особ, а не описанием жизни народа, причем содержит слова из лексики казанско-татарского языка того времени, относящиеся больше к мифотворчеству (например, *чурила* ~ совр. тат. *шурэ* 'леший')¹¹³.

Целью данной работы является сравнительно-историческая реконструкция титулатуры и социальных терминов в народном татарском языке того времени и уточнение их функций и правового статуса.

---

¹¹³ Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 44, 48.

Письменно-старотатарская лексика взята целиком из исследования Ф.М. Хисамовой¹¹⁴ и единично из работы А.П. Григорьева¹¹⁵, татарская диалектная — из Большого диалектологического словаря¹¹⁶, а современная татарская литературная лексика — из Татарско-русского словаря¹¹⁷, чувашская лексика, антропонимика и топонимика заимствованы из Словаря чувашского языка, составленного Н.И. Ашмариним¹¹⁸, марийская — из соответствующих словарей горного¹¹⁹ и лугового диалектов и литературного марийского языка¹²⁰, а удмуртская — из исследования И.В. Тараканова¹²¹. Реконструированные формы или значения, которые не фиксируются в словарях, отмечены знаком ‘*’.

Реконструируемая структура административно-политической системы Казанского ханства.

1. Царь — письм.-старотат. *padišah* ‘падишах’, ‘государь’. В ярлыках и грамотах крымских ханов и в дипломатической переписке с русскими царями именовался письм.-старотат. титулом *uluğpadišah* ‘Великий государь’. К именам золотоордынских владетелей, крымских и казанских царей добавлялся титул *хан* ‘хан’, означавший, что его обладатель принадлежит к роду Чингис-хана по мужской линии — по установившейся со времен Монгольской империи традиции только такие люди могли претендовать на верховную власть или управление какой-либо областью (улусом) на территории империи. В просторечье, видимо, была употребительна более краткая форма — народно-тат. *патша*, сравните — современное лит.-тат. *патша*, чув. *патша* (из золотоордыно-кыпчакского или казанско-татарского языка времен Казанского царства). В чувашском также

¹¹⁴ Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI–XVII вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. 152 с.

¹¹⁵ Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 10 (Ученые записки ЛГУ, № 414, Серия востоковедческих наук, Вып. 26). Ленинград: ЛГУ, 1984. С. 122–142.

¹¹⁶ Большой диалектологический словарь татарского языка = Татар теленең зур диалектологик сүзлеге: ок. 40 000 единиц / сост. Ф.С. Баязитова и др. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 839 с. На тат. яз.

¹¹⁷ Татарча-русча сүзлек [=Татарско-русский словарь] / под ред. Ф.А. Ганиева. Казань: Татарское книжное издательство, 1988. 431 с.

¹¹⁸ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары: Изд-во Народного Комиссариата по Просвещению ЧАССР, 1928–1950. Вып. I–XVII.

¹¹⁹ Саваткова А.А. Словарь горного наречия марийского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2008. 404 с.; Марийско-русский словарь / А.А. Асылбаев; В.М. Васильев; П.Б. Рыбакова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: ГИИНС. 1956. 863 с.

¹²⁰ Марийско-русский словарь / А.А. Асылбаев; В.М. Васильев; П.Б. Рыбакова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: ГИИНС. 1956. 863 с.

¹²¹ Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1983.

было употребительно чув. *ёмнү* (собственно чувашская форма — от чув. *ём* ~ тюрк. *in* ‘наивысший’ и чув. *нү* ‘господин’, ‘князь’, т.е. военный лидер и глава союза племен ~ тюрк. *bäk*, ‘бек’ (среднеазиатский ареал) / *bäy* ‘бей’ (османско-турецкое слово) / *biy* ‘бий’ (ногайская, из османско-турецкого) / *bi* (поволжско-татарская письменная и в составе антропонимов) / *bik* (поволжско-татарская письменная и в составе антропонимов). Также в ярлыках крымских ханов отмечена письменная форма *auluğ han*, просторечная — тат. *хан*, чув. *хон/хун*, удмурт. *кун* ‘государство’¹²² из чувашского *хун*.

2. Царская семья и родственники по мужской линии — письм.-старотат. *bäk* ‘бек’ / *bäy* ‘бей’ / *biy* ‘бий’ / *bi/bik*, т.е. князья, братья (младшие *änä-bik*) и дяди царя/хана (*ata-bik*, *ağa-bik*), сыновья — наследники (письменная форма *sultan-uğlan* из османско-турецкого *sultanoğlan* ‘султан-сын’, просторечные татарские формы — *xan-bik, *sultan-bik, тат. *Сёлтанбик* (ТатАнтр), тат. *ханбик* в составе татарского мужского личного имени *Ханбик/Хамбик*, чув. **хон/хун ывӓлӓ* и племянники (письменная форма — *mirza*, просторечные — *mirza/mörza*, тат. *мөрза*, чув. *мӓрса*).

Царица — письменная форма — *sultanbikä* /, просторечная — *xanbikä, прочие законные жены и родственницы по мужской и женской линии — *bikä*, царевны — *bikäç* (как письменные, так и просторечные формы). Тат. *бикә*, чув. *пике* ‘госпожа’, ‘барыня’, тат. *бикәч*. чув.. *пикеç* ‘невеста’, ‘барышня’. Чув. *хун хёрӓ* фольклорное наименование

3. Воины ханской гвардии — письм.-старотат. *nükär*, тат. *нүкәр*, чув. *нӓкер* ‘дружка жениха на свадьбе’. Делились на внутренних — *içki* и внешних *daşqi*. Первые охраняли дворцовые покои и лично хана, вторые царский дворец и крепость.

Подчинялись непосредственно хану или хану через своего начальника. Могли по повелению хана задержать и казнить любого человека, включая члена царской семьи. Их боялись и избегали. Они в силу своих полномочий больше всех чинили произвол, так как сопротивление им было государственным преступлением, поскольку расценивалось как неповиновение самому хану, а чтобы обжаловать их действия, нужно было иметь доступ к хану или к их начальнику. Естественно, это могли сделать только представители высшей аристократии.

¹²² Тараканов И.В. Указ. соч.

Низшие и средние военные и административные чины, а также духовенство этого сделать практически не могло.

4. Царский совет — письм.-старотат. *diwan* ‘диван’ (из османско-тур. *divan* ← арабск., семитский корень *dwn/dyn* со значением ‘суд’, слово возможно проникло в османско-тур. через персидск.), письменное лит.-тат. *diwan*, просторечное тат. *дыван / *кӧрылтай, чув. тӓвӓм¹²³.

5. Визирь — письм.-старотат. *wāzir/ uluğ qaraça*. Просторечное — *waзыр/ӧлы карача/ ӧлы карачы*, чув. *карач* (в составе антропонимов и топонимов). Титул карача/карачи также носили члены дивана/курултая.

6. Царские соглядатай(?) — письм.-старотат. *qaraqçı* (от монг. *xarax* ‘глаз’ + тюрк. аффикс деятеля). Упоминаются в Крымском Ярлыке Улуг-Мухаммеда на имя Тугла бая и его брата Хызра¹²⁴. Эти люди были при всех более или менее важных административных единицах. Их задача — следить за исполнением указов царя и доносить ему о всех противозаконных или антигосударственных поступках чиновников или служилых людей. Им можно было подать индивидуальные или коллективные челобитные и жалобы на имя царя. Часто их путают с карача/карачи.

7. Царский приказ — письм.-старотат. *biuırıq*. Тат. *бӧйрык, бӧйрук* (от тат. *бӧйры-* ~ тюрк. *biuru-* ‘присуждать’, ‘назначать’, ‘определять’. В чувашском вроде бы не зафиксирован, хотя имеется глагол *нӱр-* ‘присуждать’, сходный с тюрк. глаголом *biuru-* и топоним *Пӱрмек*¹²⁵ как название поля (буквально ‘Приказное’?).

8. Посольский приказ — письм.-старотат. *älci/ilçibiuırıqı*. Руководитель — *uluğ ilçi* ‘великий посол’. Тат. *илче*, чув. *элчӗ* ‘посол’.

9. Правители областей-губерний — письм.-старотат. *daruğa* или *daruğaçı* ‘губернатор’. В народно-разговорном татарском языке это слово не представлено и не реконструируется ни из антропонимов, ни из топонимов. В чувашском ему соответствует собственный чувашский термин болгарской эпохи

¹²³ Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. Казань, 1921. Т. 2. С. 93–128.

¹²⁴ Григорьев А.П. Указ. соч. С. 122–142.

¹²⁵ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары: Изд-во Народного Комиссариата по Просвещению ЧАССР, 1928-1950. Т. X. С. 85.

*tǎrǎx*¹²⁶, который в современном чувашском употребляется как послелог в значении ‘вдоль’, и как существительное в значении ‘протяженность’, ‘длина’, ‘местность’, ‘область’, ‘округа’.

10. Правители волостей, т.е. более мелких территориальных подразделений типа районов в составе областей — письм.-старотат. *ilik/ilikçi*, чув. топоним *Элĕк* ‘село Аликово’, вряд ли сюда относится, так как заселение Аликовского района чувашами достаточно позднее.

11. Владетельные правители или феодалы — письм.-старотат. *bilämçi* ‘вотчинник’ (от глагол *bile* — ‘владеть’ ~ чув. *Пиле* — ‘владеть’¹²⁷, чув. *Пилемĕч* в составе названия чув. селения Вĕрамн Пилемĕч Вурман-Пилемчи (‘Лесные Пилемчи’) Марпосадского района Чувашской Республики¹²⁸. То есть те, кто не только управлял, но и владел, или просто владел землей.

12. Служилое сословие — военные и чиновники младшего ранга.

1. Чиновники.

Судьи адатные — письм.-старотат. *türä*, тат. *төрә*, чув. *тӱре*. Приставы при адатных судьях — *çaviş* — термин достаточно поздний, османско-турецкий, проник при Гиреях, но отоложился в мар. сявуш.

Руководители сбором налогов — письм.-старотат. *basqaq*. Не фиксируется в лексике и фольклоре языков народов Поволжья.

Сборщики налогов — письм.-старотат. *albançi*. Имеется в составе названий чув. деревень — *Алманчĕ*.

Судьи шариатные — письм.-старотат. *şarağatqadısı/qazısı* или в просторечье — **şara*, сравните чув. *шара* в составе парного слова *тӱре-шара*, обозначающего чиновников вообще уже в XIX веке¹²⁹.

Дьяки-писцы при этих судьях — письм.-старотат. *xafiz/abız*, тат. *абыз*, чув. *анӑс* [1]. Они же чтецы Корана и отправители богослужебных церемоний.

В просторечье все низшие чины служилого сословия и все младшие чины воинского, кроме хафизов, которые относились и к духовенству, назывались *albut*

¹²⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары: Изд-во Народного Комиссариата по Просвещению ЧАССР, 1928-1950. Т. X. С. 85.

¹²⁷ Там же. С. 209.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары: Изд-во Народного Комиссариата по Просвещению ЧАССР, 1928-1950. Вып. I–XVII.

~ тат. *албут*, чув. *олпут/улпут* ‘помещик’, удм. *алпаут*¹³⁰. Они «испомещались на кормление» на общинных землях низшего сословия — ясачных людей — крестьян или рядом, и те должны были исполнять ряд повинностей в их пользу — подати натурой, т.е. продуктами питания, и работы по очереди на предоставленных им землях и по уходу за их скотом. Они землей и крестьянами не владели, а были временными пользователями земли. Землей и людьми могли владеть только люди царской крови. Таких из них, кто состоял на военной или административной службе называли *уõmişli mirza* ‘служилые мурзы’.

В то же время земли на кормление могли передаваться по наследству, так же как и должности.

2. Военное сословие.

Глава ханского войска — письм.-старотат. *subaşı/çärigbaşlıǵı*, чув. *çар пуслăхĕ, *çар пуçĕ* — последнее реконструируется из чувашского заимствования марийского языка — мар. *шарвоч* ‘распорядитель на свадьбе’.

Начальник тьмы — письм.-старотат. *tümenbaşı*, чув. *тёмнек*¹³¹.

Начальник тысячи — письм.-старотат. *biñbaşı*, чув. *пиннĕ*, чув. *пин пуçĕ*¹³².

Начальник сотни — письм.-старотат. *yüzbaşı*, чув. *çĕрпĕ* в составе топонима *Çĕрпĕ* ‘Сотниково’ — старинное название современного города Цивильска¹³³.

Десятник — *он/unbaşı*, чув. **вунпĕ/вонпĕ* в составе топонима/ойконима *Вонпу-касси*, что буквально означает ‘деревня десятника’.

Простые воины — письм.-старотат. *ğaskär*, тат. *әскәр* ‘рядовой воин’, чув. *эшкәр* ‘группа людей’, чув. *çарçă* → марЛ. *сарзе* ‘воин’, чув. *çар халăхĕ* ‘войсковой народ’, чув. *çар* ‘войско’, ‘армия’ → мар. *сар* ‘война’.

М.Г. Худяков, скорее всего, ошибочно считал, что рядовые воины назывались в Казанском ханстве казаками, удм. *казак* обозначает работника и означает ‘батрак’¹³⁴, чув. *хусах* ‘неженатый мужчина’, ‘холостяк’. Это были, видимо, *были* русских писцовых книг и ревизских сказок. Они обозначали, скорее всего, беглых людей, обращенных в батраков — домашних или военных рабов, кото-

¹³⁰ Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1983.

¹³¹ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары: Изд-во Народного Комиссариата по Просвещению ЧАССР, 1928-1950. Вып. I–XVII.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Тараканов И.В. Указ. соч.

рые, однако, могли иметь собственную землю и имущество при желании хозяина. Это слово в таком же значении есть в балкарском языке¹³⁵. Там же смотрите описание феодального строя Карачая и Балкарии, где раскрывается значение этого слова, которое схоже с таковым у черкесов и адыгейцев, так как все эти народы входили в состав Крымского ханства. Там же и описывается сословие казаков как домашних или дворовых рабов.

Представители местного населения (чуваши, марийцы, удмурты, мордва) занимали, как правило, только низшие военные должности — они могли быть тысячниками, сотниками и десятниками, а на практике — только сотниками и десятниками (об этом свидетельствует топонимика) — чув. *Вомпу-касси, Џёрну*. То же и об административных должностях.

Однако у чуваш в антропонимиконе в составе фольклора, а также и в топонимике сохранилось слово *тӑрӑн* ‘турун’, *Пӑла-Ҫи-Тӑрӑн* ‘Туруново’ (дословно ‘Туруново на Буле’). В «Казанском летописце» упомянуты болгарские князья (т.е. туруны), владеющие поганым языком (т.е. народом) черемисским (читай «чувашским»).

Воинское сословие было освобождено от налогов и сборов в силу естественных причин, так как они занимались сельским хозяйством в ограниченном масштабе или же вообще не занимались, а кормились за счет ясачного сословия.

3. Духовное сословие стоит несколько особняком, т.е. самостоятельно, поскольку оно обслуживало духовные нужды людей всех сословий и брало за это либо деньгами, либо натурой. Однако в целом его можно рассматривать и как часть чиновничьего сословия, так как духовные лица исполняли, как правило, в силу своей грамотности и административные обязанности — перепись населения, учет налогов и сборов. Были освобождены от налогов и сборов, а также от военных обязанностей. В составе чувашских мужских имен сохранился компонент *мулла*, так же обозначался у некоторых групп чувашей языческий жрец, и *ших* ‘*шейх*’¹³⁶, а также *мӑчавӑр* ‘хранитель и распорядитель при киремети’. У удмуртов зафиксировано слово *ишан*. В современном татарском, кроме *абы-*

---

¹³⁵ Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору / под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик, 1962. С. 159–160.

¹³⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка / Н.И. Ашмарин. – Казань – Чебоксары: Изд-во Народного Комиссариата по Просвещению ЧАССР, 1928-1950. – Вып. I-XVII.

зов, все титулы представлены уже в письменных формах. В марийском мусульманская титулатура, кроме антропонимов, вообще не зафиксирована и даже в последних представлена слабо.

13. Тарханы — письм.-старотат. *tarхан*, чув. *торхан/турхан*. Лица, освобожденные от налогов и сборов и от воинских обязанностей(?), имевшие тарханские грамоты, в силу заслуг их родителей или предков составляли особое сословие и назывались тарханами.

Следует отметить, что помимо лиц, называвшимися тарханами, имелись и тарханские деревни, т.е. селения, освобожденные от большинства повинностей и налогов. Те из селений, которые существуют и сейчас и их можно вычислить по топонимике, имеют в своем названии компонент *Тархан* ~ чув. *Турхан*, т.е. именуется по-русски и по-чувашски какими-либо *Тарханами*. О последних до этого почему-то никто не писал. Большая их часть в настоящее время находится на территории правобережья Волги и в основном на территории Чувашии, проживают в них чувашаи. Несколько русских деревень с такими названиями есть в Ульяновской области. Этот титул в настоящее время является фамилией многих чувашей, в большинстве своем низовых.

14. Ясачное сословие — крестьянство — *sabançı* ~ тат. *сабанчы*, чув. *сухаçă*, ремесленники — тат. *ăста*, чув. *ăста*, торговцы — рус. *осламчеи* (в писцовых книгах), тат. *астламчы*, чув. *усламçă/осламçă*. Обобщенно назывались по-татарски *кара калык*, чув. *хура халăх* ‘чернь’, ‘простой народ’.

Облагались всеми видами налогов, повинностей, податей и сборов, в зависимости от рода занятий, а также были военнообязанными. Жили общинами или семьями. Налоги, подати, сборы и военное рекрутирование осуществлялись с общины или с семьи, если последняя жила обособленно, например, на новых землях, т.е. ее представители были переселенцами. Имели самоуправление — управлялись старейшинами — *qart*¹³⁷. В чувашском в качестве самостоятельного слова не представлено (имеется лишь в составе топонимов), тат. *карт* ‘старик’, в мар. *карт* — ‘жрец’, в чув. *старик* — позднее русское заимствование, собств. чув. *ватă*.

---

¹³⁷ Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение: филологические исследования, Вып. 10. (Ученые записки ЛГУ, № 414, Серия востоковедческих наук, Вып. 26). Ленинград: ЛГУ. 1984. С 122-142.

15. Казаки и рабы — *qazaq* и *qul*. Так, удм. *казак* обозначает работника и означает ‘батрак’¹³⁸, чув. *хусах* ‘неженатый мужчина’, ‘холостяк’. Это были, видимо, *бобыли* русских писцовых книг и ревизских сказок. Они обозначали, скорее всего, беглых людей, обращенных в бесправных батраков — домашних или военных рабов, которые, однако, могли иметь собственную землю и имущество при желании хозяина. Это слово в таком же значении есть в балкарском языке¹³⁹. В тат. *кӧл* (более устаревший вариант *кул-чура/кӧл-чура*). В чувашском ‘раб’ — *чура*.

В отличие от обычных батраков, которые были свободными, но обедневшими людьми — удм. *кызматчи* и наемных работников — удм. *л’ал’чы*, тат. *йалчы*, казаки и рабы были бесправны.

Выводы. Наиболее полно культурная лексика, относящаяся к рассматриваемым слоям, сохранилась в народном языке — в пословицах и поговорках, религиозных представлениях, топонимике, антропонимике и лексике даже не у казанских татар, а у чувашей и только отчасти — у марийцев и удмуртов. Это говорит о том, что чувашаи (как левобережные, казанские, заказанские и арские), так и правобережные, активно участвовали во всех сферах жизни Казанского ханства и подвергались воздействию его структур, а следовательно, составляли большинство населения. При этом письменным татарским формам с ярлыков и грамот, представленным в большинстве своем в этих источниках письменными османскими формами (с персидского и арабского без адаптации к фонетике тюркских языков), соответствуют в чувашском языке народные адаптированные формы, имеющие либо кыпчакское и даже монгольское происхождение, т.е. восходящие ко времени Золотой Орды, либо пусть и в незначительном количестве (*ёмпӱ, сарпусӗ, тинпӱ, сар, сар халӑхӗ, хура халӑх, сӗрпӱ, вунпӱ, тӑрӑн, йӑрӑн*), собственно чувашские соответствия домонгольской эпохи, восходящие к Булгарскому государству. Однако также возможно, что и у татар Казанского ханства в просторечье употреблялись слова, сходные с кыпчакскими формами чувашской административной лексики, просто они не сохранились до наших дней в том количестве, что у чуваш. В пользу этого говорит частичная сохранность подобной лексики как в составе языка, так и в составе антропонимов и фамилий

¹³⁸ Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1983.

¹³⁹ Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору/ под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик, 1962. С. 159–160.

у крымских, астраханских, сибирских, казанских, каринских и глазовских, так называемых «нукратских» татар, и мишарей (типа *патша*, *хан*, *карачы*, *мырза/мёрза*, *абыз*, *албут*, *нәзірчі*, *чапкын*, *чапар* и некоторых других), и наличие подобной лексики у казахов, каракалпаков, ногайцев и отчасти киргизов, а также сибирских татар, в том числе и в составе антропонимов и фамилий. Следует отметить, что антропонимы у крымских, поволжских и сибирских татар сильно изменились в XIX в., после того как они перешли от традиционного ислама к обновленному, под действием джадидистов. Также джадидисты сформировали современный татарский литературный язык, обогатив его письменными формами культурной лексики, почерпнутой из османско-турецкого и чагатайского, в то время как народно-разговорные соответствия либо были утрачены, либо сохранились в лексике периферийных говоров в составе свадебной терминологии и фольклора.

Список сокращений

письм.-старотат. — старотатарский письменный;
чув. — чувашский;
мар. — марийский;
марЛ. — марийский луговой;
османско-тур. — османско-турецкий;
араб. — арабский;
удм. — удмуртский;
тат. — татарский;
лит.-тат. — современный литературный татарский;
собств. — собственное слово;
рус. — русский.

Условные обозначения

‘→’ — направление заимствования слова;
‘←’ — направление заимствования слова;
‘*’ — реконструкция слова или значения.

ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ ХИСАМА КЯТИБА

Ю.А. Зеленин

Политико-правовая мысль Золотой Орды является наименее исследованной частью культурного наследия одной из крупнейших империй средневековой Евразии. Веская причина этого, в том числе, — ничтожное количество источников золотоордынской политико-правовой мысли.

Как отмечает известный литературовед и один из немногих исследователей собственно политико-правовой мысли Золотой орды Х.Ю. Миннегулов, «лишь немногие письменные памятники, относящиеся непосредственно к Золотой Орде, известны современной публике; остальные или уничтожены, или до сих пор не обнаружены»¹⁴⁰. К сожалению, для исследователей политических и правовых учений большая часть из дошедших до наших времен письменных памятников представляет собой не политические трактаты, а художественные произведения. Среди этих памятников золотоордынской литературы с точки зрения своего политико-правового содержания огромный интерес представляет поэма Хисама Кятиба «Дастан и Джумджума султан». О личности и жизни Хисама Кятиба (есть и другие версии написания его имени: Хусам Катиб, Хоссам Катыйб и др.) мало что известно и единственным достоверным источником информации является его собственная поэма. Предполагается, что он жил в середине и во второй половине XIV в. в Поволжье и, возможно, конец жизни провел в Мамлюкском Египте¹⁴¹.

Ряд авторов отмечают просветительскую и гуманистическую направленность произведения Хисама Кятиба: «Просветитель как честный и прямой человек выступает против лицемерия, феодальной морали. Принцип «человек для государства» пересматривается и заменяется новым — «государство для человека». Государство представляется как единство свободных и равноправных

---

¹⁴⁰ Миннегулов Х.Ю. Идея государственности в тюрко-татарской литературе VII–XVI вв.: монография. Казань: ЯЗ, 2016. С. 41.

¹⁴¹ Там же. С. 51.

граждан. Такое общество развивается и расцветает быстро»¹⁴². Данная оценка, на наш взгляд, является довольно категоричной и нуждается в определенной корректировке.

По мнению А.И. Исламовой, Хисам Кятиб «с глубокой ненавистью судит правящие слои феодального общества; с помощью картин мук в аду показывает их истинное лицо. Изображая мирскую жизнь через картины ада, автор хочет повлиять на управляющих ханов, султанов, различных государственных служащих; хочет напугать их мучениями в аду»¹⁴³.

Другие авторы больше склоняются к тому, что поэма Хисама Кятиба проникнута идеологией суфизма. Так, по мнению Х.Ю. Миннегулова, она выражается в основной идее поэмы: «Человеческая жизнь коротка, преходяща, поэтому не следует обольщаться венцом, богатством, земными удовольствиями, необходимо постоянно думать о Боге, потустороннем мире, готовить себя к смерти»¹⁴⁴. Он подчеркивает, что даже поэтические фигуры, используемые в поэме, подчинены идее суфизма. Так, в первой части поэмы при перечислении пророков, героев и правителей, многие строки начинаются словом «кани», т.е. где? («Кани ул Адәм? Кани Нух вә Хәлил» «Кани Чингиз?»). Эти повторяющиеся слова-анафоры, по его мнению, усиливают фатализм и обреченность людей. Судьба главного героя: «Вы думаете, что после воскрешения Джумджума будет претендовать на престол, на богатство? Нет! Он встал на праведный путь, в течение 70 лет жил в пещере, молился; умер мусульманином. Исполнив свой долг, он оставил на свете свое «доброе имя»¹⁴⁵. Еще одним доказательством суфийской направленности поэмы является отсутствие традиционного для средневекового сочинения восхваления какого-либо правителя, так как все власть имущие тоже являются рабами божьими, как и все остальные люди.

---

¹⁴² Маликов Р.Ш., Гарипова А.Н. Гуманистическая педагогическая мысль средневекового просветителя золотой Орды Хисама Кятиба // Новые технологии. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanisticheskaya-pedagogicheskaya-mysl-srednevekovogo-prosvetitelya-zolotoy-ordy-hisama-kyatiba>

¹⁴³ Исламова А.И. Исследование языка тюрко-татарского памятника XIV века «Дастан-и Джумджума Султан» Хисама Кятиба: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.06. Казань, 1998. С. 5.

¹⁴⁴ Миннегулов Х.Ю. Указ. соч. С. 53.

¹⁴⁵ Там же.

Он считает, что зафиксированная в поэме Хисама Кятиба пословица «Что посеешь — то и пожнешь» выражает общую идейную направленность произведения золотоордынского поэта. За свои поступки каждый человек в ответе: добро оплачивается добром, зло — наказанием. Например, в аду, описанном Хисамом Кятибом, «высокомерных», «гордых» вешали за ноги, у судей, выносивших ложный приговор, отрезали языки. Характерно то, что султанов, правителей бросали в самый страшный огонь ада. Они говорят: «Если бы знали мы это, то довольствовались бы бедностью»¹⁴⁶.

Преобладающим критерием оценки поступков людей для Хисама Кятиба, по-видимому, является принцип талиона. Хотя идея милосердия (любви) и «золотого правила морали» здесь тоже в определенной мере прослеживается. Не случайно вторым главным героем помимо царя-черепа является пророк Иса. Мораль поэмы созвучна таким евангельским изречениям как «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк.6:20), «и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24), «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 20:16), «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 20:16). Соотношение христианства и суфизма — это отдельная и сложная проблема, но что характерно, в дастане Хисама Кятиба именно нерадивые правители, первенствующие в земной жизни своим могуществом и богатством, оказываются в аду на самой его низкой ступени. Возможно, что это прямая отсылка к уже упоминавшемуся евангельскому изречению «многие же будут первые последними...». Следует отметить, что для других — как исламских, так и христианских описаний ада — это не свойственно. Согласно Корану, лицемеры заслуживают самого мучительного наказания, и поэтому они попадут на самую низкую ступень в Аду¹⁴⁷. У Данте Алигьери, например, в последнем девятом кругу ада находятся разного рода предатели.

Таким образом, применительно к проблеме идентификации политико-правовых взглядов Хисама Кятиба можно выделить две основные позиции. Одни авторы делают акцент на социально-политическом аспекте поэмы и выделяют в нем антифеодальное, гуманистическое, просветительское, демократическое

¹⁴⁶ Миннегулов Х.Ю. Указ. соч. С. 54.

¹⁴⁷ Аль-Ашкар У.С. Рай и Ад (ал-Джанна ва-н-нар) / пер. с арабского, вступ. слово и прим. Э.Р. Кулиева. М.: Фонд «ВАКФ», 2007. С. 40.

и пр. содержание. Большинство авторов обращают внимание на религиозное содержание поэмы и считают Хисама Кятиба сторонником суфийской идеологии. Вторая позиция, на наш взгляд, является более предпочтительной. Поэма имеет ярко выраженное политико-правовое содержание, но которое несомненно обусловлено религиозно-нравственными представлениями автора поэмы. Уже во введении он четко формулирует основную идею своей поэмы: земная жизнь любого человека, будь он раб или правитель, ограничена; все материальные ценности, включая жизнь, не имеют ценности сами по себе; главное предназначение человека — быть добродетельным:

«Каждый думал, держит Божий мир в руке,
Каждый белый свет покинул налегке,

В бело-мертвенную бязь заворотясь,
Оставляя на земле и кровь, и грязь,

И обилие скота, и роскошь яств,
И удачу, и престол, и блеск богатств.

В мир пришел — уже готовься уходить,
Поспешай по мере сил добро творить¹⁴⁸.

Для правителя добродетель проявляется в его служении справедливости и заботе о подданных. Нерадивые правители у Хисама Кятиба подвергаются самым жестким наказаниям в аду — кому много дается, с того многое и спрашивается:

И других я зрел вдали от благ земных:
Эти выглядели хуже остальных.

---

¹⁴⁸ Хисам Кятиб Джумджума султан, или Царь-Череп // Золотые ступени: Татарская поэтическая классика. Изд. 2. Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. С. 52.

Нагишом они ходили, трепеща:
Ни венца на них, ни царского плаща,

Кровь струилась с обнаженных, жалких тел,
Грешный люд на них с презрением глядел.
Семь десятков язв открытых на телах,
И не счесть печатей, скрытых на челах.

Гольшом в огне сгорают — не сгорят,
Пусть же знают в страхе Божьем стар и млад, —

Всяк из них когда-то был царем земным,
Всяк бахвалился могуществом своим,

Но для бедных доли не было у них,
О несчастных боли не было у них,

Не одели никого, не помогли,
Не утешили ничем своей земли,

Поскупясь на саван бедному в гробу,
Не давали воли пленнику, рабу,

Вот и мучаются... Знай же наперед:
Всем тот пламень по заслугам воздаст¹⁴⁹.

---

¹⁴⁹ Хисам Кятиб Джумджума султан, или Царь-Череп // Золотые ступени: Татарская поэтическая классика. Изд. 2. Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. С. 64.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ТЮРКОВ ПОСЛЕ РАСПАДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Ж.И. Ибрагимов

Внутренняя и внешняя политика государства Тамерлана. Тюрко-монгольская государственность, возникшая во времена правления Чингисхана, была первым прецедентом великой Евразийской империи в эпоху средневековья. Своеобразным возрождением великой тюркской государственности является империя Тамерлана, возникшая во второй половине XIV в. как своеобразный противовес Золотой Орде и сыгравшая решающую роль в уничтожении военной и политической воли последней. Как свидетельствуют источники¹⁵⁰, Тамерлан (1366-1405) происходит из монгольского и со временем отюреченного рода барлас, пришедшего с чагатаидом Мубарекшахом в Мавераннахр (междуречье Аму-Дарьи и Сыр Дарьи) в 1260-х гг. Русские летописи пишут о его происхождении из «заяицких татар». («Татарами» на Руси звались все тюрки, «немцами» — все европейцы). Тамерлан не был потомком Чингисхана, хотя некоторые документы «находят» их давних общих предков. Именно Мавераннахр, древняя и богатая страна, стала причиной раздора между чингизидами Чагатайского улуса. Осевшие в плодородном междуречье тюрко-монгольские племена постепенно утрачивали чистоту кочевнических традиций и стали называться своими степными сородичами «метисы». В свою очередь, жители другой части улуса, кочевники Семиречья и Кашгара, получили прозвище «разбойников». Углублявшиеся со временем противоречия привели к тому, что Чагатайский улус постепенно в XIV в. распался на две части: Мавераннахр и Моголистан.

Хан Кебек (1318–1326), сторонник оседлой жизни, взял управление Мавераннахром в свои руки и провел две важнейшие реформы: денежную и административную. Единая денежная система и разделение страны на тумены по монгольской традиции, с учетом древних феодальных владений, значительно укрепили страну и вызвали одобрение оседлого населения. При правлении эмира Казагана (1346–1358) отстаивались интересы кочевой военной аристократии, которая была заинтересована в обогащении путем набегов и обложения данью соседних стран. После смерти Казагана Мавераннахр находился в состоянии полной

---

¹⁵⁰ Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. М.: Гураш, 1992. С. 5–45.

феодалной раздробленности. Этим воспользовался моголистанский хан Токлуг-Тимур и в 1360 и 1361 гг. совершил нападение на Мавераннахр с целью ограбления и подчинения себе. С этого времени и становится известно имя Тамерлана, который поступил на службу к моголистанскому хану, возглавив небольшой, но богатый Кашка-Дарьинский вилайят и вскоре со своим родственником эмиром Хусейном стал сильнейшим владельцем Междуречья. После гибели Хусейна курултай владельцев и военачальников Мавераннахра в 1370 г. узаконил Тимура в качестве единовластного правителя.

С первой и главной политической задачей, стоявшей перед Тамерланом — создание сильного централизованного государства — эмир блестяще справился. Он расставил на руководящие должности близких своих сподвижников, перенес центр государства в Самарканд и начал его обустраивать. Централизация страны осуществлялась силой, путем династийных браков, добровольным признанием феодалами власти Тамерлана. Активно применялось обычное монгольское право — яргу (жаргы), законодательство Чингисхана — Ясы (Джасак). Тамерлан не был чингизидом, поэтому никогда не называл себя ханом. Однако традиция требовала ханского управления, и при Тамерлане были подставные ханы — Суюргатмыш (1370–1388) и его сын Султан Махмуд-хан (1388–1402). Принципы управления государством Тамерлан изложил в «Постановлениях для управления государством»: «В государстве, вновь подчиненном моей власти, я оказывал почет тем, которые были до того достойны; я обращался с величайшим уважением и почтением к потомкам Пророка, учителями закона, учеными и старцами, я назначал им жалованье, пенсии; вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные — моими детьми. Армия покоренной страны входила в состав моей армии, и я старался привлечь любовь народа. Тем не менее я держал всегда своих поданных между страхом и надеждой. С добрыми, к какой бы национальности они не принадлежали, я обходился с добротой, но злые и изменники изгонялись из моего государства. Я удерживал людей трусливых и низких в положении, которое им соответствовало, не допуская их возвышения за известные границы. Я расточал почести и отличия вельможам и знати. Врата справедливости были открыты во всех подвластных мне странах, в то же время я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты. Правитель покоренной провинции оставался при своей должности; осыпая его благодеяниями, я мог вполне рассчитывать на его верность и преданность. Но непокорный не за-

медлял попадаться в свои собственные сети. Тогда я его замещал правителем умным, справедливым и деятельным. Я приказал наказывать по закону «Ясса» (закону Чингисхана) разбойников и грабителей больших дорог и изгонять из моих владений бунтовщиков и изменников. Я не желал, чтобы шуты были терпимы в провинциях. Я назначил в городах и городских кварталах профоса, который должен был заботиться о безопасности народа и солдат. Все кражи, совершенные в его участке, лежали на его ответственности. На больших дорогах была расставлена стража, чтобы делать разъезды и обезопасить сообщения. Путешественники и купцы имели право требовать, чтобы их вещи и богатства были конвоированы этой стражей, которая отвечала за каждую пропавшую вещь. Строго воспрещалось судьям наказывать граждан по обвинениям инаветам людей подозрительных и неблагонамеренных. Но по убеждению, основанному на четырех показаниях, на виновного налагался штраф, соразмерный с его преступлением. Не позволялось взимать ни подушного сбора, ни пошлины в городах и предместьях. Ни один солдат не имел права занять постоем дома частного лица или присвоить себе стадо и имущество. Во всех делах, касавшихся народа какой-либо провинции, правителям было приказано строго держаться в пределах справедливости. Для уничтожения нищенства я основал приюты, где бедные получали содержание»¹⁵¹. Деятельность Тамерлана отвечала интересам как оседлого населения страны — строительство городов, укреплений, наведение порядка и дисциплины, защита торговцев и крестьян и т.д., так и интересам местных кочевников — организация завоевательных походов, в результате которых Тамерланом было покорено 27 стран.

В ряде даже самых современных российских учебников можно встретить много неточностей. Например: «В силу внутренних (борьба за власть) и внешних (*поражение на Куликовской битве 1380 г.*) (выделено курсивом нами. — Ж.И.) причин Золотая Орда распадается в XV веке. *На территории бывшей империи Чингисхана* возник ряд государственных образований: Сибирское, Казанское, Астраханское ханства, которые часто оказывались во враждебных отношениях друг с другом и в XVI веке поочередно покоряются Московским государством»¹⁵².

---

¹⁵¹ Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. М.: Гураш, 1992. С. 146–147.

¹⁵² Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 1996. С. 34.

В этом небольшом отрывке допущен ряд неточностей. Так, Золотая Орда пришла в упадок далеко не в результате поражения самозванца Мамаю на Куликовской битве в 1380 г. И даже не «великое противостояние» на реке Угре в 1480 г., окончившееся отходом сначала русских, а затем и ордынских войск, сыграло решающую роль в распаде Золотой Орды. Как отмечал Карл Маркс в работе «SecretDiplomaticHistoryof EighteenthCentury. — London, 1899, S. 83», не переведенной на русский язык, одна из причин, приведшей к распаду Золотой Орды, — результат искусной дипломатии московских князей и того, что одни тюрки погубили других¹⁵³.

Другая неточность в этом отрывке заключается в том, что бывший улус в этом отрывке заключается в следующем: улус Джучи представлен как вся территория империи Чингисхана, хотя это не соответствует действительности. Московская Русь была лишь небольшой провинцией улуса Джучи, который, в свою очередь, был только частью Тюрко-Монгольской империи, в свое время занимавшей огромную территорию от Тихого океана до Венгрии. Но именно джучиды сумели организовать наиболее известное государственное образование — Золотую Орду, которая была сокрушена другим тюркским государством под руководством Тамерлана.

Улус Джучи, в состав которого входила Золотая Орда — правое крыло войска и Ак Орда — левое крыло (территория современного Казахстана), представлял угрозу для государства Тамерлана. Но начавшийся в Золотой Орде внутренний раскол, при котором отдельные военачальники стали выступать как самостоятельные правители, значительно ослабил империю. Решительные шаги для объединения страны сделал Урус-хан, правивший в Ак Орде до 1377 г. Тамерлан искал случая помешать ему. И нашел Тохтамыш, сына правителя Мангышлака эмира Туй ходжи-оглана, казненного Урус-ханом. Тамерлан поддержал Тохтамыша в его борьбе против Урус-хана и в 1375 г. отправил его с войском в Ак Орду отвоевывать престол, но оба раза Тохтамыш был разбит. Только после смерти Урус-хана в 1379 г. Тохтамыш стал акордынским ханом и... продолжил борьбу Урус-хана за создание сильной Золотой Орды.

В 1380 г. Тохтамыш разгромил на реке Калке Мамаю, который был вскоре убит, а в 1382 г. разграбил и сжег Москву, как бы демонстрируя свое право на владение своими северными улусами. Объединенная Золотая Орда возобновила

---

¹⁵³ Кочкаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в 15–18 вв. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 68.

походы в Закавказье, Крым, Хорезм, Болгарию и Мавераннахр. Два гигантских государства, имеющих сходную структуру, общее законодательство, родственное население, одинаковые цели — мировое господство, не могли сосуществовать рядом. Против Тохтамыша Тимур провел три похода: в 1389, 1391, 1394–1395 гг. Битвы происходили на территории современной Улытауской области Казахстана и на Северном Кавказе, в долине реки Терек. Тохтамыш потерпел поражение. Столица Золотой Орды была разрушена. По пути были опустошены несколько южнорусских городов. Русская «Повесть о Темир Аксаке» свидетельствует: «Пришел Темир Аксак войной на царя Тохтамыша, и был между ними бой... и изгнал он царя Тохтамыша. *Оттого распалился* (выделено нами. — Ж.И.) окаянный, замыслил в сердце своем и на Русскую землю — полонить ее; как и прежде того, когда за грехи попустил это бог, полонил царь Батый Русскую землю, — так и гордый и свирепый Темир Аксак то же замышлял, желая захватить Русскую землю»¹⁵⁴.

Как отмечает ученый А. Якубовский, Тимур не понимал, какое значение для русской истории имел его удар по Золотой Орде, да и о Руси своего времени не имел в какой-нибудь мере соответствующих действительных знаний.

Здесь Якубовский подходит к истории с точки зрения исследователя, отделяющего Золотую Орду от Руси. На самом деле Золотая Орда представляла собою огромное евразийское государство, в котором Московская Русь была на правах улуса и находилась в подчинении и под защитой золотоордынских князей. В силу внутренних противоречий от Золотой Орды отделились Ак Орда, Крымское и другие ханства, и только после решающего разгрома, нанесенного Орде Тамерланом, еще почти через сто лет Московская Русь также обрела самостоятельную государственность.

Политическое и правовое наследие Тюрко-Монгольской империи. В XIV–XV вв. на месте Золотой Орды появилось несколько самостоятельных ханств, а Московская Русь, как всегда утверждалось, освободилась от «монголо-татарского ига». Виднейший русский ученый Л.Н. Гумилев и его последователи на фактах доказывают, что никакого «ига» в значении «угнетение», «господство»

---

¹⁵⁴ Повесть о Темир Аксаке // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 230–243.

не было. Само слово «иго» на русском языке XIII–XIV вв. обозначало «то, чем скрепляют узду или хомут»¹⁵⁵.

Концепция «монголо-татарского ига» была заимствована Россией с Запада после утверждения идеологии русского западничества и развита историками В.Н. Татищевым и Н.М. Карамзиным (кстати, потомками тюркских переселенцев на Русь). Подлинным автором этой теории был статс-секретарь Стефана Батория (1533–1586, польский король с 1576 г., основатель Вильнюсского университета) Геберштейн.

Более того, Московская Русь окрепла под охраной Золотой Орды. Еще Александр Невский (1220–1263), разгромив передовые отряды шведов (1240) и немецких рыцарей (1242), нашел на юге союзников для борьбы против крестоносцев, зверства которых русские уже испытали на себе. Крестоносцы не только вели борьбу на полное истребление, но и навязывали свою религию, считая православие и вообще всех славян своеобразным этническим и религиозным недоразумением. Александр Невский сумел заключить союз с Золотой Ордой. Он привез в Орду подарки, прошел «страшные испытания»: пил кумыс с Бату-ханом (Батыем — по русским летописям) и прошел через два очистительных костра (отсюда известное выражение «меж двух огней») и стал «сыном» Бату-хана, побратался с сыном Бату-хана Сартаком и последующим ханом Берке. Польза от этого, как подчеркивает Л.Н. Гумилев, была колоссальной¹⁵⁶.

Псков и Новгород были спасены. Но и Бату-хан удержался на ханском престоле благодаря поддержке, оказанной ему Александром Невским во время гражданской войны в Золотой Орде. В 1245 г. на Лионском Соборе папа Иннокентий IV объявил крестовый поход против «схизматиков»-греков и русских. Уже были разгромлены Византия и Палестина. Союз русских с Золотой Ордой сдерживал крестоносцев. Благоприятный момент для агрессии на Русь наступил после поражения самозванца Мамай в 1380 г. и наступивших распрей между Тамерланом и Тохтамышем. Огромная армия из литовских рыцарей, польских шляхтичей, немецких рыцарей двинулась на Русь. «Татары» под руководством Темир-Кутлуга при поддержке батыра Едыге (герой казахских эпосов) наголову разгромили в 1399 г. лучшую армию Европы на Ворскле (левый приток Днепра, территория

---

¹⁵⁵ Гумилев Л., Ермолаев В. О книге д-ра Эренжен Хара Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие» // Эренжен Хара Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992. С. 7.

¹⁵⁶ Гумилев Л.Н. Правда против мифа // Нива. 1995. № 4. С. 68.

Украины). В 1406 г. объединенные силы Европы вновь двинулись на Москву. И вновь выступившие ордынцы заставили врага отступить, даже не приняв боя.

Казань была одним из самых северных оплотов Золотой Орды, севернее уже были другие климатические и природные условия: сырость, болота, тайга. Поэтому ордынцы поручили московским князьям собирать дань с той территории Руси, где сами еще не селились. Москва со временем стала крупным налоговым центром. Московские князья собирали требуемую «татарами» дань (1/10 имущества или доходов), которую регулярно отправляли в Орду. Но кто и когда вел в те далекие времена (да и сейчас) учет негласных поборов! Московские князья стали фантастически быстро богатеть. В простом русском народе с того времени стала в ходу поговорка «*Незванный гость хуже татарина*». (Как отмечал в XIX в. В.И. Даль, «Гостями зовут, ради шутки или вежливости, *недобрых людей*, незваных посетителей, воров, особенно грабителей...») ¹⁵⁷.

Москва быстро возвысилась среди остальных северо-русских городов, стала своеобразным «государством в государстве», московские князья присоединяли к своим владениям остальные княжества — где силой, где уговорами, где подкупом, причем выкупались территории с населением. Появление сильного Московского государства можно объяснить следующим: военное покровительство золотоордынских ханов; их веротерпимость, позволившая русскому народу отстоять от непримиримых и неподкупных западных идеологов православие и на его основе консолидировать нацию; превращение Москвы в налоговый и финансовый центр; гибкая политика московских князей по отношению к сильному тюркскому государству; структура права и государственного управления, во многом заимствованная у Золотой Орды. Это признают и российские ученые: «В Московском государстве восприняты некоторые черты административного управления, используемого монголами; это влияние сказалось на системе и порядке налогообложения, формирования ямской транспортной службы, организации войска и финансово-казенного ведомства» ¹⁵⁸. Политическое и правовое наследие тюрко-монгольской империи аргументированно раскрыто в работе монгольского ученого Эренжена Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие», вышедшей в Белграде в 1929 г. и встреченной с одобрением виднейшими

---

¹⁵⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. С. 386–387.

¹⁵⁸ Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 1996. С. 33.

учеными мира. Далее мы приведем достаточно обширную выдержку из этой книги (см. подробнее указанный труд).

В своей работе ученый утверждает, что почти трехсотлетнее пребывание Руси в составе монгольской империи предопределило ее дальнейшую судьбу и наложило неизгладимый отпечаток на весь ее характер как государства, так как зависимость ее от центральной имперской власти выражалась не только фактом вхождения ее, в качестве полуавтономной единицы, в состав монгольского государства, но и тем, что управлялась она ордынским ханом на основании общего для всей империи «Джасака» — сборника Чингис-хановых законов, под влиянием которого и выковались ее собственные государственность и великодержавие.

До прихода монголов многочисленные русские варяжского происхождения княжества фактически не составляли одного государства, а к населявшим их племенам славянского происхождения неприменимо название *единого русского народа* (выделено нами. — Ж.И.). *Влиянием монгольского владычества* эти княжества и племена были *слиты воедино*, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю. Историческая закономерность этого процесса подтверждается тем, что нечто подобное произошло после падения монгольского владычества и на Дальнем Востоке. Здесь Китай, до монгольского завоевания представлявший три государства: Цзинь, Сун и Тангут, после монгольского завоевания впервые выступает как единая держава. Организация России, явившаяся результатом монгольского ига, была предпринята азиатскими завоевателями, разумеется, не для блага русского народа и не ради возвеличения Московского великого княжества, а в видах собственных интересов, а именно, для удобства управления покоренной обширной страной. Они не могли допустить в ней обилия мелких владетелей, живущих за счет народа и хаоса их бесконечных распрей, подрывавших экономическое благосостояние подданных и лишавших страну безопасности сообщений, а потому, естественно, поощряли образование сильной власти московского великого князя, которая могла бы держать в повиновении и постепенно поглощать удельные княжества. Этот принцип создания единовластия, по справедливости, казался им для данного случая более целесообразным, чем хорошо известное им и испытанное на себе китайское правило: «разделяй и властвуй».

Таким образом, монголы приступили к собиранию, к организации Руси, *подобно своему государству*, ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния. В результате такой политики монголов, всюду вводивших еще при Чингис-хане порядки, они дали покоренной ими стране основные элементы будущей московской государственности:

- самодержавие (ханат);
- централизм;
- крепостничество.

Исходя из задач административного и финансового управления, монголы:

- соорудили почтовые тракты;
- установили ямскую повинность населения, улучшив этими мерами условия сообщений на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины;
- произвели общую перепись населения в фискальных целях;
- ввели однообразное военно-административное устройство и податное обложение по принятой у них десятичной системе, а также установили общую для всех русских областей монету — серебряный рубль, разделенный на 216 копеек. (Русское слово *деньги* и казахское *тенге* имеют общий корень, восходящий к монгольскому *денга*).

В государстве была установлена строгая соподчиненность в административно-политическом отношении от воина или простолюдина до князей и темников, а от последних — до наместника или удельного хана и до Великого императора «ниспосланного Богом на землю». Вот почему русское самодержавие не имеет себе повторения на Западе и так близко и понятно монгольскому ханату (ханству. — Ж.И.).

В результате монгольского владычества авторитет русской православной церкви был поднят на небывалую до тех пор высоту. В 1223 г. Чингис-хан издал указ о покровительстве религиям и освобождении священников от всех налогов. Его наследники продолжили политику покровительства религии на Руси. В 1270 г. хан Менгу-Тимур издал следующий указ: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т.д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, улеи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они люди

Божьи. Да помолятся они о нас». Хан Узбек еще расширил привилегии церкви: «Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь или часовню — тот подлежит смерти без различия русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога».

Значение данной религиозной политики трудно переоценить. Но следующие ее итоги можно отметить:

- расцвет православия, ставшего духовной опорой и в мощным объединительным фактором русского народа;
- воспитание у тюрков, монголов и славян исключительной веротерпимости, сохраняющейся до сих пор. Напротив, на Западе господствовал принцип: «Cuius regio, eius religio» — чья власть, того и вера;
- тяготение русского православия к восточному мироощущению и внешним архитектурным формам культовых сооружений.

Таким образом, можно достаточно аргументированно констатировать, что мощное монгольское влияние в средние века на соседние народы, в частности, тюрков и славян, было в итоге скорее позитивным, чем негативным. Монголы передали своим соседям энергию пассионарного (по терминологии Л.Н. Гумилева) взрыва и сыграли роль катализатора их этнического, государственно-правового, духовного и культурного развития. Выяснение специфики государственного устройства, политико-правовой жизни допетровской Руси помогает понять многие особенности средневековой тюрко-монгольской государственности, а также общие тенденции внешней политики России XVI–XIX вв/ по отношению к тюркам.

Материалы к теме

Уложение Тимура¹⁵⁹

Моим детям, счастливым завоевателям государств, моим потомкам — великим повелителям мира. Да будет им известно, что, в полной надежде на мило-

---

¹⁵⁹ Приведено в сокращенном варианте. Подробнее см.: Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р. Рахманалиева. М., 1992. С. 110–185.

сердие Всевышнего, я убежден в том, что многие из них наследуют мой могущественный трон. Это побуждает меня изложить для них правила, которыми я руководствовался собою то счастье, которого я достиг столькими беспокойствами, трудами и опасностями, которое дано мне небом, благотворным влиянием религии Магомета (да даст ему Бог мир) и могущественными ходатайством потомков и сподвижников его. Пусть эти правила послужат им руководством как в их поведении, так и в управлении государством, дабы они могли сохранить то государство, которое я им оставляю. Всех правил двенадцать. Ничто лучше не доказывает их важности, как то, что я извлек из них: они помогли мне достигнуть власти, завоевать государства, упрочить за мной завоевания и сделать меня достойным трона.

1. Я заботился о распространении религии Бога и закона Магомета, этого избранного Богом сосуда: я поддерживал ислам во всякое время и во всяком месте.

2. Я разделил преданных мне людей на 12 классов: одни из них помогали мне своими подвигами, другие — советами, как при завоевании государств, так и при управлении ими. Я пользовался ими, чтобы укрепить замок моего счастья; они были украшением моего двора.

3. Советы с мудрыми, предусмотрительность, бдительность и деятельность помогли мне побеждать войска врагов и завоевывать области. В управлении я руководствовался кротостью, человеколюбием и терпением; я наблюдал за всеми, прикрываясь личиной бездействия, был одинаково благосклонен как к врагам, так и к друзьям.

4. Надлежащий порядок и соблюдение законов послужили основанием и опорой моей судьбы, фортуны. То и другое так укрепили мою власть, что визири, эмиры, солдаты и народ не домогались повышения, а каждый удовлетворялся своим местом.

5. Чтобы воодушевить офицеров и солдат, я не щадил ни золота, ни драгоценных камней; я их подпускал к своему столу, а они жертвовали для меня своей жизнью в сражениях. Оказывая им милости и входя в их нужды, я обеспечил за собой их привязанность. И так при помощи доблестных вождей и моих воинов, я сделался властелином 27 государств: Я сделался государем Ирана, Турана, Рума, Магреба, Сирии, Египта, Ирак-Араби и Ирак-Аджеми, Мазандерана, Гиляна, ширвана, Азербайджана, Фарса, Хорассана, Четте, Великой Татарии, Хорезма, Хотана, Кобулистана, Бактерземина и Индостана. Все эти страны признали мою власть, и я предписал им законы...

6. Справедливостью и беспристрастием я приобрел благосклонность созданий Божьих. Свои благодеяния я распространял и на виновного, и на невинного; мое великодушие обеспечило мне место в сердцах людей; правосудие управляло моими решениями. Мудрую политикой и строгою справедливостью я удерживал своих солдат и подданных между страхом и надеждой. Мои воины были осыпаны моими подарками. Я имел сострадание к низшим и к самым несчастным классам государства.

Я освобождал угнетенного из рук угнетителя и, раз убедившись во вреде, причиненном лицу или имуществу, я произносил приговор по закону и никогда не подвергал невинного наказанию, заслуженному виновным. Всякий, поднимавший против меня оружие для разрушения моих намерений, как только умолял меня о помощи, был принимаем мною благосклонно. Я возвышал его в чинах и зачеркивал его вину пером забвения; и если его сердце было еще озлоблено, то мое обращение с ним было таково, что я успевал наконец изгладить самый след его неудовольствия.

7. Я оказывал почтение потомкам пророка, ученым, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал. Храбрых люди были моими друзьями, потому что Всевышний любит храбрых. Я сходилась с учеными и снискивал расположение тех, у которых была благородная душа...

8. Я был настойчив в моих предприятиях. Раз предпринятый проект, каков бы он ни был, овладевал всем моим вниманием, и я не оставлял его, пока не имел успеха. Поступки мои не противоречили моим словам, и я не поступал сурово. Я никому не досаждал из опасения, чтобы Всемогущий не поступил с мною сурово и не подавил меня тяжестью собственных моих деяний. Я расспрашивал ученых, чтобы знать, каковы были постановления древних от Адама до Магомета, «Печати Пророков» и от этого последнего до наших дней. Образ действий, и поведение, их поступки и слова этих повелителей глубоко проникли в мое сердце. Я старался подражать самым похвальным качествам их и самым лучшим чертам их жизни. Для собственного назидания я изучал причины падения их власти и старался избегать сделанных ими ошибок. Я воздерживался от лихоимства и притеснений; мне было известно, что эти преступления относятся к тем, которыми порождаются голод и бедствия всякого рода и которые выкашивают целые народы.

9. Я знал состояние народа. Я смотрел на знатных, как на братьев, а на простых людей, как на детей. Умел приноровиться к нравам и характеру жителей

каждой области и каждого города. Я заслужил уважение от новых своих подданных, тех из них, которые занимали высшие места. Я давал им правителей, свыкшихся с их нравами и обычаями и которые уже пользовались у них одобрением. Я знал состояние населения каждой отдельной области. Я посадил в каждой стране моего царства человека испытанной честности, чтобы он извещал меня о поступках и поведении народа и солдат и чтобы он давал мне знать о всех непредвиденных событиях, которые могли интересовать меня. Когда я открывал малейшую ложь в его донесениях, то строго его наказывал. Как только я узнавал о каком-нибудь случае притеснения или жестокости правителя, солдат или народа, то я давал виновным чувствовать всю строгость правосудия.

10. Когда какое-нибудь племя, какая-нибудь орда тюркская, арабская, персидская или чужестранная желали признать мою власть, я принимал правителя этого племени или орды с почетом, других же я принимал по достоинству: я добром воздавал добрым, а злых предоставлял собственной участи. Кто бы ни заключил со мной дружеский союз, был уверен, что не будет раскаиваться...

11. Дети, внуки, друзья, союзники, все те, которые со мною какую-либо связь имели, пользовались моими благодеяниями. Блеск моего счастья не заставил меня забывать кого-нибудь. Каждый получил должное. Милосердие также имело место в моем сердце. Я уважал в моих сыновьях и внуках союз крови, не посягал на их жизнь и даже на их свободу. По отношению к каждому частному лицу я вел себя, соображаясь с особенностями его характера и с представлением, какое я имел о нем. Опыт, который я вынес из превратностей судьбы, научил меня, как нужно поступать с друзьями и с врагами.

12. Я всегда с уважением относился к солдатам, сражались ли они за или против меня. Да и не обязаны ли мы признательностью людям, которые жертвуют продолжительным счастьем преходящим благам? Они бросаются в сражения и не щадят свою жизнь среди случайностей. Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе. Можно также сравнить его и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни ограды, в который может проникнуть самый презренный человек. Вот почему я основал здание моего величия на исламе, с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования...

В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ В НОВОРОССИЙСКОЙ ГУБЕРНИИ: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ¹⁶⁰

А.С. Кравчук

Приход к власти Павла I привел к существенным трансформациям во властных структурах Российской империи. Новый правитель отстранил многих видных сановников екатерининской эпохи. Этот процесс, начавшийся в высших органах управления, довольно быстро охватил и провинциальные властные круги. Особенно ярко новые веянья прослеживались в Новороссийском крае и Крыму. Здесь при Екатерине II ведущие роли играли ее фавориты — Г.А. Потемкин, затем П.А. Зубов, а также их ставленники. За годы царствования Павла I местный бюрократический аппарат претерпел существенные изменения. В ходе административной реформы по укрупнению губерний количество чиновников сократилось почти в три раза. Частота сменяемости губернаторов достигла невиданных ранее масштабов.

П.А. Зубов получил отставку с поста екатеринославского, таврического и вознесенского генерал-губернатора 6 декабря 1796 г. После чего эта должность несколько раз переименовывалась, ее последовательно занимали: Н.М. Бердяев (1796–1797) (также временно исполнял обязанности новороссийского гражданского губернатора), М.В. Каховский (1797–1800), И.И. Михельсон (1800–1803). Пост правителя Екатеринославского наместничества, а затем Новороссийского гражданского губернатора занимали: И.И. Хорват (1794–1796), И.Я. Селецкий (1797–1800) и Ю.А. Николаев (1800–1801). Постоянные перестановки высших административных лиц были вызваны рядом факторов. Во-первых, Павел I стремился заменить высшую екатерининскую бюрократию своими ставленниками. Во-вторых, назначаемые чиновники сталкивались как с местной бюрократией, сложившейся в екатерининское время и враждебно настроенной по отношению

---

¹⁶⁰ Статья выполнена в рамках гранта «Формирование и кадровое обеспечение местных учреждений Новороссийского края и Крыма в конце XVIII — первой половине XIX вв.» Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских ученых, грант № МК-3927.2022.2
This work was supported by The Russian presidential grant for young scientist, project «Formation and staffing of local authorities in the Novorossiia Region and Crimea at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries», no. МК-3927.2022.2

к новому начальству, так и друг с другом. Эти конфликты перерастали в открытое противостояние и личную вражду. Отдельные аспекты этой формальной и неформальной борьбы мы рассмотрим в данной статье.

При П.А. Зубове, который не бывал в Новороссийском крае, ключевую роль в управлении регионом играл его зять Иосиф Иванович Хорват. Последний фаворит Екатерины II сыграл видную роль в карьерном росте своего родственника. Племянник И.И. Хорвата А.С. Пишчевич в мемуарах по этому поводу отмечал: «Доверенность его (Хорвата. — авт.) от Императрицы источником имела связь его родства с графом Платоном Зубовым, и потому он участвовал и в раздаваемых от престола милостях»¹⁶¹. В местном обществе давно ходили слухи о злоупотреблениях чиновника, однако поддержка со стороны могущественного патрона позволяла ему прочно удерживать занимаемые позиции. Вслед за падением П.А. Зубова последовала и отставка И.И. Хорвата.

Новым руководителем созданной Новороссийской губернии был назначен генерал-лейтенант Николай Михайлович Бердяев: «При определении военным губернатором в Новороссийскую губернию генерала-лейтенанта Бердяева в Именном Высочайшем указе от 16 декабря 1796 г. повелено быть ему же и гражданским губернатором»¹⁶². Он занимал пост новороссийского (екатеринославского) военного губернатора с 16 декабря 1796 по 29 ноября 1797 гг.¹⁶³. Сановник пользовался доверием Павла I и временно сконцентрировал в своих руках всю полноту власти. Упоминаемый нами А.С. Пишчевич отмечал: «Разговоры весь вечер велись о Бердяеве, его прусских сапогах, новообразцовом мундире, как он стоял, как говорил. Одним словом, имя сего военного губернатора у всякого на языке оборачивалось в минуту, по крайней мере раз, ибо он любим императором был»¹⁶⁴. Ставленник Павла I должен был провести ревизию деятельности И.И. Хорвата и де-юре обосновать справедливость его отставки.

На выявление злоупотреблений не потребовалось много времени. А.С. Пишчевич писал по этому поводу: «Прибыв в Екатеринослав, явился я к г-ну Хорвату, которым был принят с отменной лаской. Нашел его крайне встревоженным

---

¹⁶¹ Жизнь А.С. Пишчевича им самим описанная, 1764–1805: в 3 ч. / пред. и прим. Н. Попов. М.: Изд-во Общества истории и древностей Российских при Московском университете, 1885. С. 217.

¹⁶² РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 147. Л.6.

¹⁶³ Государственный архив Республики Крым. Ф. 28. Оп. 3. Д. 102. Л. 1–3.

¹⁶⁴ Жизнь А.С. Указ. соч. С. 228.

душой, он сменялся с губернаторства, и я первый ему привез известие о следовании г-на Бердяева, который был ему враг, требовал от его отчетов государь за все годы. Суммы отпускаемы ему были не малые, в которых открывалась не малая часть им себе присвоенных»¹⁶⁵. По утверждению А.С. Пищевича, только одна из махинаций принесла И.И. Хорвату более 500 тыс. руб.¹⁶⁶ Однако к таким сведениям следует отнестись критически. Автор этих строк вполне мог просто завидовать своему влиятельному родственнику.

После первых докладов Н.М. Бердяева о злоупотреблениях, 2 марта 1797 г. указом Сената ему было поручено собрать все жалобы от населения¹⁶⁷. Менее чем через два месяца эти сведения были доставлены в Сенат. Большинство выявленных нарушений были связаны с незаконным переселением казенных крестьян в деревни самого И.И. Хорвата и присвоением им государственной угодий. По подсчетам Н.М. Бердяева, его предместник завладел 139 семьями и более чем 4000 десятинами земли¹⁶⁸. Также были представлены жалобы от помещиков об «отнятии у них крепостных» и о принуждении казенных крестьян к работам на землях И.И. Хорвата, за которые он им не заплатил. Кроме того, Н.М. Бердяев в своих отчетах отмечал: «Хорват не присылал ко мне по неоднократному требованию потребных для сведения и исполнения дел, в каждой части нашел я немалую расстройку»¹⁶⁹. 5 марта 1797 г. к И.И. Хорвату был послан курьер с требованием явиться в Сенат. Этот вызов им был проигнорирован.

Для усиления давления на И.И. Хорвата Н.М. Бердяев направил в столицу еще два доклада, подготовленные новороссийским губернским прокурором: «С приложением копии 3 ордеров, 3 рапортов и 1 приказа касательно насильного наряда от земства казенных поселян с перевозом провианта в таврические магазины» и «О приписании в ревизии казенных крестьян к землям Хорвата живущих без всякой жалобы и порока»¹⁷⁰. После этого 17 июня 1797 г. последовал Сенатский указ, который гласил: «Бывшего Екатеринославского губернатора ге-

---

¹⁶⁵ Жизнь А.С. Указ. соч. С. 228.

¹⁶⁶ Там же. С. 229.

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 235. Л.5.

¹⁶⁸ Сенатский архив. Т. 1: Именные указы императора Павла I. СПб: тип. Правительствующего Сената, 1888. Л. 9, 22.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 235. Л. 9.

¹⁷⁰ Там же.

нерал-лейтенанта Хорвата как за прежние его поступки, так и за нынешние чинимые противу посланного в Новороссийскую губернию губернатора генерал-лейтенанта Бердяева сказанных повелеваем немедленно призвать в Сенат»¹⁷¹. И.И. Хорват вынужден был отправиться в Москву, а затем в Санкт-Петербург и участвовать в разборе указанных дел. Он попал в опалу и оказался в крайне затруднительном положении. Именно во времена Павла I для проверки деятельности органов власти стали широко использоваться сенаторские ревизии, однако в данном случае эту работу проводил новый губернатор¹⁷². Можно предположить, что в центре хотели как можно скорее завершить кадровые перестановки в регионе, а подготовка и снаряжение специальной ревизии заняла бы гораздо больше времени.

В самой Новороссийской губернии Н.М. Бердяев начал отстранять от службы чиновников, назначенных по протекции предшественника. Например, были сняты члены канцелярии правителя наместничества Шимшов и Сологоровский «кои находились прежде в канцелярии при Хорвате, ныне состояли советниками в тамошнем правлении и казенной палате»¹⁷³. Более всех пострадал приближенный к И.И. Хорвату земский исправник Осип Игнатович. Он был обвинен в том, что не воспрепятствовал незаконному переселению жителей Бахмутского и Павлоградского уездов в Вознесенскую губернию. Следствие проводилось с многочисленными нарушениями. Не был привлечен к суду капитан-исправник Бахмутского уезда майор Мамацов, непосредственно отвечавший за казенных крестьян. Жалобы и показания жителей Павлоградского уезда были приобщены к делу задним числом и подавались коллективно, что противоречило закону¹⁷⁴. Таким образом, шла постепенная трансформация и чистка местного бюрократического аппарата.

Уже после отставки Н.М. Бердяева, 9 ноября 1800 г., О. Игнатович подал прошение на имя императора, в котором отрицал все выдвинутые обвинения. В подтверждение своей невиновности бывший земский исправник приводил тот

---

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 235. Л. 5.

¹⁷² Кравчук А.С. Комиссия как чрезвычайная форма управления в Российской империи (крымский вариант) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 869.

¹⁷³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 235. Л. 9.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 235. Л. 27.

факт, что ни на него, ни на его приказчика в последние три года от крестьян жалоб не было. А также просил пересмотреть решение Новороссийской палаты уголовного суда, которая оштрафовала его на 4 тыс. руб. и «принудила выдерживать под стражей на хлебе и воде полгода, отнимая тем жизнь и честь мою»¹⁷⁵. Вынесенный приговор был оставлен в силе.

Вскоре и сам Н.М. Бердяев стал жертвой политической борьбы в регионе. 28 марта 1797 г., на должность новороссийского (екатеринославского) гражданского губернатора был назначен действительный тайный советник Иван Яковлевич Селецкий. Вспоминая встречу с военным губернатором, он отмечал: «Первый день моего сюда прибытия я всю принадлежащую честь сделал господину Бердяеву. Приехал к нему как к старшему себя и строму знакомцу. Но первые от него мне были слова, что он тут на праве генерал-губернатора и чтобы я по делам моей должности сначала к нему относился. Я, зная в чем состоит должность военного и гражданского губернатора, и получая от Сената указы лично, а от генерал-прокурора чрез писание по силе Высочайших Именных указов в коих пишут меня начальником губернии и что ежели чего не исполнено, то строжайше отвечать буду. Представил ему о сем во всех деталях. Сообщил, что когда он будет мешаться в мою должность и делать преграду в исправлении оной я доложу высшему о том начальству»¹⁷⁶.

Уже 26 января 1797 г. новый гражданский губернатор обратился к своему покровителю, фавориту Павла I — Петру Васильевичу Лопухину: «Господин военный здешней губернатор вмешивается в дела ему не подлежащие и считает себя в праве генерал-губернатора, требуя от меня зависимости»¹⁷⁷. Также по словам И.Я. Селецкого, Н.М. Бердяев требовал на ревизию уголовные дела, сведения о набранных рекрутах, принимал от обывателей прошения по гражданским делам, а также принуждал городничих не подчиняться гражданскому губернатору. В центре предсказуемо заняли позицию гражданского губернатора. 19 июля 1797 г. последовал указ Павла I Сенату: «По определении в Новороссийской губернии гражданским губернатором действительного статского совет-

---

¹⁷⁵ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 235. Л. 30.

¹⁷⁶ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 147. Л. 3.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–2.

ника Селецкого повелеваем генерал-лейтенанту Бердяеву по званию его военного Екатеринославского губернатора остаться при начальстве одной только части военной на основании военного нашего устава¹⁷⁸. Однако конфликт этим исчерпан не был. Вскоре И.Я. Селецкий воспользовался прокатившимися по Новороссийскому краю крестьянскими бунтами в связи с формированием ландмилиции (род поселенных войск. — авт.).

Н.М. Бердяев объявил, что в ландмилицию могут вступить солдаты, дезертировавшие из армии, и рекруты, укрывающиеся в Новороссийском крае. Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Каховский, впоследствии сменивший на посту Н.М. Бердяева, по этому делу докладывал: «Поводом к открывшемуся неповиновению крестьян своим владельцам послужило позволение всякому являться для объявления себя беглым солдатом или рекрутом. Под видом коих некоторые, желая освободиться из подданства и быть казенными поселянами, объявляли себя таковыми ложно»¹⁷⁹. К военному губернатору в Новороссийск (Екатеринослав) «с повинной» явилось 675 человек; «кои объявили себя бывшими военносужителями и были признаны Бердяевым таковыми по одним только их показаниям без всяких справок»¹⁸⁰.

Среди желающих вступить в ландмилицию оказались помещичьи крестьяне, что давало Н.М. Бердяеву повод обвинить помещиков в укрытии дезертиров. Всего под подозрением оказалось 29 человек, с которых полагалось взыскать штрафных рекрутов. Местные землевладельцы и так испытывали существенные трудности, а лишение их крепостных могло стать тяжелым ударом¹⁸¹. Ситуацией сполна воспользовался гражданский губернатор. Он лично отправил несколько докладов А.Б. Куракину, а также помог в подготовке жалоб дворян в Сенат. 29 ноября 1797 г. Н.М. Бердяев был снят с должности, а на его место назначен М.В. Каховский. Уже после отставки военного губернатора, 24 декабря 1797 г., на имя А.Б. Куракина поступил отчет И.Я. Селецкого по этому делу¹⁸². М.В. Ка-

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 147. Л. 6–7.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 594. Л. 15.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 594. Л. 17.

¹⁸¹ Кравчук А.С. «Минувшую зиму из казны выдано 32 тысячи рублей на вспоможение». Итоги ревизии Новороссийской губернии сенаторами И.И. Кушелевым и А.И. Алексеевым. 1800 г. // Исторический архив. 2022. № 3. С. 145–147.

¹⁸² РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 594. Л. 9.

ховский подтвердил необдуманность действий своего предшественника и принял решение о необходимости проведения «подробного исследования», после которого можно приступить «к оштрафованию тех помещиков, кои самым делом откроются передержателями беглых»¹⁸³.

После отставки Н.М. Бердяеву удалось сохранить лицо, за предыдущие заслуги по службе ему были пожалованы земли недалеко от Обухова в Киевском уезде. И.Я. Селецкий вскоре получил чин тайного советника. Сам он был вполне доволен положением дел, о чем писал своей супруге: «Я здесь нашел ту страну, где меня все возлюбили и паны и простые, где разумеют мою цену, и после гордости и ругательств бывших губернаторов, а особливо Бердяева, коего имя всем тут ненавистно, почитают меня своим избавителем»¹⁸⁴. Гражданскому губернатору вполне удалось воспользоваться недовольством местных чиновников и помещиков, большинство из которых возвысились в екатерининскую эпоху и были недовольны Н.М. Бердяевым.

Таким образом, приведенные нами факты ярко иллюстрируют основные механизмы политической борьбы в губерниях Российской империи в годы правления Павла I. Высшие бюрократы стремились задействовать широкий спектр методов для оказания давления на своих оппонентов. Активно использовалось покровительство патронов, предпринимались попытки выявления злоупотреблений по службе и предание их огласке. Также в борьбу вовлекалось местное общество, при помощи которого готовились жалобы на имя императора и в Сенат.

---

¹⁸³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 594. Л. 17–18.

¹⁸⁴ Сенатский архив. Т. 1: Именные указы императора Павла I. СПб: тип. Правительствующего Сената, 1888. С. 11.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ОБЫЧАЕВ

Г.К. Кулдышева, Б.А. Жусупов

Исследования особенности обычного права кыргызов, генезис его формирования и развития является одним из актуальных вопросов современной теории и истории права Кыргызстана. Поскольку на основе историко-правовых и теоретических анализов наука восполняет определенные пробелы, тем самым расширяет область исследований.

Необходимо отметить, что историко-правовое исследование правовых сторон общественной жизни кыргызского народа находится в зародышевом состоянии. Историко-правовые исследования имеют ряд проблемных моментов. К этим проблемным моментам, как правило, относятся отсутствие письменной формы фиксации правового регулирования на конкретном этапе исторического развития и полноты его содержания. Также оно связано с определенными трудностями исследования конкретного исторического периода, наравне с отсутствием письменных документов, нахождением документированных источников в других странах (Россия, Казахстан, Узбекистан).

Некоторые вопросы обычного права кыргызов исследованы в контексте прав кочевых народов Средней Азии, совместно с обычным правом казахов и с точки зрения буржуазных или коммунистических доктрин¹⁸⁵.

Праву наряду с другими социальными нормами сопутствует регулирование общественных отношений, складывающихся в обществе, а также защита и обеспечение прав и свобод как основной функции права.

Право как социальный регулятор общественных отношений отличается своим предметом и методом регулирования. Отсюда следует, что не все общественные отношения могут быть объектом правового воздействия. Некоторые из них, иными словами, имеют устоявшийся типовой характер, отличаются своим потенциальным отражением и попадают под государственно-правовое регулирование.

---

¹⁸⁵ Жусупов Б.А., Кушбаков Ч.З. Некоторые демократические формы уголовного преследования в обычном праве кыргызов // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам LXVI междунар. науч.-практ. конф. № 10 (60). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 47–51.

Среди общественных отношений немаловажное место занимают правовые отношения. То есть теоретически оно определяет способ правового воздействия, их сочетание в зависимости от отношений, возникающих с целью воздействия на соответствующие общественные отношения.

Именно поэтому одной из важнейших задач правовой теоретической науки является формирование, разработка, изменение и дополнение правовых актов в сфере регулирования общественных отношений в соответствии с условиями настоящего времени.

Известно, что в истории кыргызского народа общественные отношения обычно регулировалось обычным правом и не часто фиксировалось в письменных источниках¹⁸⁶.

Обычное право — это совокупность обычных норм и правил поведения. Оно возникло в период разрушения раннего коллективного общества и создания частной собственности.

Обычное право характерно для родоплеменного общества. Его нормы изменялись и адаптировались в соответствии с условиями жизни общества. Обычное право кыргызов действовало до середины XIX в.

Дошедшие до нас документальные источники не дают сомневаться в справедливости этих обстоятельств. Отсутствие специальных исследований в системе обычного права очевидно и порождает актуальность проведения целевых научных исследований в данной сфере. Исследования в данной области наглядно свидетельствуют о том, что большинство ученых-юристов в процессе изучения делали упор на общие вопросы норм обычного права, отдавая предпочтение другим отраслям науки. Поэтому требуется разработка новых концепций, соответствующих проводимой государством политике декриминализации, проведение фундаментальных исследований, совершенствование нормативно-правовых актов в правоприменительной деятельности.

Следует отметить, что в советский период многие пласты общественных отношений регулировались административными методами. В теоретико-правовой науке она была ограничена административным доминированием.

Несмотря на упор в исследовании обычного права в советский период с теоретико-правовой точки зрения административно-политических и сословных отношений, ряд научных работ открыли путь к его самостоятельному изучению

---

¹⁸⁶ Жусупов Б.А. Становление уголовно-исполнительной политики в Кыргызстане // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам LVIII междунар. науч.-практ. конф. № 2 (53). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 137–142.

как объекта науки. Обычное право в полной мере не изучено в теоретической юридической науке.

К числу ученых, исследовавших историко-правовые аспекты обычного права кочевых народов, можно отнести известных исследователей Ч.Ч. Валиханова, Н.Я. Гродекова, К.П. Кауфмана, И. Козлова, Н. Малышева, В. Недзвицкого, М. Терентьева, А. Чайковского и других. По мнению известного ученого Б.И. Борубашева, труды названных авторов содержат богатый эмпирический фактический материал и дают широкие возможности для историко-правовых исследований. По его мнению, систематизация обычного права создает возможность выявить некоторые основные принципы обычного права, в частности, родовую собственность на имущество, общинную ответственность за правонарушения, родоплеменные связи между правонарушителем и потерпевшим в определении степени преступления, участие племенных групп в судебных разбирательствах¹⁸⁷.

Отечественные ученые тоже не остались в стороне изучения данной проблематики. К ним можно отнести Б. Джамгерчинова¹⁸⁸, К. Нурбекова¹⁸⁹ и других. Но стоит отметить, что в трудах этих исследователей особое внимание уделялось историческим аспектам.

Здесь также уместно отметить, что изучением правовой и общественной жизни кочевых народов занимались казахстанские ученые К.А. Джиренчин, С.З. Зиманов, З.Ж. Кенжалиев, Т.М. Култелеев, Г.С. Сапаргалиев, С.С. Сартаев и другие.

Некоторые аспекты кыргызского обычного права изучались учеными прошлого века. Им можно отнести труды: В.М. Плоских «Кыргызстан-Россия. взаимоотношений (XVIII–XIX вв.)»¹⁹⁰, А.Г. Талызина «Пишпекский уезд». Исторический очерк (1855–1868). Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г.»¹⁹¹, Г.С. Загряжского «Юридический обычай киргизов о различных родах состояний им присвоенных»¹⁹², С.М. Абрамзона «Очерк

---

¹⁸⁷ Борубашев Б.И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855-1917 гг.) (Историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... доктора юридических наук. Б., 2009. С. 9.

¹⁸⁸ Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М. 1959. С. 265–268.

¹⁸⁹ Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. Ч. 2. Фрунзе, 1970. С. 73.

¹⁹⁰ Плоских В.М. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): сборник документов и материалов. Б., 1998. С. 176.

¹⁹¹ Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855–1868) // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. Т. 2. Верный, 1898. С. 37–38.

¹⁹² Загряжский Г.С. Юридический обычай киргизов о различных родах состояний, им присвоенных. Санкт-Петербург, 1876. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. С. 45.

культуры киргизского народа»¹⁹³, Ч.Ч. Валиханова «Избранные произведения»¹⁹⁴, Г. Бардашева «Сведения о дикокаменных киргизах»¹⁹⁵, Т.М. Культелеева «Уголовное обычное право казахов»¹⁹⁶ и др.

Особый вклад в изучение киргизского обычного права внесли отечественные ученые С.К. Кожоналиев «Суд и уголовное обычное право киргизов»¹⁹⁷, Б.И. Борубашев «Государственно-правовое регулирование общественных отношений киргизов в составе Российского государства» (1855–1917)¹⁹⁸. Указанные работы имеют большое научно-теоретическое и практическое значение.

Одной из наиболее сложных задач исследования обычного права является то, что оно не имело четких рамок отграничения различных правовых деликтов. Кыргызское обычное право содержало элементы определенных составов правонарушений даже при отсутствии четких ограничительных признаков «преступления» и «гражданского правонарушения».

Один из исследователей обычного права киргизов Д. Туранов пишет: «У киргизского народа есть неразвитые по содержанию и форме представления о гражданско-правовых и уголовно-правовых неправдах, строго разграниченных юристами обычного права киргизов»¹⁹⁹.

Этой точки зрения придерживается и Ю. Россель. Он отмечает, что «одной из наиболее характерных черт обычного права является то, что оно не отделяет гражданские правонарушения от уголовных деяний, так как ко всем преступлениям относятся взаимные отношения — цель наказания состоит в удовлетворении потерпевшего»²⁰⁰.

Отечественный исследователь С.К. Кожоналиев пишет, что «уголовное право киргизов в целом не ограничивало четко преступления и правонарушения, а признавало преступление опасным для общества деянием, защищающим интересы господствующих классов»²⁰¹.

---

¹⁹³ Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа». Ф., 1946. С. 23.

¹⁹⁴ Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. Алма-Аты, 1958. С. 473.

¹⁹⁵ Бардашев Г. Сведения о дикокаменных киргизах // Туркестанские ведомости. 1970. 7 декабря. С. 17.

¹⁹⁶ Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Аты, 1955. С. 62.

¹⁹⁷ Кожоналиев С.К. Суд и обычное уголовное право киргизов. Ф., 1963. С. 43.

¹⁹⁸ Борубашев Б.И. Указ. соч. С. 9.

¹⁹⁹ Туранов Д. Обычное право киргизов // Киргизская степная газета. 1900. № 43. 5 ноября. С. 2.

²⁰⁰ Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. № 6, 7.

²⁰¹ Кожоналиев С.К. Указ. соч. С. 43.

Несмотря на свою примитивность, кыргызское обычное право служило механизмом регулирования общественных отношений в конкретную историческую эпоху.

Изучение генезиса обычного права в национальном законодательстве является одним из важнейших вопросов отечественной правовой науки на сегодняшний день. Истоки национальных правовых актов, их формирование и развитие влияют на формирование и развитие действующих правовых актов.

Стоит отметить, что некоторые нормы обычного права нашли свое место в действующих правовых актах современного Кыргызстана.

Обычное право кыргызов диалектически взаимосвязано с развитием общественных процессов. В то же время патриархально-феодалная направленность общественной жизни наложила свой отпечаток не только на формирование обычного права кыргызов, но и на правовые традиции Средней Азии и других кочевых народов.

Пренебрежение к изучению исторических закономерностей в развитии законов современного демократического общества с точки зрения современного права не только усложняет регулирование общественных отношений, но и создает противоречивые взгляды в обществе.

Общественные отношения очень сложны и сопровождаются быстрыми изменениями в соответствии с требованиями современных реалий, меняется их сущность и предназначение. Ориентация на создание правового государства заранее предопределяет сущность и характер регулирования общественных отношений.

Исследования генезиса любой области права имеют большое влияние на дальнейшее совершенствование развития права. Мы полагаем, оно связано с несколькими факторами;

- во-первых, прежде всего, историко-правовое исследование дает возможность определить объективные и субъективные факторы возникновения данного правового явления;
- во-вторых, она определяет эволюцию внутренней и внешней связи различных правоотношений;
- в-третьих, историко-правовое исследование выявляет основные закономерности развития правового регулирования;
- в-четвертых, дает возможность рецепции некоторых правовых положений в современное правотворчество.

СВОЕОБРАЗИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСКОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА

М.Х. Матаева

Казахское право является культурной ценностью, наследием тюркоязычной кочевой цивилизации. Право формировалось в рамках правовых воззрений и жизнестойкости нормативов кочевой цивилизации и сменявших друг друга кочевых и полукочевых объединений, тюркских государственных образований и народов территории Казахстана. Казахское право сформировалось намного раньше казахского государства и самих казахов как этнической общности. Ее основные источники формировались на протяжении веков, были выстраданы в зависимости от естественно-природных условий, окружавших казахский народ, и свидетельствовали об их отношении к природе, обществу и к другому человеку. Это своеобразная культурно-историческая обычно-нормативная система и культурные традиции Великой степи.

«Обычным правом» зачастую называют действующее право в странах «третьего мира». Обычное право довольно сложное, многостороннее, отличается от правовой системы, состоящей из санкционированных государством законов, это первоначальный тип правовой системы. Отличие заключается в их социально-политическом смысле, содержании, внешней форме, методах регулирования.

Казахское право является одной из культурных ценностей, продуктом и наследием тюркоязычной кочевой цивилизации. Оно формировалось в рамках кочевой цивилизации, складывалось на базе сменявших друг друга на протяжении многих столетий правовых воззрений и жизнестойких нормативов кочевых и полукочевых объединений тюркских, а иногда и нетюркских государственных образований и народов, населявших территорию Казахстана. Казахское право за тысячу лет своего развития вобрало в себя обычаи, традиции и полезные модели норм приспособленных к условиям общежития полукочевых объединений²⁰².

---

²⁰² См.: Кабжанов К. Некоторые философские проблемы обычного права казахов // Государственная независимость Центрально-Азиатских стран: итоги и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Алматы: Изд-во Центрально-Азиатского ун-та им. Д.А.Кунаева, 2001. С. 114.

Правовые понятия, принципы, институты обычного права непрерывно и последовательно развивались на протяжении веков. Каждое последующее поколение сознательно продолжало работу предыдущего. Нормы обычного права не применялись и исполнялись непосредственно, они выступали как классический образец (эталон) дисциплины и порядка. Их внутреннее содержание, лежащие в их основе принципы являются основным в нормах обычного права. Принципы реализовывались без искажения их сути и содержания. Так, в области преступлений и наказаний — это принципы кровной мести и уплаты куна; в области семейно-брачных отношений — экзогамный запрет до седьмого колена включительно; в области осуществления правосудия — принципы справедливости, открытости и красноречия.

Таким образом, обычное право — это, в первую очередь, система правовых принципов, взглядов, воззрений и система норм, обеспечивающих реализацию первых. Взгляды и воззрения выступали основой порядка в казахском обществе, руководством к действию. Появление взглядов и представлений правового содержания влекло за собой возникновение принципов, наделенных соответствующей регулятивной силой.

Правовые принципы — идеи кочевников условно можно разделить на несколько групп: главный (основной) принцип, промежуточные (общие) и частные принципы. Они были между собой взаимосвязаны, определяли общую структуру правовой системы и обеспечивали ее внутреннее единство²⁰³. Главный принцип, основное требование правовой жизни кочевников: «Малым — жанымның садағасы, жаңым — арымның садағасы» («Ради жизни пожертвую скотом, ради чести пожертвую жизнью»). Этот принцип был основополагающим началом для всех сфер правовой жизни. Промежуточные (общие), частные принципы и нормы правовой системы действовали в рамках этого главного принципа и контролировались им. К общим принципам относились: «Кешірімді болу», «Сөзге тоқтау» («уметь прощать», «внимать словам»). Особенность общих принципов заключалась в том, что они выступали как связующее звено между главным и частными принципами. Частные принципы действовали в рамках своей

---

²⁰³ См.: Смагулова А. С. Казахское обычное право: принципы и их роли в регулировании отношений в обществе // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 3 (45). С. 137–141.

отрасли, укрепляли связи этой отрасли со смежными отраслями права, чем достигали цели обеспечения стабильности основ правовой жизни в целом. Особое влияние на поведение и действия человека оказывало единство принципов обычного права и лежащих в их основе взглядов с правовыми нормами и институтами. В результате этого нормы и институты обычного права получили возможность влиять на эмоциональную сферу кочевника: чувства, сердце и на весь его облик (ант беру рәсімі, қанды кек, ала жіп кесу и т.д.). В этом заключался особый секрет норм и институтов обычного права казахов²⁰⁴.

Разрешение споров и конфликтов в обществе было основной целью норм и институтов обычного права казахов. Их изначальный и главный объект — предупреждение споров и конфликтов, принятие мер к их недопущению, а в случае возникновения споров, конфликтов — их быстрое, своевременное решение на основе сложившихся в обществе представлений о справедливости и равенстве.

Регулирование, систематизация и управление общественными отношениями у кочевников осуществлялись своеобразно и заключалось в том, что регулирование и управление поведением человека еще не сформировались в функцию государства, и дело охраны и обеспечения общественного порядка не являлось деятельностью специальных органов. В таких обществах регулятивную роль играли не законы, установленные государством, а нормы обычного права. Они возникали из повседневной жизненной необходимости, «сами по себе», признавались как «правовое явление», «правовая действительность», они были «живым законом». А значит, их отличие от норм, установленных государством, заключается в том, что они не нуждались в специальном правотворчестве государства, не зависели от него.

Социально-экономическую и политическую историю казахского общества невозможно изучать изолированно от обычно-правовой системы, в которых отразились особенности развития общественных отношений, структуры хозяйства и быта, уровень мышления народа. Обычно-правовые нормы — неотъемлемая часть, органический элемент истории казахского общества. Являясь регулятором общественных отношений, обычное право не только служило их потребностям, но и отражало черты, глубоко присущие им. На ранних этапах развития обычай

---

²⁰⁴ См.: Кенжалиев З.Ж. Көшпелі қазақ қоғамындағы дәстүрлі құқықтық мәдениет. Алматы, 1997. С. 22.

и традиция совпадали с правосознанием, следовательно, в обычном праве содержатся элементы общественной идеологии — «модель мира» определенной общины. Человек с детства усваивал свод предписанных норм поведения, объем своих прав и обязанностей, положение личности в коллективе и собственное место в социальной иерархии.

Под влиянием движущих сил общественного развития, социальных причин и мотивов, в особенности отношений собственности, обычно-правовые нормы и институты начали приобретать дополнительные, качественно иные свойства. По этой причине они стали играть неоднозначную роль в общественной жизни, приобрели двойственность, противоречивость в регулировании социальных связей. Поэтому обычное право по своему составу было неоднородным.

В обычном праве казахов сохранялись нормы и целые институты, корни которых уходят в глубокое историческое прошлое, что не позволяет зачастую отличить позднейшие его нормы от древнейших. Например, древнейший институт кровной мести, который не был полностью изжит из общественной жизни казахов, несмотря на утвердившийся в обществе принцип выкупа (куна).

Вопросы имущественной ответственности занимали доминирующее положение в структуре обычного права казахов. Нарушения признанных общественных норм, в том числе и нравственных, связывались с несением имущественной ответственности, которая имела множество вариантов и форм (аип, тогуз, кун).

Казахское обычное право не знает деления противоправных действий на гражданские деликты и преступления. Оно не применяло жестоких мер наказания, широко распространенных во многих средневековых восточных странах и характерных для сословно-представительной и абсолютной монархии. Наоборот, в обычном праве казахов было немало норм, поощряющих коллективизм, общность прав, сохранились демократические начала, формы и институты, распространявшиеся на хозяйственные, внутриаульные, бытовые, семейные и политические отношения. Разрешение споров и конфликтных ситуаций, судебное разбирательство обязательно предполагали состязание в красноречии. Зачастую тот, кто был более красноречив, оказывался правым и достаивался почестей. Поэтому владение словом было одним из критериев при подборе представителя интересов аульной общины и рода.

Гласность, простота и состязательность судебного процесса, участие в нем представителей сторон, использование силы общественного мнения как средства исполнения судебных решений, отсутствие таких уголовных наказаний, как лишение свободы, заключение в тюрьму и др., характеризуют обычно-правовую систему казахов. Такое демократическое своеобразие казахского обычного права, включающее гласность, простоту и состязательность судебного процесса, участие в нем представителей сторон, использование силы общественного мнения как средства исполнения судебных решений, отсутствие жестоких уголовных наказаний подчеркивало его особенности и неразвитость. Обычное право казахов развивалось, обогащалось и под воздействием инациональных правовых систем соседних государств, с которыми так или иначе контактировало казахское общество. И все же местные народные обычаи были основными источниками обогащения и развития правовой системы Казахстана. Этому способствовали как неразвитость законодательной функции ханской власти в Казахстане, так и прочные позиции обычаев и обычно-правовых норм во внутренней жизни крестьян-скотоводов.

Родившись в рамках кочевой цивилизации, казахское обычное право вообрало в себя многие ценностные черты человеческих мечтаний и человечности той эпохи²⁰⁵. Будучи особым творением человеческой культуры, оно по праву может и должно занять достойное место в мире исторически значимых правовых систем. Основным источником казахского обычного права является веками создававшийся и совершенствовавшийся устный обычный «адат», который постоянно видоизменялся. Выделяют три источника казахского обычного права:

- 1) обычай («адат» или «зан»);
- 2) практику судов биев («бийдын билиги»);
- 3) положение съезда биев («ереже»).

«Адат» (адет) означает обычай народа, включает в себя обычное право в виде юридических норм входит в «адат» и составляет его концентрированное выражение. Решения наиболее авторитетных и знаменитых биев («бийдын билиги»), судебные приговоры становились обязательными для решения аналогичных дел судебного прецедента права.

---

²⁰⁵ См.: Кенжалиев З.Ж. Көшпелі қазақ қоғамындағы дәстүрлі құқықтық мәдениет. Алматы, 1997. С. 22.

«Ереже» были другой формой правотворческой деятельности судей (биев). Это были положения, принимаемые судами биев о том, какими именно нормами обычного права они будут руководствоваться при рассмотрении определенных судебных дел. Эти руководящие постановления сами затем становились источником права. Таким образом, нормы обычного права постоянно пополнялись и совершенствовались в процессе судебной деятельности ханов, султанов и особенно биев.

«Жеты жаргы» — это уложение, в котором систематизировались обычаи и другие правовые памятники, собирались и интерпретировались известными знатоками бийских установлений и решений, становились достоянием сказителей, хранителей сказаний и обычаев, пропагандировались идеологами, аксакалами. «Жеты Жаргы» состояло из семи разделов и разрешало споры в семи сферах общественной жизни:

- земельные тяжбы;
- споры из-за вдовы;
- споры из-за куна;
- воспитание детей и брачные отношения;
- ответственность за преступления;
- межродовые споры;
- обеспечение национальной безопасности.

В материалах по казахскому обычному праву, опубликованных Семипалатинским областным статистическим комитетом в 1886 г., сказано следующее: «Киргизы не различают деяний преступных, безнравственных и религиозных. Все эти категории проступков сливаются у них в одну группу деяний: совершаемых человеком по злой воле, вследствие подстрекательств злого духа, шайтана, который безусыпно старается принести человеку какой-либо вред, то, истребляя скот, то, причиняя боли и огорчения, то, наконец, направляя его деятельность на худые поступки»²⁰⁶.

Практика суда биев дополняла и уточняла нормы обычного права и являлась важным формообразующим источником права, но эта практика суда биев

---

²⁰⁶ Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования / под ред. академика С.З. Зиманова. Алматы, 2001. С. 29.

до XIX в. не оформлялась в письменном виде, что открывало возможности для любых решений в правоприменительной практике.

У казахов почти до XIX в. вместо понятия «преступление» (кылмыс) употреблялись понятия «дурное дело», «дурное поведение» («жаман іс», «жаман кылып»). Преступлением в обычном праве казахов считалось нанесение преступником материального и морального ущерба потерпевшему, т.е. понятие преступления почти не отличалось от гражданского правонарушения.

Принцип возмездия по талиону хотя и был принят «Жеті Жарғы», но постоянного применения не находил. В случаях убийства или же другого нарушения обычного права, все вопросы ответственности казахи решали в частном порядке, договаривались между собой. Поэтому вместо требования наказания по принципу талиона потерпевшие имели право требовать с преступника материального возмещения за причиненный ущерб, уплатив «кун» или выкуп крови. Это была плата за убийство виновными и освобождала от кровной мести²⁰⁷. Кроме индивидуальной ответственности существовала коллективная.

До присоединения Казахстана к России применялись такие основные виды наказания:

- смертная казнь;
- телесные наказания;
- позорящие наказания;
- «кун» (выкуп за убийство);
- «айып» (штраф);
- отдача в рабство;
- выдача обидчика в услужение потерпевшему;
- выдача обидчика на произвол потерпевшего или его родственников;
- конфискация у обидчика всего имущества;
- изгнание обидчика из общины.

Детально разработанным наказанием за проступки и преступления был «айып» — штраф, который выплачивался обидчиком потерпевшему за материальный и моральный ущерб. По «Жеті Жарғы» ответственность несет только физическое лицо, и никто другой.

---

²⁰⁷ См.: Фукс С.Л. Обычное право казахов в ХУІІІ — І пол. ХІХ века. Алмата: Наука, 1981.

Относительно возраста субъекта преступления тоже существуют разные мнения. Одни считали, что ответственность за совершенное преступное деяние наступала с 13 лет, опираясь на поговорку тех времен: «В 13 лет человек — хозяин своего очага». В других исследованиях говорится: «К наказанию за преступления плетью полагается мужской пол с 13 лет, а женский пол с 9 лет от роду, не достигших же тех лет, наказывают розгами, но вообще с малолетних никаких исков не взыскивается». В материалах по казахскому обычному праву указывается, что «при наказании лета подсудимого в соображение не принимаются». Таким образом, возраст преступника принимался во внимание в особых случаях и при явном малолетстве, а также в зависимости от тяжести совершенного преступления, но конкретного определенного возраста уголовной ответственности не было установлено.

В тексте «Жеті Жарғы» и других первоисточниках о казахском обычном праве нет однозначных ответов на вопросы относительно лица, совершившего преступное деяние, т.е. о вменяемости и возрасте, а также о том, что преступление может совершить только человек, что однозначно вытекает из смысла закона. Это объясняется тем, что обычное право по своей природе очень резко отличается от законного, т.е. писаного права. Будучи не установленным законом, обычное право фактически соблюдается²⁰⁸.

Таким образом, своеобразием казахского обычного права являются такие особые черты:

- закрепление многих патриархальных, родовых обычаев, правил (например, обязательство о взаимопомощи сородичей);
- большое количество пережиточных правил и институтов (барымта и др.);
- слабое разграничение понятия уголовного преступления и гражданского правонарушения;
- относительная неподвижность обычного права.

---

²⁰⁸ См.: Ахметова Н.С. Обычное право как система права кочевого казахского общества // Вестник КарГУ. 2005. С. 115–119.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕВРАЗИЙСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Р.Ф. Набиев

В октябре 2021 г. исполнилось 300 лет принятия Петром I титула «император» и звания «отца отечества»²⁰⁹. Тема образования Российской империи актуальна не только «круглой датой», но и тем, что «имперская матрица»²¹⁰ является примечательной особенностью организации социума государств Северной Евразии. Практическая значимость и актуальность настоящего проекта определяется также конъюнктурой мировой политики, характеризуемой, в частности, успешным противостоянием руководства современной России попыткам низведения ее до уровня зависимого национального государства. Важнейшим элементом устойчивости РФ в современных условиях является всемерная поддержка, которую оказывают ей евразийские страны и в первую очередь среднеазиатские страны СНГ.

Благодаря опоре на эту поддержку Российская Федерация сегодня уверенно позиционируется на международной арене как единственная супердержава, способная возглавить процесс евразийского объединения и противостоять международным деструктивным силам. Противники вновь уважительно называют ее «империей». Эти и некоторые иные обстоятельства придают особый символизм теме обретения страной государственно-правового имперского статуса в начале XVIII в. и рассмотрения долговременных тенденций имперского развития северной Евразии.

---

²⁰⁹ Акт поднесения государю-царю Петру I титула императора всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества // Полное собрание законов Российской империи. СПб: Тип. СЕИВК, 1830. Т. 6. № 3840. С. 444–446.

²¹⁰ Определение «матрица» применительно к регулярной повторяемости социальной структуры ввела в научный оборот С.Г. Кирдина, концепт «имперская матрица» считает возможным применять В.Г. Немировский.

Развитие имперских традиций автор рассматривает на основе мир-системного подхода²¹¹, в рамках которого мы придаем особое внимание концепту «Североевразийская мир-система»²¹². Ее зарождение было обусловлено нарастающими контактами наиболее древних очагов цивилизаций: Средиземноморской, Дальневосточной и, особенно, среднеазиатской МС²¹³. Междивизиационные связи многократно усилились после доместикации коня и создания колесных транспортных средств^{214,215}.

Рис. 1. Схема взаимодействия основных цивилизационных центров после приручения коня и изобретения колеса

Использование концепта СЕМС в качестве основного метода в ходе ретроспективного рассмотрения проблемы генезиса имперских традиций на территории современной Российской Федерации и стран СНГ способно выявить новые интересные закономерности развития государственности. В частности, мир-си-

²¹¹ Одно из наиболее компактных определений мир-системы звучит следующим образом: «...своего рода суперсистема, которая объединяет в себе много других систем, таких как государства, негосударственные общества, различные социальные, пространственно-культурные и политические образования вроде цивилизаций, союзов, конфедераций...». См.: Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы / отв. ред. Д.М. Бондаренко. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

²¹² Далее «СЕМС». Подробнее см.: Набиев Р.Ф. Булгарский вопрос и концепция отечественной истории // Национальный / социальный характер, археология идей и современное наследие: материалы всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 95–97; Набиев Р.Ф. Об одном принципиальном недостатке исторического образования: историк против национальной ограниченности // Историческая наука и образование в России и на Западе. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 17–23; и др.

²¹³ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Прологомены к краткой истории Мир-Системы // Философия и общество. 2008. Вып. 2 (50). С. 22–57.

²¹⁴ По новым данным предки современных домашних лошадей возникли на территории России. URL: www:генофонд.рф/?page_id=34663 (дата обращения: 21.10.2021).

²¹⁵ Несмотря на дискуссии по поводу среднеазиатской или восточноевропейской родины современной домашней лошади оба региона расположены в североевразийской степи [3], в которой отсутствуют естественные границы от Карпат до Байкала.

стемный подход позволяет сопоставлять черты российской державности с информацией о предшествующих евразийских державах и выявлять черты преемственности.

Сопоставив информацию о развитии государственности на территории современных стран СНГ, отметим, что все великие империи, располагавшиеся вдоль широтных североевразийских степей, можно рассматривать как различные формы и стадии единой общности народов. При этом выясняется, что культуры североевразийских империй проявляли очевидную преемственность в сфере государственного управления, логистики, языка, религиозных воззрений, письменности и статуса Великой державы. Концепция СЕМС позволяет рассматривать их в совокупности и последовательно в рамках единых макропроцессов.

Понятие мир-системы применялось к северо-евразийским территориям и до нас (Т.Д. Холл, З. Китятуллы). Однако они применяли этот концепт только по отношению к ВМИ²¹⁶. Но основной отличительной особенностью концепта «мир-система» (МС) являются особо тесные регулярные связи между несколькими цивилизациями на протяжении тысячелетий. То есть ВМИ может быть лишь этапом евразийской МС.

Следует отметить, что необходимость ухода от сугубо национального взгляда на историю осознается в разных уголках планеты. Разработка исторических концепций, охватывающих разные МС, ведется в Европе, арабских странах,

А
ф Наиболее близким к подобному подходу можно считать опыт китайской историографии, в концепции которой все варварские династии Поднебесной считаются китайскими и рассматриваются в рамках единой истории «Поднебесной Империи». У нас не принято связывать зарождение русской государственности с предшествующими империями.

---

²¹⁶ Китятуллы З. Монгольская мир-система и создание свободной торговой зоны в XIII-XIV веках. URL: <http://www.tuva/fsia/jornal/> (дата обращения: 21.09.2021); Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина и др. М.: Логос, 2000. С. 314–336; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М.: Восточная литература, 2006. С. 472–478; Холл Т.Д. Монголы в мир-системной истории // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 442.

²¹⁷ Набиев Р.Ф. Булгарский вопрос и концепция отечественной истории // Национальный / социальный характер, археология идей и современное наследие: материалы всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 95–97; Набиев Р.Ф. Об одном принципиальном недостатке исторического образования: историк против национальной ограниченности // Историческая наука и образование в России и на Западе. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 187–189.

Концепт СЕМС позволяет осуществлять примерно такое же, как в Китае, масштабное видение исторического процесса на территории России и СНГ. Реальная и неразрывная история Северной Евразии, способная соединять в хронологической последовательности культуры древних скифов и булгар, древнерусские государства с гуннским, сарматским и другими периодами. В таком случае по своей древности и значимости североевразийская общность по своей древности и значимости не уступает античной ойкумене, дальневосточной мир-системе или персидскому миру.

«Шахнаме» Фирдоуси, например, считает противостояние и взаимодействие Ирана и Турана вечным. В этой оценке древними иранскими мудрецами присутствует важный аспект: неразрывная взаимосвязь Севера и Юга, «цивилизации» и «варварства».

Нам неизвестно такое видение мира в прямой постановке в произведениях других МС (правда, сохранились косвенные следы схожих взглядов).

В сохранившихся произведениях южных цивилизаций ярко выражен антагонизм своей «цивилизации» к «северному миру» как варварскому пространству. В какой-то мере подобная позиция при оценке взаимодействия цивилизаций разделяется многими современными учеными.

Между тем исследователи макроэволюций суперсистем заметили, что в «варварской периферии» со временем формируются свои центры, которые в свою очередь оказывают влияние на более отдаленные культуры²¹⁸. Они отмечали, что для варварской периферии характерна высокая роль «внешнеполитических и экономических интересов» в отношениях с «цивилизацией» при преобладании военных «контактов».

Однако «варварологи» европейской науки не обратили внимание на то, что одним из древнейших таких центров стало среднеазиатское междуречье (с центрами в Мерве, Афросиабе, Чаче и Хорезме), которое начало формировать собственную МС. Некоторые исследователи называют эту культурную область «пятой цивилизацией» (наряду с Египтом, Вавилоном, Индией и Китаем).

Это обстоятельство имеет непосредственное отношение и к истории Российской империи, государственность которой нередко позиционируется как субъект, расположенный *между* западной и восточной цивилизациями.

---

²¹⁸ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Указ. соч. С. 275.

Например, в произведениях российской интеллигенции нередко встречается так называемый «комплекс младшего брата» по отношению к «более развитой» западной цивилизации. До сих пор встречается низкопоклонство в отношении западного «культуртрегерства». На самом деле весьма значительное (если не определяющее) количество новшеств лишь дорабатывалось на Западе и возвращалось из Европы своеобразным «культурным реверсом».

Между тем уже тысячелетия назад степное пространство превратилось из транспортного коридора, соединяющего Запад и Восток в особую общность, объединяющую народы и культуры, расположенные рядом с ним²¹⁹.

Более того, постоянно меняющаяся северная империя превратилась в экзистенциальную угрозу для южных, заставляя их постоянно совершенствовать свои государственные структуры и право.

Неоднократно в древних источниках отмечалось, что ни одна могущественная держава не была способна одержать победу и контролировать территорию Северной Евразии (современную территорию стран СНГ). Ни великая персидская держава, ни Александр Македонский, ни Цезарь, ни прославленные полководцы Китая не могли победить огромную страну, населенную *бэй-ху*, «северными варварами». То есть по существу они отмечали единство народов североевразийской державы.

Причины непобедимости североевразийской державы ученые мужи прошлого искали давно, но какой-то бесспорный критерий нашли относительно недавно — в начале XX в. Он почти мистический, но реальный и очевидный. Ядром непобедимой Евразии является территория, на которой реки текут вовнутрь континента, не стекая в Океан. Таким образом, и Кыргызстан, и Большая часть Восточной Европы относятся к этому ядру. Подробно эта идея рассматривается в теории «Хартленда» Маккиндера (*Mackinder's Heartland Theory*)²²⁰. Эта

---

²¹⁹ В настоящее время генетики заметили, что генетическое однообразие сложилось по итогам последнего ледникового максимума.

²²⁰ Mackinder H.J. The geographical pivot of history / H.J. Mackinder // The Geographical Journal. 1904. № 23. Pp. 421–437.

находка, в частности, породила идею об извечном противостоянии морских и сухопутных империй²²¹. Надо сказать, что теория Хартленда положила начало созданию ряда других, на основе которых строятся методики борьбы против СССР/России (стратегия «оранжа», «анаконды» и пр.).

Целый ряд преимущественно заграничных социологов, историков и философов рассматривали проблему российской державности через призму концептов евразийства, «восточной деспотии», отрицая реальную значимость демократических институтов для нашего общества и территории. К сожалению, тотальное идеологическое противоборство между мировыми политическими системами XX в. не позволяло отечественным ученым использовать конструктивные составляющие этих исследований, несмотря на ряд интересных результатов, достигнутых ими.

Костяком и своеобразным логистическим скелетом евразийской державы стала сеть степных и речных путей, обеспечивающая постоянные контакты и взаимодействие евразийских культур. Перекрестки этих путей стали «точками роста», где вырастали города. Узлы наиболее оживленных торговых путей порождали важнейшие торговые пункты, часть из которых становилась столицами (рис. 2). В случае рассмотрения расположения столиц «Хартленда» в хронологическом порядке выявляется многотысячелетняя закономерность: столица евразийской державы смещалась до XX в. на Северо-Запад. При сопоставлении с мировыми процессами становится очевидным, что смещение обусловлено изменением основного направления трансконтинентальных торговых путей, которое в свою очередь зависело от переноса центра европейской экономики из Средиземноморья в северную Европу.

---

²²¹ Данная теория, выдвинутая в свое время англичанами, получила развитие в работах А.А. Дугина в русле противоборства атлантистов и евразийцев. См.: Макаркин А. Политическая роль Дугина. URL: <https://www.rosbalt.ru/posts/2022/08/23/1971196.html> (дата обращения: 23 августа 2022).

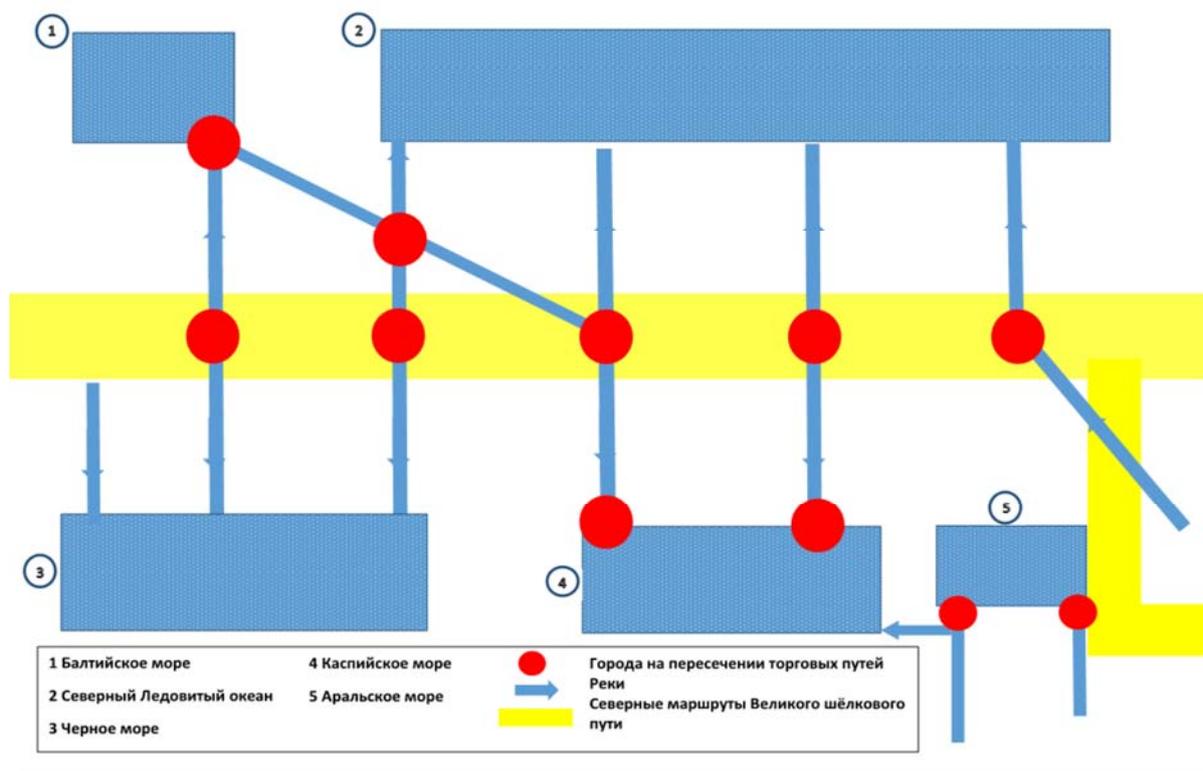

Рис. 2. Логистический «скелет» СЕМС

В связи с тем, что торгово-производственные центры Китая, Ирана и Европы периодически смещались, изменялись и торговые маршруты Евразии. Именно в этом нам видится основная причина выявленной нами тенденции смещения столиц государств «Хартленда» вдоль Каспийско-Балтийского водного пути, который до конца XVI в. имел большее значение в связи с падением в Каспий Узбоя — рукава Аму-дарьи (рис. 3, 4)²²².

²²² Набиев Р.Ф. Степной коридор и некоторые закономерности расположения столиц в северной Евразии // Восточная аналитика. 2019. № 2. С. 75–83.

Рис. 3. Карта смещения восточноевропейских столиц за последние полтора тысячелетия

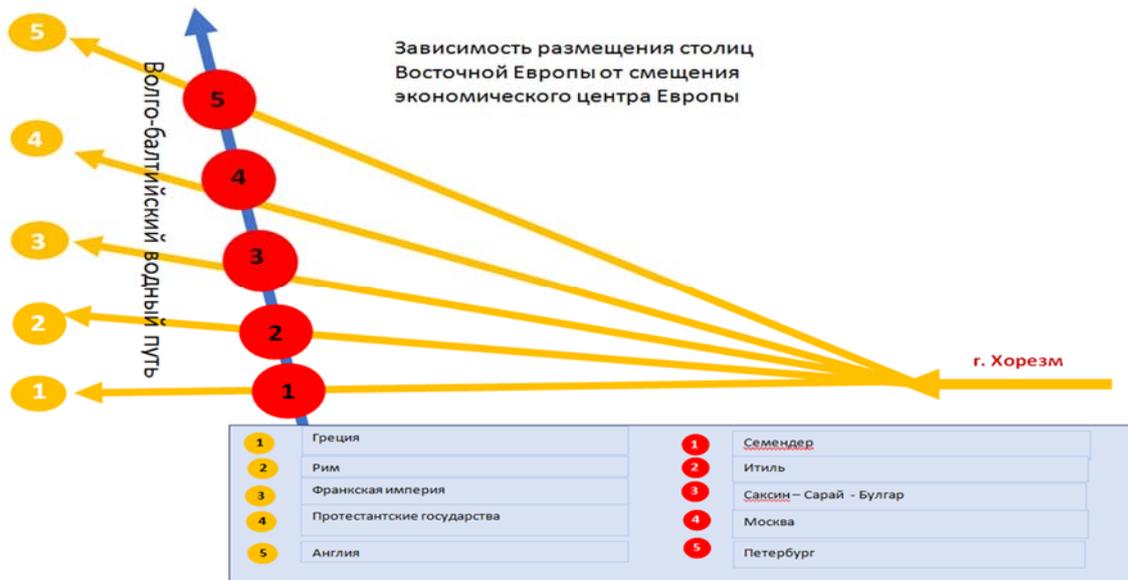

Рис. 4. Смещение экономического и политического центра Восточной Европы в зависимости от расположения доминирующей в Евразии экономики

Для нас в данном случае важнее иное, а именно то, что империи в форме так называемых «восточных деспотий» и «варварских государств» не просто существовали тысячелетиями на нашей территории, а имеют объективные предпосылки для образования и долговременного развития.

Таким образом, концепты «мир-экономика» и «мир-система» получают объективный критерий и логистическое обоснование. Причем эта логистическая система, первоначально порожденная взаимодействием южных цивилизаций, постоянно менялась и развивалась²²³, способствуя нарастанию интеграции региональных экономик.

Намеченное выше основное географическое направление распространения государственных и культурных заимствований зримо демонстрируется картой смещения имперских столиц СЕМС (рис. 3, 4).

Таким образом, вопрос преемственности имперского статуса имеет визуальный и бесспорный закономерностью, обладающей, к тому же, практической значимостью.

Возвращаясь к рассмотрению обстоятельств принятия Петром I высшего титула власти в начале XVIII в., следует обращать внимание на длительный процесс подготовки администрации к этому акту и адаптации элиты к новому положению правителя внутри страны и на международной арене.

Отечественная история обходит вниманием, как малозначимый, один прецедент, который свидетельствует о том, что идея приобретения императорского статуса витала в воздухе еще с XVII в. Причем эта идея не просто витала, а практически применялась в Московском царстве.

Зачастую обходится вниманием особая роль Ф.Ю. Ромодановского, по отношению к которому царь Петр именовал себя уничижительно и обращался к нему на практике с демонстративным почтением, как младший к старшему, как подчиненный к начальнику. Это Ф.Ю. Ромодановский патронировал государственную деятельность Петра (при том, что «старшим царем» поначалу был не

---

²²³ Например, за счет продолжения широтного пути через вырубленные леса и обмелевшее пресное Барабинское море, заставлявшее ранее обходить его центральноазиатскими путями. С начала XX века логистическая система пополнилась железнодорожным, автомобильными и воздушными путями. Информационные и финансовые ценности получили новые средства доставки: телеграф, телефон, радио, интернет. Эта логистическая сеть со временем стала оказывать существенное влияние на социум, а также привела к осознанию и необходимости дальнейшего совершенствования сети городов Евразии, что и было озвучено руководством страны в 2021 году.

Петр, а брат Иван). Ф.Ю. Ромодановский решал династийные вопросы, в том числе лично проводя следствие по делу царевича (!) Алексея Петровича.

Чрезвычайно важным представляется тот факт, что Ф.Ю. Ромодановский некоторое время напрямую непосредственно управлял страной, обладая отнюдь нешуточным титулом «князь-кесарь». Титул был присвоен ему не позднее 1697 г. Его повседневная государственная деятельность позволяла юному правителю совершать эксцентричные поступки, осуществлять длительные экспедиции и походы²²⁴, оставляя управление страной на надежного управленца²²⁵. Примечательно, что «роль Федора Юрьевича на политическом поприще не понизилась даже с учреждением Сената... так как «князь-кесарь» стоял вне и выше любых учреждений рождающейся империи»²²⁶.

Отметим, *кесарь/кайзер* — имперский титул, и наделение Ф.Ю. Ромодановского этим статусом можно оценивать в качестве прецедента и даже «генеральной репетиции» перехода страны на новый уровень европейской политики. За четверть века до официального принятия титула «император» легитимным правителем страны.

Следует заметить, что и ранее Московский царь Алексей Тишайший вплотную подошел к абсолютизму, подавив местничество и подчинив боярскую думу. Еще дальше по пути «петровских реформ» пошел Федор Алексеевич, введя в частности придворную одежду западного типа в 1682 г.²²⁷ Даже образец европейской организации жизни города — «городок Кукуй» был создан задолго до реформ Петра. Следует отметить, что ряд историков военного дела обращали внимание на более ранние этапы процесса реформ европейского типа²²⁸.

Если рассматривать генезис имперских амбиций исключительно в рамках Московской государственности, то весьма примечательно, что они начали проявляться ещё в период подчиненности этого княжества Империи Джучидов («Золотой Орде»). В этом отношении обращает на себя внимание чередование имен

---

²²⁴ Второе посольство в Европу Петра I длилось два года, причём во время Северной войны!

²²⁵ Примечательно, что Фёдор Юрьевич имел мусульманскую фамилию и восточную внешность. Не был ли он Чингисидом? Это обстоятельство многое объясняло бы в его отношении с царской фамилией и боярами. Напомним, что именование его Рюриковичем бездоказательно.

²²⁶ Каким был «князь-кесарь» Ромодановский. URL: <https://zen.yandex.ru/media/cyryllitsa.ru/kakim-by-l-kniazkesar-romodanovskii-oberpalach-petra-velikogo-5e5f79e4f848ee31c818192c> (дата обращения: 15.08.2021).

²²⁷ ПСЗ. Полное собрание законов Российской империи. Т. II. СПб., 1827. 1561 с.; Иванов Н. Стрелецкая власть // Загадки истории. 2014. С. 26-27.

²²⁸ Обручев Н.Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до военного искусства в России, по 1725 г. СПб: Типография К. Крайя, 1854. 155 с.

московских правителей: *Иван* и *Василий*. Отметим при этом Василий — это греческо-византийский император *Василевс/Базилевс* (*Βασιλεύς*)²²⁹.

При этом не исключено, что антропоним *Иван* также не являлся лишь именем личным, а был титулом или званием (следы такого применения термина фиксировались в маргинальных диалектах русского языка). Системность и регулярность применения этих имен-титулов в период обретения суверенитета обращает на себя внимание в свете рассматриваемой темы.

На имперскую власть претендовал уже Иван III, приняв герб Палеологов, такой же, как у Великих ханов. Иван IV принял древний восточный титул «царь». Заметим, Московская митрополия выходит из подчинения Константинополю уже в первой половине XIV в., не приняв условия унии с Римом, более того, после падения Константинополя в Московском княжестве поднят на щит лозунг «Москва — третий Рим». Затем Иван IV принял древний восточный титул «царь».

Традиционно считается, что болгаро-славянский титул «царь» является дериватом римского термина «цезарь» и в официальный русский лексикон был привнесён из Византии. Однако несмотря на то, что титул *царь* в церковнославянской традиции применялся к правителям Византии, сами себя они именовали себя *василевсами* и *цезарями*, а титул *царь* в русской традиции применялся и к правителям восточных держав²³⁰.

Заметим, в «именах» правителей «восточных деспотий» Древнего мира этот титул достаточно надёжно фиксируется на тысячелетия раньше Гая Юлия Цезаря. В наше время далеко не все историки знают, что подлинные имена правителей были недоступны для населения — древнее табу. В официальном обращении находились титулы, эпитеты и лозунги правления. Именно в качестве таких эпитетов мы принимаем «имена», содержащие формант *сар/шар* (обозначавший изначально солнце).

Непредвзятое сопоставление этого форманта в «именах» правителей древности, позволяет заявить, что вектор заимствования титула имел основным направлением распространения вектор Восток — Запад. По имеющимся источ-

---

²²⁹ Весьма примечательно в этом отношении, что наследник Ивана III Василий был сыном от гречанки Софьи Палеолог. Василий — прямой потомок Василевсов.

²³⁰ И даже «*цесаря татарьскогого*» в подлиннике Лаврентьевской летописи. В печатных вариантах — «царь». См.: Лаврентьевская летопись. URL: http://expositions.nl.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения: 26.08.21).

никам фиксируется последовательность движения из Месопотамии (*Навуходонасор, Тиглатпаласар, Салманасар* и др.) через Среднюю Азию и Кавказ (*Саргон, Саросий*²³¹, *Сардури*) в сарматскую и болгарскую культуры, аварский *Сарир*.²³² Более того, этот евразийский титул в его девальвированном виде сохранился и в Западной Европе (*сэр, сир, сержант/sergeant*), причем в комплекте с другими, менее значимыми восточными титулами и званиями (*бальи/байле/баил, бар/барон, латы...*). Он сохранился и у некоторых народов Восточной Европы *иньясор, хансор, мокшазаров* (мордва), *сархан* (азерб.).

Если обратить внимание на то, что сменяющихся *цезарей* в Древнем Риме было несколько, утверждение о том, что Рим принял имперскую титулатуру с Востока, кажется вполне оправданным. Особенно учитывая характерную для того времени тягу к заимствованию с востока культов (*Изиды, Митры, Христа*) и ценностных установок.

Выделение царского форманта *цар/сар* в «именах» правителей древности позволяет фиксировать имперские амбиции древнейших правителей Ближнего и Среднего Востока. Таким образом, следует признать ошибочной широко распространенную версию о том, что титул имперского уровня *сар* (царь) был заимствован в качестве искажения имени *цезарь*. Широко известный титул *цезарь* (*caesar*) вероятнее всего является альтернативным прочтением титула *кесар*, в котором в препозиции угадывается формант *ка*, такой же, как и в другом восточном титуле *каган* (*kagan*), придающая термину смысл 'царь царей', 'шах-ин-шах'. К тому же во всемирной истории действует иная закономерность: титул со временем превращается в имя (*Василий, Ка́роль/Ка́рола, Улугбек* и пр.).

Таким образом, православный титул *царь* имеет более глубокие корни чем «император»²³³, и фиксируется в «именах» правителей до-римских империй, образно демонстрируя наличие своеобразной имперской «матрицы».

Возвращаясь к исходному положению о принятии Иваном IV древневосточного титула «царь», следует отметить примечательный факт непосредственной передачи царской власти, путем возведения на московский престол казанского хана Симеона Бекбулатовича²³⁴.

²³¹ Правитель алан *Саросий* < 'царь осиев'.

²³² Этот вектор заимствования мы отмечали еще в 90-е годы.

²³³ Напомним, что изначально *империум* в Риме означал лишь временные властные полномочия, которыми наделялись должностные лица для решения конкретных важных задач.

²³⁴ Примерно также оценивал этот акт Дональд Островски: Ostrowski D. Simeon Bekbulatovich's Remarkable Career as Tatar Khan, Grand Prince of Rus', and Monastic Elder / D.Ostrowski // Russian

Чего добился он, прикрывшись верховной властью хана Чингисида? Московский престол отныне стал царским. Причем буквально — в Оружейной палате демонстрируются несколько восточных тронов, один из которых, безусловно, должен быть казанским. Можно считать, что процесс передачи статуса великой державы был осуществлен демонстративно и легитимно, в полном соответствии с нормами геральдики и международного права.

Претензии великорусских правителей на титул «царь» предполагали статус восточной (абсолютной) империи²³⁵, а также правопреемственность от восточно-римских базилевсов. Но «Священная Римская империя» не признала равенства титулов «царь» и «император»: «коллективный Запад», разрушивший Византию, (и заимствовав герб палеологов) не пожелал признавать за Москвой уровень, равный германским императорам, предлагая Ивану IV девальвированный уровень «короля». Руководители православных стран не приняли подобной дипломатической диверсии.

Отметим, что непосредственной предшественницей русской державности была Империя Джучидов, и она, безусловно, отвечала всей совокупности критериев, предъявляемых к статусу империи в империологии²³⁶.

Наряду с титулом *царь* в славянских землях сохранялись и другие титулы, звания, институты и черты, перешедшие сквозь века и «Золотую Орду» из предшествующих евразийских империй. Например, титулы (*каган, баяр, тархан, тиун, жупан, батыр, ясаул...*), таможенная и ямская службы и оборудованные маршруты сезонных кочевков (ставшие городами), расположение крупнейших торгово-экономических центров (ойконимы типа *торг/тырг, хотан/хотин/хутень* и др.) отмечаемых еще со времен гуннов... Московская держава переняла и многие иные черты древних империй.

Кроме того, в числе значимых и известных признаков «имперской матрицы» можно отметить денежную систему, четырехчленную систему территориального управления, кремль, «шапку Мономаха», двуглавого орла «русскую тройку» и т.д.

History. Vol. 39 (2012). No. 3. Pp. 293–295. Примечательно, что некоторые бояре рассматривали возможность выдвижения Симеона на трон, и с ними боролся за трон другой потомок Чингисидов — Борис Годунов.

²³⁵ По сравнению с «классическими» восточными империями Римская империя выглядит лишь как относительно удачная копия, своеобразная реплика. Причем со времени заимствования их системы организации, управления и религии.

²³⁶ Набиев Р.Ф. Исторические источники о государственно-правовом статусе Империя Джучидов // Общество и право. 2011. № 3. С. 37–45.

Обретению бесспорного имперского статуса петровской Россией предшествовали не только Московское царство и Империя Джучидов, но и более древние государства: каганаты (империи) хазар, аваров и гуннов ... Так, франкский Людовик II в переписке с византийским императором Василием I обсуждал допустимость признания имперского статуса за аварами, хазарами, булгарами ...²³⁷. Византия и Рим платили дань не только гуннам, но и булгарам и аварскому каганату, правители которых порой меняли императоров.

Выводы. В ходе ретроспективного анализа информации о макроэволюции евразийских держав в рамках СЕМС выявляется ряд закономерностей, не определяемых в рамках национальных историй.

Исходя из вышеизложенного, автор считает возможным утверждать, что природно-климатические условия Северной Евразии способствуют созданию крупного государственного образования, позволяющего эффективно использовать преимущества обширного «вмещающего ландшафта».

Государственно-правовой статус, аналогичный европейской империи, принимался в прошлом державами Северной Евразии неоднократно. Процессу обретения императорского титула Петром I непосредственно предшествовало принятие правителями Московии древнего титула «царь» и «кесарь», соответствовавшее более позднему западноевропейскому «император».

Статус империи был органически присущ евразийской государственности и логически обусловлен ее предшествующим развитием, а провозглашение Московского царя императором и обретение Московским царством статуса империи не было лишь произволом и авантюрным решением Петра I, а результатом длительного поступательного развития североевразийской общности в целом, и великорусской государственности в частности.

---

²³⁷ Послание франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/drevnjaja-rus-v-svete-zarubezhnyh-istochnikov-tom-4/2 (дата обращения: 26.08.21).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ: ОПЫТ И ПРАКТИКА ПРИНЯТИЯ

Ш. Нурерке

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии представляет собой выполненный на современном уровне объемный и сложный нормативно-правовой акт, по понятным причинам требующий преодоления многих трудностей.

Новый УПК Монголии (далее — УПК) был утвержден Великим Государственным Хуралом Монголии в мае 2017 г. Он вступил в действие с первого июля 2017 г.²³⁸ Арест подозреваемого, предусмотренный УПК Монголии 2002 г., претерпел значительные изменения. В проекте нового УПК Монголии, опубликованном 13 мая 2016 г., такая мера процессуального принуждения как арест подозреваемого вообще отсутствовала. Однако данный проект не был принят Парламентом²³⁹.

Новый юридический текст также содержит информацию о других проблемах прав человека. Например, в нем впервые содержится определение пытки, которое в целом отражает те, которые изложены в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Исходя из этого необходимо:

а) в целом высказать мнение, что УПК Монголии — это единый правовой акт, основанный на едином правовом подходе, стройной системе принципов и системной юридической технике;

б) обратиться к некоторым вопросам Общей части и отдельных стадий монгольского уголовного процесса.

Ниже используются следующие критерии, то есть исходные положения анализа, либо предпосылки:

---

²³⁸ УПК Монголии // Государственная информация. 2017. № 23. URL: <https://legalinfo.mn/mn> (дата обращения 10.02.2022)

²³⁹ Официальный сайт Парламента Монголии. URL: www.parliament.mn (дата обращения: 11.02.2022).

а) соответствие уголовно-процессуального законодательства Монголии общепризнанным принципам и нормам международного права, а также Конституции страны;

б) степень явного или неявного отражения в тексте УПК Монголии состояния современной уголовно-процессуальной мысли в широком смысле слова (доктрины, мнения, в целом содержания профессионального и общего дискурса);

в) адаптированность уголовного процесса к реалиям контроля за преступностью, к состоянию уголовной юстиции, мотивации отдельных субъектов уголовно-процессуальных отношений, вписанность в ту или иную уголовно-процессуальную систему.

Это, разумеется, не полный перечень критериев и сама их реализация в процессе анализа УПК — далеко не простая задача. Однако с их помощью можно в какой-то степени приблизиться к построению некоторого общего для международного общения языка и к возможности получения согласованного мнения.

Относительно первого критерия, то есть соответствия международно-правовым принципам и нормам и Конституции Монголии. Вначале можно сослаться на Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, основополагающие документы ООН и другие источники международного права. Сопоставление с этими источниками является сложной задачей. Следует указать, что УПК Монголии полностью соответствует международным правовым принципам и нормам, в частности, крайне важному требованию честного ведения процесса — устанавливает право не отвечать на отягощающие лицо вопросы (ст. 6)²⁴⁰.

В целом УПК Монголии действительно находится на уровне международно-правовых стандартов именно потому, что в его систематике, принципах и отдельных институтах соблюдаются выработанные международным сообществом требования. В сложных условиях международного развития актуален вывод о том, что стремление к соответствию уголовно-процессуального законодательства международным требованиям не должно ограничивать суверенитете страны. В данном случае этого не происходит и в УПК Монголии, соблюдается должное уважение собственных национальных интересов. Так, в Российской Федерации введение суда присяжных рассматривается как несомненный прогресс.

---

²⁴⁰ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (с изменениями на 24 июня 2013 года) URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.02.2022).

Возможно, это и правильно, но известны правовые системы, как, например, ФРГ, в которых суд присяжных отсутствует.

Проблема соответствия УПК Монголии Конституции страны — в самом УПК, как можно судить, решается весьма интересно. В ст. 2 УПК Монголии текстуально устанавливается, что уголовный процесс в пределах Монголии осуществляется на основе Конституции и уголовно-процессуального кодекса, затем по ч. 8.3 запрещается применение законов, противоречащих Конституции, а по ч. 8.4 устанавливается обязанность суда, если он считает какой-либо подлежащий применению закон противоречащим Конституции, обращаться в Верховный суд, который в случае согласия с запросом передает его в Конституционный Суд²⁴¹.

Таким образом, УПК Монголии содержит в себе достаточно развернутые предписания, позволяющие реально, а не только на уровне научной теории, обеспечить конституционность уголовно-процессуального и соотносимого с ним законодательства.

Есть основания считать, что нормы УПК Монголии соответствуют Конституции страны, что, как и в любой уголовно-процессуальной системе, наиболее очевидным образом проявляется в перечне принципов уголовного процесса и их содержании, извлекаемом в процессе толкования и применения соответствующих норм. Можно указать прежде всего на ст. 7-18 УПК Монголии, впрочем, как и на многие другие.

О втором критерии, то есть учете в тексте УПК состояния профессионального и общесоциального, уголовно-процессуального дискурса. Проблема состоит прежде всего в том, что Уголовно-процессуальный кодекс, как и иной правовой акт такого масштаба, должен, с одной стороны, отражать позитивно или негативно проверенные, полно или неполно, даже такие профессиональные суждения, которые во многих случаях посторонним наблюдателям могут казаться ненужными, вредными, даже странными. С другой — УПК должен восприниматься адресатами уголовно процессуальных норм, то есть субъектами, на которых он может распространяться. Соответственно, законодатель должен избегать профессионального сленга.

---

²⁴¹ УПК Монголии // Государственная информация. 2017. № 23. URL: <https://legalinfo.mn/mn> (дата обращения: 10.02.2022).

УПК Монголии, насколько можно судить по его тексту, решает эти трудности. Он находится на уровне происходящих в различных странах современных социально-правовых, то есть сущностных дискуссий, в ходе которых возникает и постоянно с учетом профессиональных интересов и возможностей исследуется напряженность между различными требованиями общества, направленными, с одной стороны, на обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, несмотря на распространенный ригоризм, а с другой — на ограничение права государства, органов правоохраны на насилие, на минимизацию насилия, что обычно выражено неявно, но отчетливо.

Относительно третьего критерия, то есть адаптированности УПК к условиям применения. Проблема состоит в том, чтобы предписания уголовно-процессуального закона были выполнимы, что обеспечивается их понятностью, непротиворечивостью и технологичностью. Принятие УПК РФ, в частности, вызвало, например, проблему отсутствия процессуальных средств проверки заявлений и сообщений о преступлении, многие неясности и психологические трудности повлекли отказ от возможности направления уголовного дела на следствие из судебного заседания.

Представляется, что если оценивать собственно текст УПК Монголии, можно сделать вывод, что он проработан достаточно тщательно.

Вместе с тем разработчики УПК Монголии, законодатель понимают, что в процессе применения этого закона еще встретится масса трудностей. Возникнет, вероятно, много ситуаций, которые будут как корректировки действующего УПК Монголии для более эффективного осуществления целей и задачи уголовного процесса.

Наконец, о вписанности в систему уголовного процесса. Здесь рассматривается два вопроса. Во-первых, соотношение с тем, что весьма условно соответственно именуется континентальным и англосаксонским процессом; во-вторых, с исторической развитостью данной национальной системы. Вслед за ним можно подтвердить, что в УПК Монголии представлен все же континентальный уголовный процесс, который можно определить как смешанный, прагматический, но нецелесообразно относить к состязательному. Полагаем, что выбор законодателя верен и исторически это наиболее правильное построение действующей уголовно-процессуальной системы.

Итоговая оценка УПК Монголии такова: он представляет собой, по нашему твердому убеждению, нормативно-правовой акт, соответствующий международным стандартам и Конституции. УПК Монголии разработан на высоком нормативно-техническом уровне, то есть с должным использованием арсенала юридических средств. В нем определенно выражены правовые предписания и это обеспечивает их возможно более единообразное применение. УПК реально способен определять практику уголовного процесса, действия всех субъектов, на которых он распространяется. Порядок судебного производства определен осознанно, технически в целом удачно, и он достаточно хорош для достижения целей уголовного процесса Монголии, что подтверждается на протяжении ряда лет его применения.

Основания ареста подозреваемого по УПК Монголии 2002 г.²⁴² были установлены ст. 58 УПК Монголии. В соответствии с ней подозреваемый подлежит аресту, если он попытался скрыться, либо есть достаточные доказательства подозревать его в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Новый УПК Монголии 2017 г. более подробно регламентирует основания ареста подозреваемого. Нормы об этом были помещены в часть 6 УПК Монголии «Дознание и предварительное следствие» в главу 31 УПК Монголии «Предварительное следствие». Предусматривается два вида оснований: основания ареста подозреваемого с разрешения суда (ст. 31.4 УПК) и без разрешения суда (ст. 31.5 УПК). Они регулируются самостоятельными статьями. В каждой из них законодатель предусматривает перечень сведений, которые необходимо установить для обоснования принятия соответствующего решения²⁴³.

Подводя итог изложенному выше, можно констатировать, что основаниями ареста подозреваемого являются имеющиеся в уголовном деле доказательства, которые свидетельствуют о том, что подозреваемый и обвиняемый может скрыться от предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

---

²⁴² УПК Монголии 2002 года (утратила силу 2017 года) URL: <https://legalinfo.mn/mn> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁴³ Новый УПК Монголии 2017 года (действующий). URL: <https://legalinfo.mn/mn> (дата обращения: 10.02.2022).

ВЛИЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РОССИИ НА ОБЫЧНЫЕ НОРМЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XIX–XX ВВ.

Т.А. Нурматов

В процессе присоединения Кыргызстана к России можно выделить два этапа. Первый этап связан с добровольным принятием российского подданства племенами Северного Кыргызстана (50–60-е гг. XIX в.), второй — с завоеванием царской Россией Южного Кыргызстана (70-е гг. XIX в.). Со второй половины XIX в. главной политической линией, проводимой Россией в отношении Кыргызстана, было усиление контроля над регионом и в целом укрепление своих позиций в Средней Азии. Следовательно, в развитии взаимоотношений были заинтересованы как кыргызская, так и российская сторона. Переговоры велись на правовой основе — путем обмена грамотами, послами и депутациями; заключения соглашений, в которых подробно описывались права и обязанности сторон, и официальным, торжественным принятием присяги верности; административно-правовое устройство региона в рассматриваемый период изменялось по мере подчинения отдельных его частей России²⁴⁴.

Вплоть до 60-х гг. XIX в. в Кыргызстане действовали нормы обычного права кыргызов, регулирующие патриархально-феодальные отношения. Обычное право было весьма устойчивым, так как развивалось не путем отмены старых норм и принятия новых, а путем толкования его источников и дальнейшего совершенствования основных институтов адата. Царское правительство, считая для себя невыгодным ломать эти правовые нормы кыргызов, старалось приспособить их для осуществления своей колониальной политики. Одновременно с санкционированием кыргызского обычного права на территории Кыргызстана распространялись отдельные общеимперские законы, которые ограничивали, а в некоторых случаях отменяли действие норм обычного права.

Нормативные акты Российской империи, действовавшие на территории Туркестанского генерал-губернаторства, можно разделить на две группы:

- 1) общеимперские;
- 2) специальные, то есть изданные только для генерал-губернаторства²⁴⁵.

---

²⁴⁴ Борубашов Б.И. История государства и права Кыргызской Республики: учебник. Т. 1. С древнейших времен до начала XX в. Б., 2015. С. 265.

²⁴⁵ Шушкова М.Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2016. С. 219.

К общеимперским законам относились все те законы, которые действовали на территории всей империи и ее колоний, в том числе и в Кыргызстане. Общеимперские законы дополнялись и уточнялись указами Сената, Военного министерства, Министерства внутренних дел, приказами генерал-губернатора и военных губернаторов. Посредством применения этих законов царское правительство регулировало экономические, земельные, общественные и духовные отношения кыргызского народа.

Специальными нормативными актами и положениями регулировались отдельные вопросы управления (судебные, хозяйственные, налоговые) в Туркестанском генерал-губернаторстве. Их издание было обусловлено тем, что на основе общеимперских законоположений нельзя было разрешить многие специфические вопросы, связанные с оперативным управлением.

К специальным нормативным актам, определявшим административно-территориальное устройство, структуру органов управления, суда и финансово-экономические порядки, в Кыргызстане относились следующие: «Временное положение об управлении Туркестанской областью» 1865 г.; «Проект положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей от 11 июля 1867 г.», «Положение об управлении Туркестанского края от 2 июня 1886 г.»; «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г.», Указ российского императора Александра II о ликвидации Кокандского ханства и образовании Ферганской области от 19 февраля 1876 г.²⁴⁶

11 июля 1867 г. «Указом Именным данным Сенату» было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Указом устанавливались основные принципы административно-территориального, общественного и государственного устройства образованного генерал-губернаторства. Согласно положению, управление Туркестанского края, за исключением установлений и лиц, принадлежащих судебному, финансовому, контрольному, учебному и почтово-телеграфному ведомствам, находилось в ведении Военного министерства.

В отличие от Временного положения 1867 г. Туркестанское Положение 1886 г.²⁴⁷ устанавливало прямые выборы местной администрации, в которых принимали участие не выборщики, а все кибитковладельцы аульного общества.

---

²⁴⁶ Высочайше утвержденное «Временное положение об управлении Туркестанской областью». 6 августа 1865 г. // ПСЗ-П. СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1: 1865 год. № 42 372. С. 876–881.

²⁴⁷ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета «Положение об управлении Туркестанского края». 12 июня 1886 года // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 6. Отд. 1. 1886 г. СПб., 1888. № 3814. С. 321.

В положении были уточнены функции волостного съезда, волостного управителя и аульных старшин. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. является наиболее полным и подробным документом среди всех остальных положений такого рода. Оно регламентировало основные жизнеобеспечивающие системы края — административную, налоговую, земельную, судебную систему. Положение имело большое значение для формирования новой государственно-административной системы управления Кыргызстаном, для объединения кыргызского народа и прекращения междоусобной борьбы, а также для защиты местного населения от нападений со стороны более сильных государств. Один из специальных документов — «Правила для руководства на чрезвычайных периодических съездах для разбора взаимных претензий кыргыз Семипалатинской и Семиреченской областей по делам, подлежащим ведению этих съездов», утвержденные 18 августа 1884 г. степным генерал-губернатором²⁴⁸.

Изучение специальных нормативно-правовых актов Российской империи позволяет определить административное устройство Кыргызстана и государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе России. Со временем влияние российского законодательства на социально-политическую жизнь кыргызов усилилось, вызывая серьезные изменения норм обычного права²⁴⁹.

В нормах обычного права кыргызов регулярно использовались поговорки и пословицы, в которых закреплялась система установленных обычно-правовых норм, определявших место, роль и статус биев, руководителей родов и племен, норм должного поведения и правовые понятия, которые широко применялись в данных источниках обычного права²⁵⁰.

Исследование источников обычного права, а именно постановлений (эреже) кыргызских биев, народных поговорок и пословиц позволило провести систематизацию брачно-семейных отношений кыргызов²⁵¹.

Одной из форм правотворческой деятельности биев можно назвать разрабатываемые ими положения — эреже. До вхождения в состав России, прежде чем

---

²⁴⁸ Литвинов В.П. Административная ссылка по приговорам народных судов Русского Туркестана // Вестник РУДН. История России. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-sсылka-po-prigovoram-narodnyh-sudov-russkogo-turkestana>

²⁴⁹ Литвинов В.П. Кочевники Туркестана в системе административной ссылки при царизме (по архивным и правовым материалам) // Вестник КРСУ. 2011. Том 11. № 2. С. 81–86.

²⁵⁰ Айдарбекова Г.Б. Правовая культура в Киргизии: истоки и современное состояние // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-v-kirgizii-istoki-i-sovremennoe-sostoyanie>.

²⁵¹ Тегизбекова Ж.Ч. Регулирование брачно-семейных отношений кыргызов по обычному праву. БИШКЕК: Изд-во КРСУ, 2015. С. 9.

созвать дуван, на съезде биев, родовых начальников и других влиятельных лиц всех споривших родов и племен выработывали проект соглашения(эреже) о том, какими именно нормами обычного права на съезде следует руководствоваться при рассмотрении определенных судебных дел. Эти устные эреже вступали в законную силу после окончательного одобрения родоправителей и влиятельных лиц обеих сторон, превращаясь в один из источников права. Систематизация обычного права кыргызов осуществлялась на чрезвычайных съездах — судах высшей инстанции, которые рассматривали жалобы на решения волостных судов, разбирали огромное количество уголовных и гражданских дел. После получения циркуляра в нем указывались время и место проведения чрезвычайного съезда. Волостные управители обязаны были представить людей с исковыми заявлениями по конкретным делам.

Толкователями норм обычного права выступали судьи — бии. В кыргызском обществе существовала поговорка: «У честного судьи нет родни, а у судьи, имеющего родню, нет совести», в которой выражается требование к судье быть беспристрастным²⁵².

На гуманистическое содержание и демократизм обычного права кыргызов обратил внимание Ч. Валиханов. В своих трудах он подчеркнул: «... обычное право кыргызов по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например, мусульманское, китайское и русское по Русской правде. В киргизских законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У кыргызов телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответственны за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы»²⁵³.

Таким образом, в кочевом обществе кыргызов существовали государство и право со своими вполне зрелыми демократическими институтами власти и управления, развитой системой правосудия и законности. Здесь отсутствовала классическая форма рабства, субъектами правового поля являлись в равной мере все члены общества. Все это свидетельствует о довольно высоком уровне правовой культуры кыргызского народа, сложившемся на протяжении веков.

---

²⁵² Постановление Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении Концепции повышения правовой культуры населения Кыргызской Республики на 2016–2020 годы» от 14 марта 2016 года № 122. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/98361/10?cl=ru-ru>

²⁵³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 4. С. 94.

К ИСТОРИИ ХАНСКОГО ПРАВОСУДИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ: МОЗАИКА КАЗУСОВ — МОЗАИКА ИСТОЧНИКОВ

Р.Ю. Почекаев

Современное состояние исследований по истории Золотой Орды позволяет специалистам обращаться к изучению довольно специфических ее аспектов — в частности, к истории суда и процесса в Улусе Джучи. Большинство исследователей этой сферы правоотношений рассматривают такие вопросы, как структура органов, осуществлявших правосудие, и система источников, на основе которых осуществлялся суд, однако, как правило, не анализируют конкретные примеры судебных разбирательств²⁵⁴.

Автор статьи в течение ряда лет занимается проблемами суда и процесса в тюрко-монгольских государствах, уделяя основное внимание именно конкретным судебным делам, разбиравшимся на основе монгольской имперской правовой традиции, т.е. ханами и назначавшимися ими судьями. Применительно к Золотой Орде ему удалось обнаружить и проанализировать некоторое количество дел и на основе полученной информации сделать определенные предварительные выводы об особенностях судебного процесса в Золотой Орде, его стадиях, статусе участников, системе доказательств и особенностях принятия судебных решений²⁵⁵.

Подобный анализ оказался возможен благодаря тому, что источники содержали достаточно подробную информацию о таких судебных делах. Однако

---

²⁵⁴ Сапронова Ю.В., Ярошенко У.А. Суд и правосудие в Золотой Орде // Академия педагогических идей. Новация. 2018. № 6. С. 698–706; Шургучиев О.С. Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 28. 2016. № 6. С. 128–134; Шургучиев О.С., Лиджиева И.В. К проблеме судостроительства в Золотой Орде // Universum: Общественные науки: электронный научный журнал. 2017. № 4 (34). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4700>; Жумаганбетов Т.С. Улус Джучи. Государственная организация и правовые отношения в XIII–XV вв. (Тюрко-кыпчакские политические и правовые традиции в средневековой монгольской государственности). Алматы: Жеті Жарғы, 2020. С. 321–325.

²⁵⁵ Почекаев Р.Ю. Крымские торговцы против Венеции: историко-правовые и процессуальные аспекты тяжбы 1350-х гг. // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 1. С. 51–66; Почекаев Р.Ю. «Им покрыли головы и переломили спины»: историко-правовые аспекты прихода к власти золотоордынского хана Токты // Сарыарка и Алтын Орда: время и пространство: материалы Международной конференции, посвященной 750-летию основания Золотой Орды. Караганды, 23–25 октября 2019 года. Караганды: Б. и., 2019. С. 14–24.; Pochekaev R.Iu. From supreme judge to arbitrator: Conflict of Rus' princes under the Golden Horde khans' trial (case studies) // The Routledge Handbook of the Mongols and Central –Eastern Europe / Ed. by A.V. Maiorov and R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 249–266.

в ряде исторических памятников присутствуют довольно краткие сообщения о примерах ханского правосудия, не позволяющие реконструировать ход разбирательства в целом, поскольку содержат сведения преимущественно о самих фактах принятия ханами тех или иных решений в отношении подвластных им лиц и порой лапидарные сведения историко-процессуального характера.

Тем не менее автор полагает, что этими сведениями ни в коем случае не следует пренебрегать, поскольку их анализ существенно дополняет наши представления о суде и процессе в Золотой Орде, разнообразии категорий дел, которые разбирались ханами из дома Джучи, участниках этих разбирательств, вариантах ханских решений относительно их судьбы — причем даже не всегда по итогам официальных судебных разбирательств с соблюдением всех необходимых процессуальных требований. В настоящей статье рассматривается несколько примеров таких кратких сообщений, ценность которых автор видит как в разнообразии самих казусов, упоминающихся в источниках, так и во множестве самих источников, содержащих ценные сведения, касающиеся суда и процесса в Золотой Орде.

Первый из казусов — рассмотрение Бату правителем Улуса Джучи, спора о престолонаследии между двумя грузинскими царевичами — Улу Давидом, сыном царя Георгия IV Лаши, и Давидом Нарини, сыном царицы Русудан, по инициативе которой, собственно, и произошло само обращение к Бату как сюзерену Грузинского царства. В силу особенностей сложившейся политической ситуации золотоордынский правитель не счел возможным сам разрешить этот спор и отправил претендентов на трон в Каракорум, где его должен был рассмотреть новоизбранный хан Гуюк. Естественно, сведения об обращении царевичей содержатся в грузинском источнике — «Анонимном хронографе» XIV в.²⁵⁶, но факт их обращения к Бату и последующей поездки в Каракорум нашли отражение и в свидетельствах иностранных современников — папского посла Иоанна де Плано Карпини²⁵⁷ и армянского хрониста Киракоса²⁵⁸. Несмотря на то, что джучидский правитель в данном случае не довел разбирательство до конца, передав

---

²⁵⁶ Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / пер. состарогруз. Г.В. Цулая. Вып. I. Текст. М.: Б.и., 2005. С. 48–50.

²⁵⁷ Плано Карпини И. де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина; коммент. А.А. Горского, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; вступ. ст. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М.: Ин-т Дальнего Востока, 2022. С. 182.

²⁵⁸ Киракос Гандзакечи. История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. С. 180–181, 194–196.

дело в «высшую инстанцию», казус представляет интерес как наиболее ранний из известных прецедентов обращения вассальных правителей к Джучидам как своим сюзеренам — равно как и последующей отправки их на ханский суд в Каракорум: в дальнейшем Бату аналогичным образом поступил с русскими князьями Александром и Андреем Ярославичами и с сельджукскими султанами Изз ад-Дином Кей-Кавусом II и Рукн ад-Дином Килич-Арсланом IV²⁵⁹.

Второй казус (вернее, набор казусов) связан с судьбой русских князей, которые в разное время были казнены по воле правителей и ханов Золотой Орды. Автор статьи детально проанализировал сообщения русских летописей о разбирательстве дел князей, закончившихся из казнью, которым летописцы уделили подробное внимание — в частности, Михаила Черниговского (1246) и Михаила Тверского (1319)²⁶⁰. Однако целый ряд источников содержит краткие сообщения о смерти других князей, следовавших в период с 1246 по 1339 г. В отдельных случаях в нашем распоряжении имеются сведения других источников, содержащих дополнительные сведения — например, Карпини сообщает, что в 1246 г. в ставке Бату был убит черниговский князь Андрей Мстиславич за угон у монголов лошадей²⁶¹. Согласно летописцу, Дмитрий Михайлович Тверской был казнен в 1326 г. за то, что убил в ставке хана Узбека своего противника — Юрия Даниловича Московского; однако нет никаких сведений о причине казни одновременно с ним другого князя — Александра Семеновича Новосильского²⁶². В 1339 г. брат и преемник Дмитрия Тверского, Александр Михайлович, также был казнен по приказу Узбека вместе со своим сыном княжичем Федором, причем летописцы уделяют немало места этому сюжету. Однако ни причин казни (кроме того, что хан был «гневен» на князя), ни деталей разбирательства дела в летописях не содержится: большая часть обширных летописных пассажей представляет собой шаблонное агиографическое описание готовности князя (впоследствии причисленного к лику святых) к казни, отказа от бегства и т.д.

---

²⁵⁹ Романив В.Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 93–95.

²⁶⁰ Почекаев Р.Ю. Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2022. С. 169–200.

²⁶¹ Плано Карпини И. де. Указ. соч. С. 135–136; Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. XVIII. стб. 31

²⁶² Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 200; Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 190.

О казни в Орде целого ряда князей — рязанских Василия Константиновича (1308) и Ивана Ярославича (1327), Федора Ивановича Стародубского (1330) летописцы сообщают одной фразой²⁶³. А казнь в ханской ставке Василия Дмитриевича Курского (сер. 1280-х гг.), Сергея Александровича Новосильского (1326) и Ивана Путивльского вообще упоминается в единственном источнике гораздо более позднего происхождения — Любецком синодике конца XVII в.²⁶⁴. Тем не менее, как представляется, эти сведения заслуживают внимания, поскольку позволяют сделать вывод, что казнь вышеупомянутых князей, которым посвящены подробные сведения, не являлась каким-то исключением, и суд над русскими вассалами имел место не только во времена Бату и Узбека, но и других ханов — судя по хронологии, Туда-Менгу и Токты. И, принимая во внимание дела Михаила Черниговского и Михаила Тверского, а также упоминание о причинах предания суду и казни князя Андрея Мстиславича, мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что эти казни князей не были проявлением внезапного ханского гнева, а стали результатом судебных разбирательств и вынесения обвинительных приговоров.

Краткие, но весьма любопытные сведения содержат ряд источников об обстоятельствах гибели Ногая — всесильного золотоордынского временщика последней четверти XIII в., который вступил в борьбу со своим же ставленником ханом Токтой и погиб. Согласно восточным летописям, Ногай был убит русским воином из ханского войска. И если Рашид ад-Дин ограничивается лишь констатацией этого факта²⁶⁵, то арабские авторы Рукн ад-Дин Бейбарс, ан-Нувайри и Ибн Халдун сообщают также о судьбе самого убийцы²⁶⁶. Согласно их сведениям, Токта, узнав о том, что русский воин убил Ногая после того, как тот назвался, приказал казнить убийцу, сформулировав обвинение так: «Простой народ да не убивает царей!»²⁶⁷. В самом деле, судьбу Чингизида должен был ре-

---

²⁶³ Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 176, 194, 203.

²⁶⁴ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПбизд-во: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. С. 27.

²⁶⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 86.

²⁶⁶ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПбизд-во: Изд. графа С.Г. Строганова, 1884. С. 114, 159–160, 383.

²⁶⁷ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. С. 383.

шить семейный совет членов его рода, но никак не простой воин. Факт, что преступник не был предан суду и официально приговорен к смерти, а казнен тут же, по-видимому, можно объяснить тем, что Токта находился в походе и, следовательно, осуществлял правосудие быстро и единолично — подобные примеры «упрощенного судопроизводства» нам удалось найти и в судебной практике других джучидских государств²⁶⁸.

Совершенно лапидарное сообщение, присутствующее всего в одном источнике, дало основание исследователям сделать вывод о том, что в 1339 или 1340 г. хан Узбек разбирал дело не более и не менее как о покушении на собственную жизнь. Речь идет о послании римского папы Бенедикта XII золотоордынскому хану, датированным 17 августа 1340 г., в котором глава католического упоминает о том, что «несколько подлых людей» намеревались убить Узбека и даже осадили его в собственном дворце, который к тому же подожгли. Из дальнейшего текста письма следует, что в этом преступлении были обвинены католики, пребывавшие в ханской ставке, однако после судебного разбирательства лишь трое из них были признаны виновными, остальных же хан отпустил²⁶⁹. Современные исследователи предлагают собственные версии этих событий²⁷⁰, однако поскольку других источников, сообщающих о данном событии, в нашем распоряжении не имеется, то единственный вывод, который мы можем сделать, — дело о покушении на хана разбиралось им самим, и он уделило большое внимание доказательствам, что позволило ему не привлечь к ответственности невиновных, на которых «стремились ложно возложить... совершение этого преступления».

И последнее из кратких сообщений о ханском правосудии, привлекшее наше внимание в рамках настоящего исследования — это расправа с неким Мамат(Мухаммад)-Ходжой, который именуется в русских летописях царевичем,

---

²⁶⁸ Почекаев Р.Ю. Вместо казни — в штрафбат? Заметка о правосудии хана Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы VI Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30–31 октября 2020 г.). Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2020. С. 80; Почекаев Р.Ю. Кого могли и кого не могли судить Гирей? К истории суда и процесса в Крымском ханстве // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. 2021. С. 770.

²⁶⁹ Юргевич В. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 1003.; Хаутала Р.В. землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 516.

²⁷⁰ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 40–42.

т.е. представителем ханского рода, в 1358 г. Судя по контексту летописных сообщений, он занимал важное положение при дворе хана Бердибека и по его приказу был направлен в русские земли, чтобы разрешить спор о границах между Московским и Рязанским княжествами, что он и сделал, правда, при этом допустив характерные для ордынских послов на Руси грабежи и насилия. Однако именно в это время до него дошли известия из ханской ставки, что его обвинили в том, что он убил «царева любовника», т.е. ханского фаворита. Не предпринимая попытки доказать свою невиновность, Мамат-Ходжа попытался найти убежище в отдаленном «Орначе», т.е. Ургенче — столице Хорезма, отдаленного улуса Золотой Орды, однако ханские гонцы его настигли и там и умертвили²⁷¹. Надо полагать, что в данном случае речь идет не об убийстве без суда, а об исполнении приговора, вынесенного «заочно», в отсутствие обвиняемого, поскольку летописцы упоминают, что его обвинили в том, что он совершил «коромолу велию», т.е. тяжкое государственное преступление. Таким образом, это летописное сообщение позволяет сделать вывод и о такой форме осуществления судебного разбирательства в Золотой Орде.

Итак, мы имели возможность убедиться в том, что даже краткие сообщения разнообразных источников о примерах ханского правосудия в Золотой Орде могут представлять большую ценность. В самом деле, речь шла о таких делах как спор вассальных правителей за престол, обвинение и казнь вассалов — русских князей, преступления против хана (Узбек), его родственников (Ногай) и приближенных («любовник» Бердибека). Все эти категории дел являлись важными, поэтому неудивительно, что именно сами ханы принимали их к рассмотрению и решали судьбу участников процесса.

Как мы отметили в начале статьи, источники, содержащие сведения о проанализированных казусах, весьма разнообразны, среди них — арабские, персидские, кавказские исторические сочинения, свидетельства европейских (Иоанн де Плано Карпини) и кавказских (Киракос Гандзакечи) современников, русские летописи и даже послание папы римского. Впрочем, далеко не во всех случаях мы

---

²⁷¹ Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. XVIII. Стб.67.; Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 230.

имеем возможность обратиться к источникам разного происхождения для проверки и подтверждения извлеченных сведений о ханском правосудии. Пожалуй, только первый из рассмотренных казусов содержит информацию, присутствующую в исторических памятниках разного происхождения — записках католического дипломата Карпини, летописи армянского автора Киракоса Гандзакеци и более позднего Анонимного грузинского хронографа. Несколько разнятся сведения об обстоятельствах убийства Ногая в «Сборнике летописей» персидского автора Рашид ад-Дина и трудах арабских ученых Бейбарса, ан-Нувайри и Ибн Халдуна (причем два последних вполне могли опираться на сочинение первого, передав его информацию своими словами). Сообщения же о казни в Орде русских князей и убийстве Мамат-Ходжи содержатся в русских летописях, составители которых, как известно, постоянно опирались на сведения своих предшественников. Дело же о покушении на хана Узбека вообще представлено только в одном источнике — папском послании хану, хотя и заслуживающем доверия в силу высокого уровня этого документа и статуса его адресанта и адресата.

Тем не менее повторим, мы считаем, что проанализированные сведения имеют немалую ценность в рамках изучения суда и процесса в Золотой Орде и позволяют существенно расширить наши знания и представления о категориях дел, подлежащих ханскому суду, и о формах, в которых Джучиды реализовали свои судебные прерогативы.

Также нельзя не обратить внимания на то, что практически все рассмотренные казусы имели место в «западной» части Золотой Орды и, соответственно, нашли освещение преимущественно в источниках, созданных либо в западных вассальных владениях Улуса Джучи, либо в иностранных государствах, также располагавшихся к западу от этого государства. Полагаем, что в источниках, созданных в государствах, расположенных к востоку от золотоордынских владений (преимущественно тюрко-язычных, но также, возможно, персоязычных и китайских), тоже могут содержаться сведения, касающиеся отправления ханами-Джучидами правосудия в своих владениях. Соответственно, они могут существенно дополнить сведения, полученные ранее и в результате анализа, проведенного в настоящей статье.

ФЕНОМЕН КОЧЕВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОЙ НАУКЕ

Б.Т. Токтобаев, Г.Б. Айдарбекова

В условиях усиливающейся глобализации в XXI в. не только политики, но и исследователи озабочены вопросами принадлежности постсоветских государств к определенной типологии цивилизаций Востока или Запада, которая соответствовала бы их ментальной составляющей, выбору интеграции в политической, культурной, экономических сферах.

Определение выбора вектора развития является важнейшим фактором будущего развития конкретного государства. Отсюда актуальными становятся проблемы становления и развития различных форм государственности и крайне важным является выбор современным исследователем общих подходов к изучению природы государственности.

В этом плане для этого выделим идеологический и методологический аспекты.

Известно, что теория и история типологии государственности западных стран строилась в соответствии с формационным подходом, в соответствии с которым в западных формах государственности в эпоху феодального типа государства главенствует частная собственность на землю у феодала-сюзерена, замок, его владения и подчиненные ему вассалы, очень важна была и фамилия сюзерена.

Именно феодалом (от лат. «feudum») земли, пожалованные вассалу сюзереном (сеньором), осуществлялись на условиях несения вассалом службы в пользу сюзерена. Так можно в самых общих чертах охарактеризовать основные принципы государственности на Западе. Исходя из такого подхода формировались идеи о государственности у К. Маркса и Ф. Энгельса.

В формационной теории существования государственности К. Маркс и Ф. Энгельс и их последователи в основном обращались к способу производства античных государств и современным им европейским государствам. Ученые не проявляли интереса к природе восточных обществ, за исключением Индии и Китая, которым они не могли пренебречь, учитывая их колониальную сущность развития.

Особое место уделялось Российской империи, считавшейся как бы последователем европейского пути развития государственности, конечно же, за исключением «окраин» России.

О кочевой форме государственности на Востоке все же были упоминания Ф. Энгельса в письме к К. Марксу, где отмечая уникальность истории Востока Энгельс писал, что «социальные движения на Востоке, быстрое возникновение больших городов в древности и в более поздние времена объясняется именно вторжением больших масс завоевателей — кочевников»²⁷².

Отсутствие частной собственности на землю, географические и климатические условия на Востоке, считали они, являлись основным фактором развития социальных явлений.

Как видно, из нашего поверхностного краткого анализа речи о «кочевой государственности» у К. Маркса и Ф. Энгельса, а впоследствии и у В.И. Ленина нет. Хотя эти же социальные движения Востока они характеризуют как «азиатский способ производства».

И сегодня в науке истории государства и права наличествуют проблемы в определении — к какой формации должны отнести «азиатский способ производства».

«Азиатский способ производства» ничем не отличался от феодализма, поскольку и уровень производительных сил и способ извлечения и распределения прибавочного продукта в них был одинаков»²⁷³.

Цивилизационный подход к государственности вообще предполагает, что в отличие от материалистической, формационной теории государственность развивается по различным путям, а не идет по общему.

Цивилизация (от лат. «civilis» — гражданский, общественный) — это возможность определения исторического пути развития конкретной формы государственности (в нашем случае — кочевой) через представления человека определенной эпохи о культуре, общественной жизни, о традиционных ценностях.

Имеется в виду концепция цивилизационного подхода, которая более объективна и шире, чем формационный подход. Тут подключаются духовно-нравственные, культурные факторы в развитии конкретной государственности.

---

²⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Энгельс-Марксу (26 мая 1853г). Т. 28. М.: Полит. лит., 1962. С. 209–210.

²⁷³ Илюшечкин В.П. Система внешнеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970.

Малоизученность теории кочевой государственности как раз и заключается в том, что жесткая, устоявшая конструкция формационной теории не дает возможности исследовать более объективно и широко богатство духовно-культурной, цивилизационной сущности государственности кочевой Евразии, найти свое справедливое и достойное место в общемировой тенденции истории развития государств²⁷⁴.

Тем не менее, на наш взгляд, возможна универсализация формационного и цивилизационного подходов при исследовании той или иной формы государственности. Иначе говоря, речь идет о социально-экономической и духовно-культурной сущности государственности.

В западной классической философской науке изначально отрицалась кочевая государственность, у истоков отрицания которой стояли классики немецкой философии — И. Кант и Г. Гегель.

Что касается России, то в ней в начале 30–40-х гг. XIX в. сформировались такие направления, как западничество и славянофильство.

Представители западничества ориентировались в основном на Запад и его ценности, брали пример с него и считали, что надо строить общество по его принципам. Славянофилы же выступали за продвижение самобытности России и ценностей российского общества. Пожалуй, важным толчком к такому делению явились реформы Петра I.

Несомненно, реформы принесли России положительные результаты, но в дальнейшей истории развития российского государства появилось «заимствование» у Запада, которые не прижились в России. Тем не менее данные направления общественной мысли, идеи прошли сложную эволюцию и трансформировались в XX и XXI в. и стали основой для модернизации многих стран в плане государственно-правового строительства.

Возвращаясь к некоторым «заимствованиям» у Запада, отметим аспект, что, к сожалению, историческая, философская, теоретико-правовая мысль в России, а также в бывших государствах СССР основывалась на принципах западной науки и не учитывала совсем или в частности генезис кочевых обществ, не уделялось должного внимания и кочевым цивилизациям.

---

²⁷⁴ Тойнби А. Постигание истории: сб. / пер. с английского; сост: д. филос. н. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991.

Как точно отметил русский востоковед Ю.Н. Рерих, что «казавшиеся нам незначительные племена почти две тысячи лет волна за волной бросали по копыта своих коней могучие цивилизации и поработали целые народы. В жарком котле Центральной Азии плавилась судьбы многих народов, больших и малых»²⁷⁵.

История изучения природы кочевой государственности рассматривалась в разные периоды учеными: Н.Я. Аристовым, Н.И. Гродековым, Г.Н. Потаниным, А.Н. Харузиным и др.

В советский период исследователи истории, ученые, этнографы В.В. Радлов, В.В. Бартольд, С.М. Абрамзон, А.Н. Бернштам, К.И. Петров и другие уделили пристальное внимание на изучение эволюции государственности кочевого общества.

Позже активно примкнули к ним О.К. Караев, Ю.С. Худяков, В.Я. Бутанаев, Т.К. Чоротегин, Дж. Джунушалиев и др. В их научных трудах так или иначе рассматриваются вопросы государственности и источников права.

В дальнейшем вопросы государственности и обычного права кочевников получили широкую дискуссию в трудах ученых С.Е. Толыбекова, С.З. Зиманова, Н.Н. Ильясова, К.Н. Нурбекова, В.Ф. Шахматова, А.Д. Грач, Г.Г. Пикова и др. В литературе под их авторством собраны сведения об институтах обычного права кочевого общества в период проводимой политикой царской России (о праве собственности на землю; развития правоотношений в области брачно-семейных, наследственных и уголовно-правовых сферах).

Наконец, после развала СССР в бывших его государствах, в поисках национальной самоидентичности стали бурно развиваться исторические, философские, правовые исследования природы государственности и его элементов: С.Г. Кляшторный, Н.Н. Крадин, С.К. Кожоналиев, Е.И. Кычанов, В.В. Трепавлов и др.

В современный период активно подключается целая плеяда ученых, отмечается бурный рост исследований по истории и теории государства и права.

Особняком выделяется выдающийся ученый Л.Н. Гумилев, труды которого по достоинству можно отметить как исследования форм взаимоотношений кочевой цивилизации с оседлой, с присущими им различных хозяйственных,

---

²⁷⁵ Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999. С. 288.

культурных типов, который, по мнению Н.Н. Крадина²⁷⁶, в условиях методологического идеологического господства формационной теории первым интерпретирован им на основе цивилизационного подхода²⁷⁷.

Л.Н. Гумилев выдвигает понятие «этнос», описывая его как несколько видов этнических систем, которые проходят типичные процессы этногенеза и взаимодействуя этносов²⁷⁸. Признаками таких этнических систем являются: 1) биологически обусловленное сообщество людей; 2) способность их приспособления к ландшафту; 3) осознание своего биологического единства в сообществе и противопоставления себя другим этническим системам.

Отсюда исходит стереотип поведения — образец восприятия и интерпретации, фильтрации информации при распознавании окружающего мира, основанной на предшествующем социальном опыте; общая история и происхождение; устойчивая эволюция данных этнических систем.

На наш взгляд, уместно применить явление этнической системы: обозначить как существующие или существовавшие «этнические массивы». К ним можно отнести: гуннский, тюркский, славянский, германский, англо-саксонский, китайский и т.д.

В таких этномассивах в историческом аспекте появлялись самые ранние формы государства и государственности. В целом, они отличались друг от друга, но что самое главное — у них был единый этнический генетический код. Возможно появление этномассивов и по другим основаниям, например, религиозный фактор: исламский, христианский, буддистский и т.д. Именно в таких этномассивах зарождаются различные формы государственности. Необходимо отметить, что государственность — это качественное состояние общества, при котором в результате эволюции может появиться конечный продукт — государство, а может, и нет.

К сожалению, при прозападной векторности науки игнорируются уникальные формы государственности, в нашем случае феномен «кочевой государственности».

---

²⁷⁶ Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе // Философия и общество. 2001. Вып. 2 (23). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/258187>.

²⁷⁷ Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2007. Вып. 5. Востоковедение. История. С. 163-167.

²⁷⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Серия: Библиотека истории и культуры. М.: Айрис-Пресс, 2016.

Так, генезис первой кочевой цивилизации (хунну — сянны — гунны), в Центрально-Азиатском регионе восходит к III тыс. до н.э., которыми были заняты Забайкальская территория до Тибетских равнин, от просторов Средней Азии до реки Хуанхэ.

На протяжении почти 500 лет гунны — воинственные кочевники Азии, вторгшись в пределы древнекитайской государственности, доходили вплоть до Кашмира (город на севере Индии). В исторических записях античных авторов повествуется о военных походах гуннов в IV — нач. V в. на территории Европы и Западной Азии.

В конце I тыс. до н.э. на территории от Ферганской долины до озера Кыргыз-Нур (ныне — Монголия) существовали признаки государств, непосредственно связанных с историей государственности кыргызов: Государства Давань (в Фергане); Государства Усунь (столица Чигу), находившегося на территории Севера Кыргызстана и Южного Казахстана; Государства (Владение Кыргыз) — на территории Восточного Тянь-Шаня.

Все указанные государства в определенной степени были связаны с мощной кочевой державой — империей гуннов.

Здесь и первое упоминание о кыргызах, относящееся к 201 г. до новой эры. Именно через державу гуннов, на наш взгляд, кыргызами усвоены основополагающие принципы построения государственности.

Что касается кыргызского этноса, то кочевой образ жизнедеятельности, сохранившийся до начала XX в., по сегодняшний день в общественном сознании сохранил и его консервативные элементы.

Его естественную основу, органическую и неотъемлемую часть составляют ценности традиционной обычно-правовой культуры, воплощенные в следующих обычно-правовых документах: «Эреже» — малый свод законов бийско-казийских судов кочевого общества; в устном народном творчестве — эпосе «Манас»; пословицах и поговорках; у казахов — в своде степных законов «Жети Жаргы», методологический аспект изучения которых представляет для историко-правовой науки важное значение.

Сегодня в любом государстве и обществе актуальными остаются вопросы поворота науки к векторности к Западу и собственным традициям, касающиеся происхождения и развития собственной государственности и особую актуальность они приобретают для постсоветских стран.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КЫРГЫЗОВ В XIX В.: СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО И ПРОЦЕСС

Н.С. Турсунбаева

В юридической науке под обычным правом понимается фактически сложившиеся в течение длительного времени правила регулирования поведения людей, которые официально признаны в качестве общеобязательных норм права²⁷⁹. В настоящее время наука по теории обычного права продолжает дополняться различными исследованиями в этой сфере. Однако вопросы определения роли обычного права в отправлении правосудия биями все еще не получили достаточного отражения в науке. Представляется, что восполнить этот пробел возможно, рассмотрев и изучив источники обычного права кыргызов, поскольку именно в них содержались нормы, регулирующие вопросы судебного устройства и судебного процесса биев.

Одним из источников обычного права выступает обычай, под которым понимается правило поведения, сложившееся в силу установившейся традиции или привычки. Необходимо обратить внимание на то, что первоначально обычаи возникали, затем передавались из поколения в поколение и соблюдались подавляющим большинством в добровольном порядке, где контролирующей силой выступало общественное мнение. В качестве источника обычного права также выделяются отдельные судебные решения. Пословицы и поговорки также относятся к источникам обычного права, что подтверждают многие авторы (М.А. Супатаев, Т.М. Культелеев, Б.И. Борубашов). В пословицах и поговорках отражались обычно-правовые нормы, в которых проявлялись роль, статус биев и их место в существующем обществе, нормы должного поведения их членов. К примеру, существовали такие поговорки: «Туура бийде тууган жок, туугандуу бийде ыйман жок» — «У честного судьи нет родни, у судьи, имеющего родню, нет совести»; «Жаман бий жанга салар», — «Плохой судья, который решает дело только присягой»; «Жакшы болсо — бийден, жаман болсо — кедейден», «Если выйдет хорошо — это от бия, если плохо — от бедняка».

Следующим источником обычного права является эреже. *Эреже* возможно определить как *положение, составляемое судьями-биями на чрезвычайном*

---

²⁷⁹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 401.

съезде, состоящее из правил и наставлений обычного права, которыми бии руководствовались при разрешении споров. Детальный анализ различных эреже позволил сделать вывод о том, что в них как письменном источнике в большей степени проявляется роль обычного права в отправлении правосудия биями. Эреже состояли из материальных и процессуальных норм. Процессуальные нормы, содержащиеся в них, подробным образом регулировали вопросы, связанные с судебным процессом. Судья-бий при разрешении спора руководствовался материальными нормами, указанными в этих эреже, и при вынесении решения ссылался на данные нормы.

Являясь объектом исследования различных ученых, суд биев представляется ими как орган по отправлению правосудия в соответствии с нормами обычного права. Однако точки зрения не всех ученых-исследователей обычного права совпадали относительно сущности суда биев²⁸⁰. Существуют две противоположные позиции, анализ которых позволил отнести к одной из них таких ученых как Д. Андре, Г. Загряжский, И.И. Крафт. Исследователи за основу формирования суда биев брали морально-нравственные качества, их авторитет. Представителями противоположной точки зрения С.М. Абрамзон, С.К. Кожоналиевым, К. Нурбековым выдвигались тезисы о том, что материальные блага биев, их власть и родословная выступали определяющими критериями в выборе биев.

Как нам кажется, неоднозначность мнений относительно личности биев, их политического и социального статуса, объясняется выполнением биями до середины XIX в. различных функций в обществе. Наряду с отправлением правосудия бии выполняли административно-политическую функцию, военную, законодательную (выступали предводителями родов, возглавляли народное ополчение, занимались разрешением споров и участвовали в выработке эреже). Также бии осуществляли нравственно-воспитательную и идеологическую функции. Несмотря на то, что данный фактор мог оказывать влияние и на материальное положение биев, нами бии не определяются исключительно как выходцы из зажиточных слоев общества. В материальном отношении биев могли представлять различные социальные слои общества.

---

²⁸⁰ Загряжский Г. Юридические обычаи киргиз // Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования / под ред. С.З. Зиманова. 2005. Т. 6. С. 295.

Говоря о судебном устройстве по обычному праву кыргызов следует отметить, что до середины XIX в. судоустройство кыргызов было основано на родо-племенном делении. Родоплеменная система кыргызов, полагается характеризовалась четкой структурой подчинения и членения: племя, затем подразделение и род. При этом, как отмечается Э.Ж. Усекеевым, основной формой организации кыргызов выступала пастбищно-кочевая община, где основной ячейкой являлся аил²⁸¹.

Исследуя нормы обычного права кыргызов об их судоустройстве, можно выделить айльных, родовых и племенных судов биев, а также периодически созываемых съездов представителей местного населения. При этом следует заметить, что в рассматриваемое время не существовало определенных категорий дел, которые рассматривались бы исключительно айльными, родовыми и племенными биями. Объясняется это тем, что теоретически в соответствии с нормами обычного права кыргызов потерпевшая сторона с делами любой категории, малыми или крупными, могла обращаться к любому бию, в авторитете которого не сомневается. Однако согласно судебной практике биев, в большинстве случаев айльные бии рассматривали поступившие к ним такие незначительные уголовные и гражданские дела, как обвинения в клевете, оскорблении, драке, нанесении телесных повреждений, краже скота и другого имущества небольшой стоимости. Родовыми и племенными биями же могли разрешаться дела, возникшие в рамках рода или в интересах целого племени. Согласно судебной практике ими обычно рассматривались дела, связанные с убийствами, барымтой, грабежами, разбоями, тяжкими телесными повреждениями и др.²⁸²

Съезды представителей местного населения созывались для разрешения споров между представителями разных родов или племен, а также для пересмотра некоторых решений единоличных биев. Данные съезды проводились с участием биев этих родов или племен и других родоправителей. Анализ норм обычного права позволил в целом съезды представителей местного населения подразделить на межродовые и межплеменные съезды.

---

²⁸¹ Усекеев Э.Ж. Типологические черты государства кыргызов до вхождения в состав Российской империи: влияние на характер и институты власти. URL: www.jurnal.org/articles/2013/filos9.html

²⁸² Борубашов Б.И. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана: учебное пособие. Т. 1. Б., 2008. С. 197.

В некоторых источниках обычного права имеется практика, согласно которой кыргызы до вхождения в состав России часто обращались к третейскому способу разрешения споров. В некоторых случаях и сами бии могли выступить в роли третейского судьи. Однако, в отличие от решений суда биев, решения третейского судьи не подлежали обжалованию, о чем стороны должны были заранее договориться.

После вхождения кыргызов в состав России кыргызские суды биев вошли в состав судебной системы Российской империи. Так, в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях действовали следующие суды: военный, суд на основании общих законов Империи и народный суд (суд биев)²⁸³.

Судоустройство кыргызов в рассматриваемый период основывалось уже не на родоплеменном делении, как было ранее, а строилось в соответствии с принципом территориальности. Суды биев имели следующую систему: единоличные аульные суды биев, волостные съезды биев, чрезвычайные съезды биев.

Россией в целях регулирования вопросов судоустройства народов, входящих в их состав, были приняты следующие нормативные акты: Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г., Положение об управлении Туркестанского края 1886 г., Закон «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области» 1898 г. Основные изменения в судоустройстве кыргызов были связаны с первыми двумя актами.

Особенность судоустройства кыргызов в составе России после принятия Проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г., как нам кажется, заключалась в том, что в зависимости от суммы иска определялась иерархичность структуры судебных учреждений, состоящая из единоличного аульного суда биев, волостного и чрезвычайного съезда биев. Единоличный аульный суд биев выступал единственной и последней инстанцией, выносящей окончательные решения по искам, не превышающим 100 руб., в случае вынесения решения по делам с суммой иска более 100 руб. выступал судом первой инстанции, где на его решение могла быть подана апелляция в волостной съезд биев. Волостные съезды биев имели право рассматривать дела с любой суммой иска. Но в одном случае волостной съезд выступал последней

---

²⁸³ Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях 1867 г. СПб., 1867. С. 20.

инстанцией, выносящей окончательные решения, когда сумма иска не превышала 1000 руб., а в другом — судом второй инстанции, когда на его решение могла быть подана апелляция в чрезвычайный съезд по делам с суммой иска более 1000 руб. Чрезвычайный съезд биев выступал высшей инстанцией, рассматривающей дела с особо крупной суммой иска (более 1000 руб.), дела о споре между представителями разных уездов и волостей, а также апелляции на решения волостных съездов биев.

Особенность судоустройства кыргызов после принятия Положения об управлении Туркестанского края 1886 г. состоит в следующем. Единоличные суды биев в этот период выносили окончательные решения по делам с суммой иска не более 30 руб. В случаях рассмотрения ими дел с суммой иска более 30 руб. их решения могли быть обжалованы в волостные съезды биев. Также особенностью данного периода выступало предоставление спорящим сторонам права выбора судебной инстанции. Стороны даже с незначительной суммой иска могли, не обращаясь в единоличные аульные суды биев, сразу обратиться в волостные съезды биев.

Исследование и анализ различных материалов позволяет *судебный процесс* по обычному праву кыргызов определить как *урегулированную нормами обычного права деятельность судей-биев, истца и ответчика, поверенных, свидетелей, доказчиков и присягателей, связанную с рассмотрением и разрешением спорных дел, а также деятельность исполнителей решений биев, принятых в результате такого рассмотрения и разрешения*. Так, в судебном процессе по обычному праву участвовали судья-бий, истец, ответчик, поверенные или представители сторон, свидетели, доказчики и присягатели. В некоторых случаях в процессе могли присутствовать представители местной власти. Среди вышеуказанных участников особо выделяются доказчики, которых по-другому именовали «айгаками». Доказчики за определенное вознаграждение или без него обязались разыскать виновного в рассматриваемом деле, либо, зная виновного, требовали от потерпевшего вознаграждения, определяя его размер, обязывались назвать виновного.

Судебный процесс по обычному праву кыргызов состоял из следующих стадий: 1) возбуждение дела в суде биев; 2) попытка примирения сторон; 3) подготовка дела к судебному разбирательству; 4) судебное разбирательство; 5) обжалование решения; 6) исполнение решения. В одних случаях для возбуждения

дела необходима была инициатива самого истца, в других — дела рассматривались без иска потерпевшего. Данное обстоятельство объяснялось тем, что деяния, совершаемые в сообществах, состоящих не только из индивидов, сколько из различных микрогрупп, таких как семья, род, причиняя ущерб определенному лицу, неизбежно вовлекалась в конфликт масса других людей. Следует отметить, что после возбуждения дела бии пытались примирить стороны, и только в том случае, если стороны продолжали настаивать на судебном рассмотрении дела, начиналось судебное разбирательство.

Обычное право кыргызов отличалось наличием широкого содержания в ней норм о примирительных процедурах. До начала судебного разбирательства бии сторонам предлагали заключить мировую сделку, именующуюся «бүтүм», либо завершить спор «салаватом» — прощением, преданием дела «забвению». Согласно нормам обычного права, салават мог быть общим (полным), либо частичным (неполным). При неполном салавате происходило такое примирение, когда спорящие стороны определяли время, до которого только начавшиеся претензии, споры предавались забвению. После попыток примирения сторон, не увенчавшихся успехом, бий при активном участии всех заинтересованных лиц должен был произвести подготовку дела к судебному разбирательству, цель которой заключалась в том, чтобы обеспечить своевременное разрешение дела. На данной стадии судопроизводства осуществлялась деятельность по обеспечению явки сторон и других участников судебного разбирательства.

Судебное разбирательство согласно нормам обычного права кыргызов можно определить *основной, определяющей стадией судебного процесса, в которой спорное дело разрешалось по существу и заканчивалось вынесением бием решения*. На стадии судебного разбирательства по нормам обычного права кыргызов в полной мере реализовывались такие принципы судопроизводства, как принципы состязательности и равенства сторон, а также принципы гласности, публичности и устности процесса. Принцип состязательности и равенства сторон определял сам характер судебного разбирательства, придавая ему ярко выраженную состязательность, которая выражалась в споре двух равноправных сторон перед бием. В соответствии с нормами обычного права кыргызов после объявления бием сути спорного дела происходило выступление сторон в строгой очередности, по которому первым выступал истец и его свидетели, затем ответчик со своими свидетелями. Действия стороны истца были направлены на установление виновности ответчика, а действия ответчика и его свидетелей — либо

на признание собственной вины, либо на отказ от такого признания. Также следует отметить, что судебное разбирательство кыргызов по обычному праву было гласным и публичным. Это выражалось в том, что даже если бий как судья был признан обеими сторонами, он мог пригласить других биев либо других уважаемых в обществе людей, которые, не принимая непосредственного участия в принятии решения, фактом своего присутствия и соответственным поведением обеспечивали его авторитет и легитимность. Судебное разбирательство по обычному праву проходило в устной форме. Все материалы, имеющие значение для дела, вопросы, возникающие в суде биев, излагались и обсуждались в устной форме.

Исследование института доказательств в обычном праве кыргызов позволило отнести к ним следующие: 1) задержание виновного с поличным; 2) собственные признания стороны; 3) показания свидетелей; 4) личный осмотр; 5) вещественное доказательство; 6) присяга.

В соответствии с нормами обычного права по окончании приведения доказательств сторона истца и ответчика, выступая на судебных прениях, изъясняли собственные позиции по делу, после которых бий, обдумав все обстоятельства дела и взвесив все доводы, которые были за и против, выносил решение. Как нам кажется, отличительной чертой судопроизводства по обычному праву являлось деление судебного решения на окончательное и альтернативное. Решение признавалось окончательным, когда обвиняемый признавал свою вину, или она была безусловно доказана свидетельскими и вещественными доказательствами. Альтернативным признавалось в случае вынесения решения, по которому в одном случае ответчик признавался виновным, а в другом — невиновным. К примеру, суд биев в своем решении указывал, что если ответчиком будет принята оправдательная присяга, тогда истцу в иске отказать, а в противном случае считать ответчика виновным.

Изучение и анализ норм обычного права кыргызов, а также иных источников позволил в итоге судебное разбирательство разделить на следующие стадии: 1) начало судебного разбирательства; 2) рассмотрение дела (также приведение доказательств); 3) судебные прения; 4) вынесение решения и его оглашение.

До середины XIX в. решения суда биев хотя и в редких случаях, но все же могли быть обжалованы, в чем заключалась особенность суда. Так, в отличие от кыргызского суда биев, Чеченский адатский суд не знал процедуры обжалования и пересмотр принятого решения. Сторона, не согласная с обязательностью и

справедливостью принятого решения, подвергалась всеобщему порицанию среди общественности села, тайпов и народа²⁸⁴.

Исследование норм по обжалованию решений биев в обычном праве кыргызов до середины XIX в. показал непосредственное участие местных властей в лице манапов в отправлении правосудия биями. Так, решения айльных, родовых и племенных судов биев в некоторых случаях обжаловались родовым или племенным манапам, которые решали вопрос: без судебного разбирательства удовлетворить иск обратившейся стороны, при наличии неопровержимых доказательств, либо для рассмотрения данного дела назначить съезд, на котором будут участвовать родоначальники, бии и другие влиятельные лица обоих родов. Решения этих съездов обжалованию уже не подлежали, поскольку подобные съезды проводились с участием не только самих биев, но и с участием родовых либо племенных манапов. Доказательством этому служит следующее изречение С.К. Кожоналиева: «Когда спор решался самым главным родоначальником или с его участием, то жалобу на неправильное решение дела некуда было подавать и эту жалобу никто не имел права принимать»²⁸⁵.

После вхождения кыргызов в состав России решения биев также возможно было обжаловать. Жалоба направлялась в вышестоящую инстанцию суда биев. Решения биев возможно было обжаловать и в царских административных органах. Нами полагается, что отмена решений биев в результате подачи жалоб на них, в основном происходило по причине нарушений правил подсудности. Как нам кажется, это предопределялось кочевым образом жизни кыргызов, поскольку по делам с нарушением подсудности у кочевых народов отменялось в 70–84% случаев, у оседлых — в 36%²⁸⁶. Так, решения по делам, которые должны были выноситься чрезвычайными съездами, выносились другими судами из-за отдаленности у кочевых народов мест проведения чрезвычайных съездов и не регулярности их проведения.

---

²⁸⁴ Сайдумов Дж.Х. Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Грозный, 2014. С. 112.

²⁸⁵ Кожоналиев С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Ф., 1963. С. 18.

²⁸⁶ Пален К.К. Народные суды Туркестанского края. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПбИш-кек: Сенатская типография, 1909. С. 96.

До середины XIX в. решения биев носили устный характер. В некоторых местностях настоящего Кыргызстана, например в Иссык-Кульской области, устное решение бии закрепляли разрезанием небольшого прутика на две части²⁸⁷. Данное действие означало, что вынесенное решение подлежит исполнению. В случае неисполнения судебного решения сторона могла обратиться к самому бию, вынесшему решение, либо другим влиятельным лицам айла или рода осужденных. Со второй половины XIX в. нормы по исполнению решений биев детально регламентируются. Функции по исполнению решений биев стали принадлежать аульным старшинам и волостным управителям.

Таким образом, в результате проведенного анализа норм обычного права кыргызов по судебному устройству и процессу в XIX в. можно сделать следующие выводы.

В ходе исследования было установлено, что биями становились в силу глубоких знаний норм обычного права, ораторского искусства и широкого кругозора. Обычное право предъявляло такие требования к биям, как наличие природного ума, примерной ответственности, честности, прямооты и открытости, находчивости, справедливости. Соответствие вышеуказанным требованиям давало возможность лицам приобретать статус судьи-бия, вне зависимости от иных факторов, что обусловило неоднородность социальной принадлежности биев. Так, биями могли выступить как представители зажиточных слоев общества, так и менее привилегированные лица.

Судебное устройство кыргызов по обычному праву, по мнению автора, прошло следующие этапы своего развития.

1. Этап формирования и развития судеустройства кыргызов по нормам обычного права до вхождения в состав России (до середины XIX в.). Особенность судеустройства этого периода заключается в том, что родоплеменное деление кыргызов и пастбищно-кочевая община как основная форма организации кыргызов, основной ячейкой которой выступал аил, оказали влияние на устройство суда биев.

2. Этап развития судеустройства кыргызов по нормам обычного права в составе Российской империи (со второй половины XIX в. — 1917 г.). Суды биев стали входить в судебную систему Российской империи, в основе построения которой был положен территориальный принцип.

---

²⁸⁷ Сайдумов Дж.Х. Указ. соч. С. 17.

3. Этап упразднения суда биев в составе СССР (1917 г. — конец 20-х гг. XX в.). На данном этапе происходит постепенное исчезновение суда биев в результате его замены советскими судами и принятия актов, предусматривающих уголовную ответственность за рассмотрение и вынесение решений по обычаям населения.

В судоустройстве кыргызов выделялись третейские суды. Третейский суд обладал такими особенными чертами, как способ формирования (выборы третейского судьи осуществлялись по взаимному согласию сторон), выступление суда в качестве суда *ad hoc*, ограничение круга рассматриваемых дел (разбирательство по делам, по которым налагались имущественные взыскания), наличие согласия сторон беспрекословного исполнения решения и невозможности его обжалования. В некоторых случаях сам бий мог выступить в роли третейского судьи.

В обычном праве кыргызов судебный процесс был детально регламентирован. Определялись такие участники процесса, как судья-бий, истец, ответчик, поверенные или представители сторон, свидетели, доказчики, присягатели. В некоторых случаях в процессе могли присутствовать представители местной власти. Имелся аппарат по обеспечению организации и проведения судебного процесса.

Судебный процесс по обычному праву кыргызов не делился на гражданский и уголовный. Так, нормы обычного права не проводили разграничения между понятиями преступления и гражданского правонарушения. В обычном праве кыргызов основными целями наказания являлись компенсация морального вреда, получение материального возмещения, а потом возмездие. Отсюда и цель самого судопроизводства, заключающаяся в восстановлении нарушенного права лица, независимо от характера этого нарушения. Судебный процесс по обычному праву был направлен в первую очередь на возмещение ущерба потерпевшему, а потом только на наказание виновного.

До середины XIX в. отсутствовал отрегулированный механизм исполнения судебных решений по обычному праву кыргызов. Вероятно, данное обстоятельство было связано с тем, что благодаря высокому авторитету судей-биев и выносимым ими законным и справедливым решениям, стороны в добровольном порядке исполняли решения суда биев. Суд биев выступал органом правосудия, к которому стороны обращались в виду его авторитета и ввиду доверия сторон решению, которое им выносилось.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С.Б. Чогулдуров

Развивающееся общество не может обойтись без научных изысканий. Наука выступает главным инструментом в решении важных проблем государства, в частности общества. Она обеспечивает суверенитет и независимость государства, стабильность в обществе, устойчивость управления. Сегодня наука должна учитывать и своевременно реагировать на вопросы, которые актуальны в различных сферах человеческой жизни.

Кыргызстан, будучи в составе СССР, сформировал достотачно хороший костяк научной интелегенции и научные школы различных направлений, в том числе и в области права. Отметим, что Кыргызская Республика в настоящее время гордится рядом крупных ученых-юристов, которые оказали и оказывают огромное воздействие на развитие отечественной правовой науки. Переходя непосредственно к анализу научных работ, мусульманского права в правовой науке Кыргызской Республики, “прежде всего нужно определиться с тем, что представляют собой указанные исследования. С формальных позиций полагаем, что исследование вопросов религии в области права можно определить как исследование по научной специальности 12.00.00 — юридические науки”²⁸⁸.

Как известно, юридическая наука — это наука, изучающая свойства государства и права; совокупность правовых знаний; практику применения юридических знаний и деятельность юристов.

В последние годы в Кыргызской Республике появляются новые научные исследования, посвященные вопросам религии в области права. Это обусловлено многими объективными и субъективными факторами. Положительным фактором, влияющим на появление исследований по изучению вопросов религии в области права, вне сомнения, является конституционная реформа 2021 г. и следующие за ней изменения законодательства Кыргызской Республики, затем приня-

---

²⁸⁸ Чогулдуров С.Б. Исследование исламского права в науке Кыргызстана // Вестник КРСУ. 2020. Том 20. № 11. С. 121–125.

тие Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы, утверждение Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы, а также принятие Закона Кыргызской Республики “О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике” 2008 года, реформирование которого продолжается по сей день. Последние изменения в данный закон были внесены от 22 мая 2021 года Законом Кыргызской Республики О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике».

Применительно к теме настоящего исследования отметим, что большой вклад внесли в изучении источников мусульманского права в Кыргызстане К.Н. Нурбеков, С.С. Сооданбеков, С.К. Кожаналиев, Б.И. Борубашов, А.А. Саби-ров, Н.А. Исмаилов, К. Маликов, Т.Г. Ганиева, Ч.А. Мусабекова, Б.Т. Токтобаев, Н.Д. Эшмурадова и др.

Основоположником современной кыргызской юридической науки является К.Н. Нурбеков. Его работы являются своеобразной “колыбелью” кыргызского права. Профессор К.Н. Нурбеков внес большой вклад в становление кыргызской государственности. Он является одним из первых ученых в республике, первым доктором юридических наук, автором двухсот научных трудов и исследований. Ценный материал по исследуемому вопросу содержится в известной монографии профессора «История государства и права Киргизской ССР»²⁸⁹. В работе К.Н. Нурбеков рассматривал ряд важных вопросов касательно источников мусульманского права: Коран, Сунна, Иджма и Кыяс. В монографии ученым высказаны ценные соображения о правовой природе шариата и его взаимодействии с обычным правом, о практическом применении обычного права и шариата в кыргызском обществе, а также о влиянии шариата на обычное право кыргызов и т.д.

Большой вклад в изучении отдельных положений мусульманского права внесен был еще С.К. Кожоналиевым. Относительно нашего исследования значительную ценность представляет его работа «Обычное право кыргызов»²⁹⁰. В работе С.К. Кожоналиев подробно освещает судоустройство и судопроизводство по мусульманскому праву — шариату в Ошской и Джалал-Абадской областях

---

²⁸⁹ Нурбеков К.Н. История государства и права Киргизской ССР. 2-е изд. Б., 1999. 129 с.

²⁹⁰ Кожоналиев С.К. Обычное право кыргызов / вступ. ст. Т.К. Чоротегина. Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 2000. 332 с.

до вхождения в состав России, отдельные виды преступлений и ответственность за них по обычному праву кыргызов, преступления против религии и другие деяния, признаваемые преступлениями по шариату. Главной отличительной чертой его работы является скрупулезность в раскрытии тех или иных положений мусульманского права в кыргызском обществе как до вхождения в состав, так и в составе Российского государства (1855–1917 гг.).

Исследованию мусульманского права посвящена работа профессора Б.И. Борубашова. Он в своем труде “История государства и права Кыргызской Республики”²⁹¹ изучил следующие вопросы мусульманского права, связанные с основой теории мусульманского права: источники мусульманского права, мусульманские правовые школы, основные черты мусульманского права. Кроме этого, автором особое внимание уделено классификации источников мусульманского права. Он отмечает, что источники подразделяется на две группы: главные и второстепенные (адилля и ттхад). К первой группе автор относит Коран и сунна, ко второй — иджма, фетфа, кияс, шариат, фикх и др. Согласно Б.И. Борубашову, Коран и сунна представляются главными источниками мусульманского права, так как они имеют направляющее отношение к правотворческому процессу. А источники второй группы, по мнению автора, являются второстепенными, в связи с этим они носят дополнительный характер.

Ввиду небольшого объема статьи кратко затронем описание источников мусульманского права, приведенные профессором Б.И. Борубашовым. Он отмечает, что Коран, являясь священной книгой мусульман всех стран мира, содержит правила об устройстве общественной жизни, относящиеся к торговле, женитьбе, наследованию, уголовному праву, международному праву, иные нормы этического, юридического, хозяйственного характера, а также различные запреты. Следующим вторым главным источником мусульманского права представляется сунна. Б.И. Борубашов пишет, что сунна представляет собой собрание хадисов (рассказы о поступках и высказываниях Мухаммеда (саллаллаху алейхи ва саллям)). Он указывает, что сунна проявляется в трех формах: 1) каул — высказывание пророка; 2) фил — действие пророка; 3) такрир — одобрение пророком чьих-либо действий.

В работе профессора Б.И. Борубашова можно встретить описание источника мусульманского права иждма. Данный источник в иерархии занимает положение

---

²⁹¹ Борубашов Б.И. История государства и права Кыргызской Республики. 2015. 336 с.

между основными и второстепенными источниками мусульманского права. По мнению исследователя, иджма — это решения, вынесенные авторитетными мусульманскими правоведами по вопросам, которые не затронуты в вышеотмеченных источниках.

Не менее важным представляется монография Б.И. Борубашова «Политико-правовая система кыргызского общества»²⁹². В работе рассматривается эволюция политико-правовой системы кыргызского общества в период VI — начала XX в. Проводится комплексное исследование общественных отношений кыргызского народа, анализируется правовое положение населения в соответствии с нормами обычного права кыргызов, шариата и законодательством Российской империи.

В работе под шариатом понимается свод религиозных и правовых норм, составленный на основе Корана и сунны, которые определяют убеждения, формируют нравственные и религиозные ценности мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение с момента рождения до смерти.

Отдельные аспекты, связанные с мусульманским правом, изучены Б.И. Борубашовым в монографии «Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855–1917 гг.): историко-правовое исследование»²⁹³, также в «Хрестоматии по истории государства и права Кыргызстана»²⁹⁴.

Особо следует подчеркнуть монографию Н.Д. Эшмурадовой «Адат и шариат в кыргызском обществе»²⁹⁵. Исследование является новым, оно вышло в свет в 2022 г. Данная работа представляется для научного сообщества своевременной и необходимой. В ней автор уделила достаточное внимание проблемам о месте и роли шариата в правовой системе кыргызского народа. В историко-правовом исследовании Н.Д. Эшмурадова изучает следующие актуальные вопросы: влияние шариата на традиционное кыргызское общество; место адата

---

²⁹² Борубашов Б.И. Политико-правовая система Кыргызского общества: монография. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2021. 416 с.

²⁹³ Борубашов Б.И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855-1917 гг.): историко-правовое исследование. Б.; 2009. 284 с.

²⁹⁴ Борубашов Б.И. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана: учебное пособие. Том 1 / сост. Б.И. Борубашов. Б., 2008. 657 с.

²⁹⁵ Эшмурадова Н.Д. Адат и шариат в кыргызском обществе: монография. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. 174 с.

и шариата в регулировании брачно-семейных отношений кыргызов; роль адата и шариата в гражданско-правовых отношениях; правосудие по адату и шариату.

Большое внимание в монографии уделено правовой аккультурации, адаптации, комбинированию норм шариата с нормами адата в системе кыргызского общества. В работе отмечается, что влияние шариата на традиционное общество прослеживается в приобщении кыргызов к обрядовости ислама. Заметную роль шариат играет в регулировании брачно-семейных и гражданско-правовых отношений. На территории проживания кыргызов существовавшая ранее система тюркского управления была заменена на мусульманизованную систему государственного управления, которая имели явные преимущества перед тюркской системой, базировавшейся на основе «конфедерации племен». Бытовали единые нормы, четкая иерархическая система источников права.

Одной из особенностей работы Н.Д. Эшмурадовой можно назвать исследование богословско-правовых школ. В монографии рассматривается ханафитский мазхаб. По мнению автора, благодаря ему многие обычаи мусульманизованных народов нашли свое отражение в правоприменительной практике, так как мазхаб учитывал культурные и исторические особенности народа.

Источниками мусульманского права по ханафитскому мазхабу являются: Коран, сунна, иджма сподвижников, личные мнения сподвижников, кьяс (суждения по аналогии), истихсан (предпочтение), урф (местный обычай).

Особую ценность представляют диссертационные исследования. К сожалению, в Кыргызской Республике исследования, посвященные вопросам религии в области права, лимитируются сравнительно небольшим кругом защищенных работ. Отметим, что в настоящее время одним из основных трудов остается докторская работа Т.И. Ганиевой²⁹⁶.

---

²⁹⁶ Ганиева Т.И. Становление и развитие гражданского права Кыргызстана (1864–2000 годы): автореф. дисс. ... д.ю.н. Бишкек, 2015. 43 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдарбекова Г.Б. — кандидат философских наук, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, gunara63@mail.ru (г. Бишкек, Кыргызстан)

Артыкбаев Ж.О. — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Аюпова З.К. — доктор юридических наук, профессор Казахского национального аграрного исследовательского университета (г. Алматы, Казахстан), zaure567@yandex.ru

Борубашов Б.И. — доктор юридических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан)

Буляков И.И. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Башкортостан), buljakow@mail.ru

Васильев А.А. — доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия)

Джумагулов А.М. — доктор юридических наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, (г. Бишкек, Кыргызстан), aydana7767@rambler.ru

Желтов П.В. — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия), p.zheltov@hotmail.com

Жусупов Б.А. — кандидат юридических наук, доцент Ошского государственного университета (г. Ош, Кыргызстан)

Зеленин Ю.А. — кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия), uri-zelenin@yandex.ru

Ибрагимов Ж.И. — доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан), ibragimov_zhi@enu.kz

Кравчук А.С. — кандидат исторических наук, доцент Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова (г. Симферополь, Россия)

Кулдышева Г.К. — доктор юридических наук, профессор Ошского государственного университета (г. Ош, Кыргызстан)

Кусаинов Д.У. — доктор философских наук, профессор Казахского национального педагогического университета (г. Алматы, Казахстан), daur958@mail.ru

Матаева М.Х. — доктор юридических наук, профессор Alikhan Bokeikhan University (г. Семей, Казахстан)

Набиев Р.Ф. — доктор исторических наук, профессор Казанского института МВД России (Казань, Россия)

Нурерке Ш. — Казанский федеральный университет (Казань, Россия)

Нурматов Т.А. — кандидат юридических наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан), tenur@rambler.ru

Почекаев Р.Ю. — доктор юридических наук, профессор Высшей школы экономики (г. Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник НОЦ «Большой Алтай» Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), rpochekaev@hse.ru

Сорокин В.В. — доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия)

Токтобаев Б.Т. — доктор юридических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызстан), toktobaev56@mail.ru

Турсунбаева Н.С. — кандидат юридических наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан), nazira.tursunbaeva@gmail.com

Чогулдунов С.Б. — старший преподаватель Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан)

Научное издание

**ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ПРАВА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ
В XIII-XIX ВВ.**

Сборник научных статей

Редакторование, подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*

Оформление обложки *А.А. Карпов*

Подписано в печать 21.08.2023.

Формат 60x84 1 / 16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 10,93. Тираж 300 экз. Заказ 538

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66